Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 107. 29-го іюля 1905 г. Годъ V

КЪ НАЧАЛУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА.

Приближается начало академическаго года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очередь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ студенты. Будутъ-ли они, по прежнему, бойкотировать университеты и другія высшія учебныя заведенія, или помнутъ пользу болѣе революціонныхъ путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавія, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ?

Несомнѣнно, конечно, говорить о томъ, что, какъ ни мала относительно соціальная сила, представляемая студенчествомъ, въ немъ тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на авансцену и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все-же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганизаціи правительственной власти, вносимаго „волненіями" учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. Важно, прежде всего то, особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Не еще болѣе важны услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной партіи въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ, съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой. Организованныя уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающейся молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ народнаго возстанія, могутъ оказаться незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ при постройкѣ и защитѣ баррикадъ, при всякихъ „техническихъ" дѣйствіяхъ возставшихъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются наши университетскіе города, и подчиненіе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть поставленъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда наряду съ „подготовленіемъ" революціи, на очередь дня все болѣе и болѣе выдвигается непосредственныя боевыя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессора московскаго университета постановили не читать лекцій до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно, во всякомъ случаѣ, вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, въ силу рѣшенія студенчества при началѣ академической забастовки, вопросъ о „тактикѣ своего студенчества. Рѣшать его, подобно профессорамъ, сохранить старую тактику? Такая тактика, въ свое время, имѣла несомнѣнно полное право на существованіе въ большой смыслъ. Въ ряду другихъ, болѣе крупныхъ по своему общественному значенію, проявленій протеста широкихъ слоевъ народа и общества противъ самодержавнаго строя, и она внесла свою долю въ дѣло его расшатки. Поскольку дѣло сводилось лишь къ такой расшаткѣ, лишь къ дезорганизаціи правительства, — а къ этому, почти цѣликомъ, и сводилось годъ тому назадъ — тактика пассивнаго сопротивленія, бойкота, борьбы со сложенными руками несомнѣнно содѣйствовала поставленной задачѣ. Она вполнѣ удовлетворяла и другому запросу времени — расширенію и усиленію политической агитаціи. Она наглядно *демонстрировала* передъ всѣмъ населеніемъ всю невозможность „жить такъ дальше" нормальности работы для рабочихъ, отправленія адвокатскихъ обязанностей для адвокатовъ, врачебныхъ — для врачей, невозможность научной и учебной дѣятельности для профессоровъ, учителей, студентовъ. Она показала самодержавію во весь ростъ, какъ страшный тормазъ не только для всякаго прогрессивнаго развитія, но и для простого проявленія всѣхъ общественныхъ функцій. Тактика *пассивнаго сопротивленія* — а такова и была по общему своему смыслу тактика забастовокъ и бойкота — дезорганизировала самодержавіе, вносила во всю страну элементы политическаго возбужденія и политическаго сознанія и *подготовляла* политическую мысль къ наступательнымъ дѣйствіямъ. „Заселеніе" студентовъ по всей странѣ, явившееся естественнымъ результатомъ закрытія учебныхъ заведеній, немало способствовало занесенію „заразы" въ самые глухіе провинціальные углы. Недаромъ „студентъ", наряду съ „жидомъ", сталъ предметомъ самой простой ненависти организаторовъ „черныхъ сотенъ".

Такимъ образомъ, повторяемъ, для своего времени тактика „забастовки" вполнѣ оправдывалась обстоятельствами и вполнѣ соотвѣтствовала поставленнымъ задачамъ. Но иныя времена — иныя нравы, и то, что вчера было прогрессивнымъ и революціоннымъ, сегодня легко становится отсталымъ и реакціоннымъ. Въ прошломъ № „Искры" („оборона или наступленіе") мы старались показать, какой недостаточной и переходящей была-бы въ переживаемый моментъ тактика неосложненнаго принципіальными дѣйствіями бойкота, проектированная „Союзомъ" союзовъ" по отношенію къ Булыгинской Думѣ. Тѣ-же принципы примѣнимы цѣликомъ и къ студенческой тактикѣ забастовокъ. Мы должны готовиться къ активнымъ боевымъ дѣйствіямъ массъ. Разумѣется, и разрозненные, разбросанные по всей странѣ, лишенные взаимной связи, создающіеся неорганизованнымъ общеніемъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, студенты могутъ, каждый въ одиночку, принимать участіе въ этихъ боевыхъ выступленіяхъ и играть въ нихъ извѣстную полезную роль. Но именно только въ одиночку. Вся-же сила, которая заключается въ коллективной организованности студенчества, идетъ ли въ этомъ на смарку. А между тѣмъ, какъ мы уже упоминали, именно эта коллективная организованность и составляетъ одну изъ тѣхъ особенностей студенчества, которыя дѣлаютъ его драгоцѣннымъ элементомъ въ эпоху революціонныхъ бурь и наступленій революціонныхъ дѣйствій. Революціонныхъ единицъ много, революціонныхъ организмовъ — мало. Надо дорожить тѣми немногими, какіе имѣются въ наличности.

Значитъ, мы зовемъ студентовъ „приступить къ занятіямъ", начинавшись введеннымъ правительствомъ режиму и спокойно ждать, пока революціонный Аполлонъ призоветъ ихъ къ „священной жертвѣ"? Конечно, нѣтъ. Такая дилемма — или продолженіе забастовки, или подчиненіе правительственному террору — вставетъ только передъ тѣмъ, кто не можетъ перескочить черезъ рамки пассивной тактики, пассивнаго сопротивленія. Студенчество должно въ этомъ случаѣ пойти дальше прозаиковъ и показать своимъ „учителямъ" примѣръ активной тактики и въ области академическихъ отношеній. Студенчество должно вернуться въ университетъ не затѣмъ, чтобы мирно вкушать плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той цензуры, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. „Захватное право" должно воцариться и въ академическихъ залахъ. Систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго „распорядка", изгнаніе педелей, инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣста народныхъ собраній и политическихъ митинговъ — вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціонаго народа,—такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе, конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ „радикальныхъ" профессоровъ, которые упиваются свою собственною гражданскою доблестью, выражающеюся въ пассивномъ отказѣ читать лекціи, поднимутъ ужасный вопль по случаю покушенія революціи на „свободу" науки. Но смущаться этими воплями не слѣдуетъ, не только потому, что „свобода" профессорской „науки", всегда косящей глазами въ сторону правящихъ классовъ, — вещь довольно сомнительной цѣнности, но и потому, что тѣ недолгіе дни до возвращенія либеральнаго „порядка", когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ трибуной съ которой всякій свободномыслящій будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе, — эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. Я можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро дадутъ снова запречь себя въ оглобли разнѣренно-аккуратной „научной мысли" г.г. профессоровъ...

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода „возвращеніе" студентовъ къ „занятіямъ". Если забастовка была для него „бичемъ", то прекращеніе ея окажется „скорпіономъ". И необходимо считаться съ такой перспективой, что правительство очень скоро само будетъ стараться закрыть тѣ университетскія двери, въ которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно втащить студенчество. Но, не говоря о морально-политической выгодѣ такой позиціи, при которой не студенты, а правительство является инициаторомъ „прекращенія науки", обстановка революціоннаго времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, даетъ основаніе разсчитывать и на непосредственные успѣхи въ начѣченномъ направленіи. Быть можетъ, даже размѣры этихъ успѣховъ будутъ такъ велики, что правительству не удастся вернуть ту эру „леченія", о которой оно будетъ вздыхать, но будетъ слишкомъ *поздно*.

Но, разумѣется, предѣлами академической жизни задачи студенчества не ограничиваются. Оно должно воспользоваться своимъ общеніемъ между собой и съ [illegible] народомъ, который устремится въ откр[illegible] университетовъ, для того, чтобы организоваться под[illegible], чтобы примкнуть къ опредѣленнымъ политическимъ [illegible] къ, завязать тѣсныя отношенія съ партійными организа[illegible] и организовать свою дѣятельность (хотя бы въ предстоящей [illegible]ательной" агитаціи съ ихъ дѣятельностью, вооружиться [illegible] и содѣйствовать вооруженію народа и т. д. и т. д. Въ [illegible] области, разумѣется, неизбѣжно партійное разложеніе студенчества и партійная группировка его. Но и этой группировкѣ собраніе разсыпанной студенческой гранины воедино можетъ только способствовать.

Итакъ, вотъ два пути — продолженіе отжившей свое время и, въ значительной мѣрѣ, утратившей свое значеніе тактики пассивнаго сопротивленія, или широкая перспектива наступательныхъ боевыхъ дѣйствій съ возможностью играть огромную роль въ активномъ выступленіи передовыхъ массъ на штурмъ самодержавія. Первый путь, несомнѣнно, гораздо болѣе легкій; второй — чреватъ тяжелой борьбой, тяжелыми жертвами, частичными неудачами, невѣренностью въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ удастся достигнуть успѣха. Студенчеству предстоитъ выбирать, и мы хотѣли бы, чтобы революціонный смыслъ подсказалъ ему именно этотъ, второй путь.

РАНО ПТАШЕЧКА ЗАПѢЛА.

Событія на „князѣ Потемкинѣ" были первымъ раскатомъ надвигающагося народнаго возстанія. И достаточно было одного этого раската, чтобы господамъ освободителямъ уже стали сниться дурные сны. Давно ли г. Струве пресъ „ѣлъ" тѣмъ, что мы преждевременно „ѣлимъ шкуру убитаго медвѣдя". Теперь, извлекши опытъ возстанія хотя бы частичнаго, хотя бы неудавшагося, онъ и его присные уже обезпокоились о судьбѣ „шкуры", уже заговорили объ ея „ѣдцѣ" и какимъ языкомъ заговорили! Еще „демократы" только собираются въ походъ, еще въ первый разъ они промежъ себя рѣшили, что отъ депутатскихъ кадръ они отъ адресовъ нечего ждать, что пора апеллировать къ народу, а уже въ головахъ ихъ литературныхъ „регистраторовъ" зрѣютъ контръ-революціонныя идеи Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!

Въ № 73 „Освобожденія" г. Струве помѣстилъ статью „Князь Потемкинъ и что же дальше?" Въ № 74 „Освобожденія" помѣщена статья о возстаніи, нѣкоего „Освобожденца", написанная тоже подъ впечатлѣніемъ событій на „Потемкинѣ". Г. Струве оговаривается, что онъ согласенъ съ „Освобожденцемъ", лишь въ выводахъ, но не согласенъ съ его мотивировкой. Мы не знаемъ, въ чемъ именно г. Струве не согласенъ съ „Освобожденцемъ", но, сравнивая объ указанныя статьи, мы приходимъ къ заключенію, что нашего любителя „имущей политики", г. Струве, шокируетъ развѣ лишь наивная откровенность и рѣзкость сужденій его единомышленника, граничащая съ парадоксальностью.

Г. Струве продѣлалъ свой путь отъ марксизма къ либерализму рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ теченіи которыхъ онъ успѣлъ переоцѣнить всѣ цѣнности и отмежеваться отъ насъ по всей линіи. Г. „Освобожденецъ", повидимому, тоже принадлежитъ къ числу „бывшихъ" революціонеровъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не прочь съ нами „родными счесться". Но онъ, видно, такъ быстро отступалъ, что ему еще до сихъ поръ его крутой поворотъ направо представляется въ видѣ нашего столь-же внезапнаго поворота налѣво.

Г. Струве выражается мягко: „Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что участіе [illegible]вооруженныхъ силъ въ политическомъ движеніи страны представляетъ и для дѣла истинной революціи крупныя опасности". Г. „Освобожденецъ" выражается весьма рѣшительно: „Открытую проповѣдь въ Россіи вооруженнаго возстанія мы считаемъ теперь безумной и преступной". Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы-бы, пожалуй, не стали спорить противъ рѣшительнаго заявленія ненавѣтнаго намъ г. „Освобожденца". Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую нами въ настоящее время, г. „Освобожденецъ" имѣетъ наивность, если это только наивность, утверждать, что не онъ выступалъ противъ революціи, вопреки своему демократическому ярлыку, а что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, измѣнили своимъ традиціямъ. „Они (представители соціалистическихъ революціонныхъ партій) сразу измѣнили всѣ свои тактическіе взгляды, — говоритъ онъ. — Мы не отрицаемъ, что ихъ теорія заключали нѣкоторыя основанія для того, чтобы эта перемѣна... не производила впечатлѣнія измѣны своимъ убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе фактъ коренного измѣненія всѣхъ тактическихъ взглядовъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію". Въ чемъ-же проявился этотъ „фактъ", г. „Освобожденецъ"?

Раньше, видите-ли, всѣ были согласны въ одномъ, что успѣхъ борьбы съ самодержавіемъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ. Теперь наши революціонныя партіи совершенно измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность, по крайней мѣрѣ, поскольку ею руководитъ общество (sic!) для нихъ теперь не политическая сила... Теперь для нихъ политическая сила... въ вооруженной силѣ организованнаго народа.

Мы бы посовѣтовали г. „Освобожденцу" не писать исторію русской революціонной мысли „по Дебагорію-Мокріевичу и Драгоманову"; это, примѣрно, такое же неблагодарное занятіе, какъ излагать Маркса по Бернштейну. Во первыхъ, никогда и никакія революціонныя партіи въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, *поскольку имя руководитъ общество*, т. е. наша либеральная демократія, уже хоть бы потому, что это „общество" никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недовѣріе къ политической силѣ русскаго либерализма есть одна изъ наиболѣе прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонеръ-семидесятникамъ, указывали на то, что наше либеральное общество сможетъ еще сыграть извѣстную роль въ борьбѣ [illegible] державіемъ, то они обусловливали это всегда [illegible] движеніе, которое придастъ храбрость либераламъ, [illegible] концовъ, рѣшающей революціонной силой въ нашей [illegible] революціи они считали пролетаріатъ и только пролетаріатъ.

Во вторыхъ, мы, соціалъ-демократы, поставившіе на очередь вопросъ о вооруженномъ возстаніи, теперь, какъ и прежде, очень высоко цѣнимъ политическую силу, вытекающую изъ сознательности и организованности народныхъ массъ, руководимыхъ революціонными партіями, а не „обществомъ". Но это тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать апеллировать къ вооруженной силѣ народа, что первое второе обусловливаетъ: развитіе политическаго сознанія у народа въ рабской Россіи должно было, раньше или позже, притести народъ къ физическому столкновенію съ самодержавнымъ правительствомъ. Развитіе политическаго сознанія въ народѣ потому и представляло всегда величайшую опасность для самодержавія, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ росла рѣшимость народа поддержать свои политическія притязанія силой. Это всегда сознавали революціонныя соціалистическія партіи въ Россіи и, если мы только въ послѣднее время дали очередной лозунгъ — подготовлять вооруженное возстаніе, то и раньше, выдвигая на первый планъ пропаганду и агитацію, мы всегда имѣли въ виду моментъ наступленія гражданской войны и въ своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности мы усматривали между прочимъ, лучшее средство для приближенія этого момента.

Да и полно! Дѣйствительно ли г. „Освобожденецъ" такъ наивенъ, дѣйствительно ли онъ, думаетъ, что давленіе на правительство силой оружія находится въ противорѣчіи съ давленіемъ на правительство силой политической сознательности? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. „Стихійный взрывъ народнаго гнѣва", пишетъ онъ, — „заставляющій народъ внезапно взяться за оружіе, обыкновенно даже бываетъ полезенъ революціи, именно благодаря тому, что онъ облегчаетъ армію, а особенно офицерству, отказъ отъ примѣненія вооруженной силы и открываетъ переходъ на сторону народа". Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что „вооруженное возстаніе можетъ быть оправдано только тогда, когда оно возникаетъ стихійно... Открытая проповѣдь вооруженнаго возстанія, въ противоположность стихійно возникшему, особенно вредна еще и потому, что она деморализуетъ армію... Для того, чтобы придать своимъ требованіямъ большій вѣсъ, мы должны привлечь на свою сторону армію, *а особенно офицерство*". Ту же самую мысль, хотя и облеченную въ болѣе пышную фразу, высказываетъ г. Струве: „Чтобы войска могли явиться могучимъ факторомъ политическаго переворота — классовая рознь офицеровъ и солдатъ должна исчезнуть передъ единствомъ дѣйствій, продиктованныхъ идеей національнаго освобожденія". Теперь для насъ ясно, чего собственно хотятъ наши „демократы", гг. Струве и „Освобожденецъ". Они ничего не имѣютъ противъ возстанія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ жертвъ для народа, точно также, какъ либералы въ свое время ничего не имѣли противъ войны и тому подобныхъ стихійныхъ факторовъ, дезорганизующихъ правительство. Но они хотятъ, чтобы всѣ эти стихійныя разрушительныя силы были политически использованы „обществомъ" при поддержкѣ офицерства, составляющаго плоть отъ плоти и кость отъ кости этого общества. Они хотятъ, чтобы народныя силы слѣпо и покорно шли на поводу у „истиннаго представителя націи" — у либеральнаго общества. Они ничего не имѣютъ противъ того, „чтобы черныя" дѣлала революцію, лишь бы только въ народѣ не укрѣпилось вредное сознаніе „права на революцію", дурная „привычка къ гражданской войнѣ". Пусть народъ участвуетъ въ облавѣ на медвѣдя, лишь бы не [illegible]вался въ дѣлежѣ медвѣжьей шкуры.

Вы видите, потуги г. „Освобожденца" доказать, что революціонныя соціалистическія партіи перемѣнили коренным[illegible] свою тактику, имѣютъ, сознательно или безсознательно, [illegible] скрыть его собственную измѣну дѣлу революціи.

Эта же цѣль скрывается и за другими аргументомъ г. „Освобожденца", направленнымъ противъ насъ. „Проповѣдь вооруженнаго возстанія безумна", говоритъ онъ, „потому, что побѣда вооруженнаго возстанія надъ вооруженными силами правительства зависитъ отъ случайности, и пораженіе революціонеровъ въ вооруженномъ возстаніи гораздо вѣроятнѣе. Чѣмъ ихъ побѣда. Въ случаѣ пораженія вооруженнаго возстанія, немыслимо послѣдующее усиленіе позиціи правительства"... И въ данномъ случаѣ „Освобожденецъ" считаетъ нужнымъ сослаться на опытъ [illegible] революціонныхъ партій; и въ данномъ случаѣ онъ старается [illegible] показать преемственность между его взглядами и прежними [illegible] дами „самыхъ видныхъ изъ литераторовъ" революціонныхъ [illegible]

[illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 107. 29-го іюля 1905 г. Годъ V

КЪ НАЧАЛУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА

Приближается начало академическаго года и вмѣстѣ съ тѣмъ, очередь становится вопросъ о той позиціи какую займутъ студенты. Будутъ ли они по прежнему бойкотировать университетъ и другія высшія учебныя заведенія или повышутъ на нихъ, болѣе революціонныхъ путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавія, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ?

Безспорно, конечно говорить о томъ, что, какъ ни мала относительно соціальная сила представляемая студенчествомъ, въ ряду тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на аренду и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганизаціи правительственной власти, вносимаго „волненіями" учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. Тутъ важно, прежде всего то особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Не еще болѣе важны ихъ услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной партіи въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой, организованный уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающейся молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности при началѣ народнаго возстанія могутъ оказаться знаменѣмымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ при постройкѣ и защитѣ баррикадъ, при всякихъ „военныхъ" дѣйствіяхъ возставшихъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются наши университетскіе города, а поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть поставленъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда наряду съ дальнѣйшимъ „подготовленіемъ" революціи, на очередь дня все болѣе и болѣе выдвигаются непосредственныя боевыя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе будто профессора московскаго университета постановили не читать лекцій до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно во всякомъ случаѣ вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ какъ извѣстно изъ рѣшеній студенчества при началѣ академическаго года какъ разъ рѣшать вопросъ о тактикѣ своихъ профессоровъ. Убѣждать ихъ и они, подобно профессорамъ [illegible] такую тактику. Эта тактика, въ свое время имѣла несомнѣнно большое [illegible] существованіе и борьбой мысли [illegible] тѣхъ по своимъ общественнымъ симпатіямъ [illegible] широкихъ словъ народа и [illegible] жизни, и они имѣли [illegible] только дѣло [illegible] организованнаго [illegible] дѣло и сводилось [illegible] противленія [illegible] соотвѣтствовала [illegible] ція и другимъ [illegible] литической [illegible] воинъ населенія [illegible] возможности [illegible] обязанностей [illegible] ность науки [illegible] учителей. [illegible] ихъ страшный [illegible] развитія [illegible] рутиній. Такимъ [illegible] по общему [illegible] продвигалась [illegible] политическая [illegible] возлагали [illegible] „Разселеніе [illegible] нимъ [illegible] собственныхъ [illegible] тулы. Недаромъ [illegible] потому самой [illegible] сотенъ".

Такимъ [illegible] „изучается [illegible] соотвѣтствуетъ [illegible] нимъ [illegible] Въ прошломъ [illegible] старалось [illegible] кидалась [illegible] пиканіе [illegible] ваго [illegible] Тотъ-же [illegible] тактикъ забастовокъ [illegible] симъ дѣйствіемъ [illegible] сленные поводъ [illegible] сдневными [illegible] дентъ могутъ [illegible] ссовыхъ выступленій [illegible] роль. Но имѣетъ [illegible] создается [illegible] при этомъ [illegible] ственно эта [illegible] въ тѣхъ особенностяхъ [illegible] ѣнными [illegible] ольными революціями [illegible] шого. [illegible] ѣмъ немыслимъ [illegible] Значитъ [illegible] [illegible] для [illegible] ной жертвѣ [illegible] должно [illegible] ору — [illegible] мысленно [illegible] дента. Студенчество [illegible] фессоровъ [illegible] тактики и [illegible] вопросъ [illegible]

вполнѣ подземной вязки, а затѣмъ, чтобы своими настоятельными дѣйствіями освободить науку отъ тѣ пенаты, которые налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. „Запятное право" должно воцариться и въ академическихъ залахъ систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго „распорядка", попраніе предѣлей инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ прекращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣста народныхъ собраній и политическихъ митинговъ — вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціоннаго народа,— такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ „радикальныхъ" профессоровъ которые принимали свое общественное рыцарское достоинство выражающееся въ томъ, что они читали лекціи одинаково сладкій вопросъ о причинахъ покушенія на свободу науки. Не мирящаяся этими попытками не дѣлать политики, потому что свобода „профессорской науки" всегда находилась подъ защитой правящихъ классовъ, вещь [illegible] имѣющей цѣнности но и потому что тѣ недолго [illegible] ложенія либеральнаго „порядка" когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа будетъ трудный и которой въ свободномъ состояніи будетъ разсѣваться всякій [illegible] кое нибудь эти недолгіе дни и будутъ [illegible] имѣющій свободы науки свободы мысли, свободы изслѣдованія. И можно заранѣе поручиться что тѣ студенты которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро [illegible] снова запречь себя въ колодки разнѣженно аккуратной научной мысли [illegible] профессоровъ.

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода „возвращеніе" студентовъ къ „занятіямъ". Если забастовка была для него „бичемъ", то прекращеніе ея окажется „скорпіономъ". И необходимо считаться съ такой перспективой, что правительство очень скоро само будетъ стараться закрыть тѣ университетскія двери, въ которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно впихнуть студенчество. Но, не говоря о моральномъ политической выгодѣ такой позиціи, при которой [illegible] правительство является инициаторомъ [illegible] крѣпленія науки" обстановка революціоннаго времени поскольку [illegible] дѣлаетъ наступательныя тактику во всѣхъ [illegible] общественной жизни [illegible] основаніе разсчитывать и на [illegible] успѣхи въ намѣченномъ направленіи. Быть можетъ [illegible] камеры отвѣтятъ такъ [illegible] правительство не удастся вернуть [illegible] [illegible] [illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 107. 29-го іюля 1905 г. Годъ V

КЪ НАЧАЛУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА.

Приближается начало академическаго года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ студенчествомъ вновь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ [illegible]. Будутъ-ли они, по прежнему, бойкотировать университеты и другія высшія учебныя заведенія, или повидутъ по [illegible] болѣе революціонныхъ путей не только для выраженія [illegible] протеста противъ самодержавія, но и для усиленія своей [illegible] борьбы съ нимъ?

[illegible], конечно, говорить о томъ, что, какъ ни мала отвлеченная соціальная сила, представленная студенчествомъ, въ [illegible] его основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на [illegible]ность и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской [illegible], она все-же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишенія [illegible] дезорганизаціи правительственной власти, вносимаго „волненіями" учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. [illegible]ожно, прежде всего то, особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Но еще болѣе важны [illegible] услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной [illegible] въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ, съ одной [illegible], въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими [illegible] знаніями, съ другой. Организованныя уже въ силу [illegible] своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко [illegible]ающейся молодежи являются отличными проводниками [illegible]ционнаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ народнаго возстанія, [illegible] оказаться незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ при постройкѣ и защитѣ баррикадъ, при всякихъ [illegible] дѣйствіяхъ возставшихъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, [illegible] интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ политической [illegible] которыми являются наши университетскіе города, и подобная организованность студенчества, какая дается ростомъ [illegible] между ними и стѣнами высшихъ учебныхъ [illegible]. Надо отнять у царизма и возможность быть [illegible] въ тактикѣ студенческихъ [illegible], когда наряду [illegible] „подготовленныя" революціи, не очередныя, но [illegible] и болѣе выдвигаются непосредственныя боевыя дѣйствія народа.

[illegible] иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессорскимъ университета поставили не читать лекцій [illegible] мѣръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована [illegible] свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это [illegible], но научить оно, во всякомъ случаѣ, вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, въ силу [illegible] студенчествомъ при началѣ академической забастовки, [illegible] вопросъ о тактикѣ [illegible] студенчества. Рѣшатъ-[illegible], подобно профессорамъ, сохранить старую тактику [illegible]тактика, въ свое время, имѣла несомнѣнно полное право на [illegible] въ большой смыслъ. Въ ряду другихъ, болѣе крупныхъ [illegible] своему общественному значенію, проявленій протеста [illegible] слоевъ народа и общества противъ самодержавнаго [illegible], и она внесла свою долю въ дѣло его расшатки. Поскольку дѣло сводилось лишь къ такой расшаткѣ, лишь къ [illegible]низаціи правительства, — а къ этому, почти цѣликомъ, [illegible] и сводилось годъ тому назадъ — тактика пассивнаго сопротивленія, бойкота, борьбы со сложенными руками несомнѣнно [illegible]отвѣтствовала поставленной задачѣ. Она вполнѣ удовлетворяла и другому запросу времени — расширенію и усиленію политической агитаціи. Она наглядно *демонстрировала* передъ [illegible] населеніемъ всю невозможность „жить такъ дальше": невозможность работы для рабочихъ, отправленія адвокатскихъ [illegible]остей для адвокатовъ, врачебныхъ — для врачей, невозможность научной и учебной дѣятельности для профессоровъ, [illegible], студентовъ. Она показала самодержавію во весь ростъ, [illegible] страшный тормазъ не только для всякаго прогрессивнаго [illegible], но и для простого продолженія всѣхъ общественныхъ [illegible]. Тактика *пассивнаго сопротивленія* — а такова и была по общему своему смыслу тактика забастовокъ и бойкота — дискредитировала самодержавіе, внесла во всю страну элементы [illegible]ческаго возбужденія и политическаго сознанія и *подсказала* политическую мысль къ наступательнымъ дѣйствіямъ. [illegible]леніе" студентовъ по всей странѣ, явившееся естественнымъ результатомъ закрытія учебныхъ заведеній, немало способствовало занесенію „заразы" въ самые глухіе провинціальные [illegible]. Недаромъ „студентъ", наряду съ „жидомъ", сталъ предметомъ самой простой ненависти организаторовъ „черныхъ [illegible]".

Такимъ образомъ, повторяемъ, для своего времени тактика [illegible]ачастія" вполнѣ оправдывалась обстоятельствами и вполнѣ [illegible]отвѣтствовала поставленнымъ задачамъ. Но иныя времена — [illegible]нятіи, и то, что вчера было прогрессивнымъ и революціоннымъ, сегодня легко становится отсталымъ и реакціоннымъ. Въ прошломъ № „Искры" (ст. „Оборона или наступленіе?" мы [illegible]лись показать, какой недостаточной и нереволюціонной [illegible]сь-бы въ переживаемый моментъ тактика неосложненнаго [illegible] наступательными дѣйствіями бойкота, проектированная „Совѣсомъ" союзовъ" по отношенію къ Булыгинской Думѣ. [illegible]же принципъ примѣнимъ цѣликомъ и къ студенческой [illegible] забастовокъ. Мы должны готовиться къ активнымъ боевымъ дѣйствіямъ массъ. Разумѣется, и раздробленные, разбросанные по всей странѣ, лишенные взаимной связи, создающейся [illegible]ленимъ общеніемъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, студенты могутъ, каждый въ одиночку, принимать участіе въ этихъ [illegible]выхъ выступленіяхъ и играть въ нихъ извѣстную полезную [illegible]. Но именно только въ одиночку. Вся-же сила, которая [illegible]ется коллективною организованностью студенчества, идетъ [illegible] этомъ на смарку. А между тѣмъ, какъ мы уже упоминали, [illegible]ено эта коллективная организованность и составляетъ одну [illegible] тѣхъ особенностей студенчества, которыя дѣлаютъ его драгоцѣннымъ элементомъ въ эпоху революціонныхъ бурь и наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій. Революціонныхъ единицъ — [illegible], революціонныхъ организмовъ — мало. Надо дорожить [illegible] немногими, какіе имѣются въ наличности.

[illegible]ачитъ, мы зовемъ студентовъ „приступить къ занятіямъ", [illegible]чившись введеннымъ правительствомъ режиму и спокойно [illegible]да, пока революціонный Аполлонъ призоветъ ихъ къ „священной жертвѣ"? Конечно, нѣтъ. Такая дилемма — или продолженіе забастовки, или подчиненіе правительственному терро[illegible]ру — встаетъ только передъ тѣмъ, кто не можетъ перескочить [illegible]ко черезъ рамки пассивной тактики, пассивнаго сопротивленія. Студенчество должно въ этомъ случаѣ пойти дальше прозаиковъ и показать своимъ „учителямъ" примѣръ активной [illegible]ки и въ области академическихъ отношеній. Студенчество [illegible]ется въ университетъ не затѣмъ, чтобы мирно внушать плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той пошлости, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. „Захватное право" должно вощариться и въ академическихъ залахъ. Систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго „распорядка", нагнаніе неделей, инспекторовъ, надзирателей и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣста народныхъ собраній и политическихъ митинговъ — вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціоннаго народа,—такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе, конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ „радикальныхъ" профессоровъ, которые упиваются своею собственною гражданскою доблестью, выражающеюся въ пассивномъ отказѣ читать лекціи, поднимутъ ужасный вопль по случаю покушенія революціи на „свободу" науки. Не смущаться этими воплями не слѣдуетъ, не только потому, что „свобода" профессорской „науки", всегда косящей глазами въ сторону правящихъ классовъ, — вещь довольно сомнительной цѣнности, но и потому, что тѣ недолгіе дни до водворенія либеральнаго „порядка", когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ требовать съ которой въ свободномъ состояніи будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе, — эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. Я можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ-на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро надутъ снова запречь себя въ оглобли раз[illegible]ренно-аккуратной „научной мысли" г.г. профессоровъ.

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода „возрожденіе" студентовъ изъ „занятіемъ". Если забастовка была для него „бичемъ", то прекращеніе ея окажется „спасеніемъ". И необходимо считаться съ такой перспективой. [illegible] будетъ стараться закрыть [illegible] университетскія двери, но которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно втащить студенчество. Но, не говоря о морально-политической выгодѣ такой позиціи, при которой не студенты, а правительство является инициаторомъ „прекращенія науки", обстановка революціоннаго времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, даетъ основаніе разсчитывать и на непосредственные успѣхи въ начѣченномъ направленіи. Быть можетъ, даже размѣры этихъ успѣховъ будутъ такъ велики, что правительству не удастся загнать ихъ [illegible] „ученія", о которой оно будетъ вздыхать, ибо будетъ слишкомъ *поздно*.

Но, разумѣется, предѣлами академической задачи студенчества не ограничиваются. Оно должно воспользоваться своимъ общеніемъ между собой и съ [illegible] революціонными партіями, которымъ университетовъ, для того чтобы организоваться [illegible] примѣнить къ опредѣленнымъ политическимъ [illegible] занимать тѣсныя отношенія съ партійными организаціями [illegible] организовать свою дѣятельность (хотя бы въ предстоящей [illegible] агитаціи) съ ихъ дѣятельностью, вооружаться [illegible] и содѣйствовать вооруженію народа и т. д. и т. д. Въ [illegible] области, разумѣется, неизбѣжно партійное разложеніе студенчества и партійная группировка его. Но и этой группировкѣ собраніе разсыпанной студенческой хранины вовсе можетъ только способствовать.

Итакъ, вотъ два пути — продолженіе отжившей свое время и, въ значительной мѣрѣ, утратившей свое значеніе тактики пассивнаго сопротивленія, или широкая перспектива наступательныхъ боевыхъ дѣйствій съ возможностью играть огромную роль въ активномъ выступленіи передовыхъ массъ на штурмъ самодержавія. Первый путь, несомнѣнно, гораздо болѣе легкій; второй — чреватъ тяжелой борьбой, тяжелыми жертвами, частичными неудачами, но увѣренностью въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ удастся достигнуть успѣха. Студенчеству предстоитъ выбирать, и мы хотѣли бы, чтобы революціонный смыслъ подсказалъ ему именно этотъ, второй путь.

РАНО ПТАШЕЧКА ЗАПѢЛА...

Событія на „князѣ Потемкинѣ" были первымъ раскатомъ надвигающагося народнаго возстанія И достаточно было одного этого раската, чтобы господамъ освободительцамъ уже стали сниться дурные сны. Давно ли г. Струве насъ упрекалъ въ томъ, что мы преждевременно „дѣлимъ шкуру убитаго медвѣдя"? Теперь, увидѣвши опытъ возстанія хотя-бы частичнаго, хотя-бы неудавшагося, онъ и его присные уже обезпокоились о судьбѣ „шкуры", уже заговорили объ ея „дѣлежѣ" и какимъ языкомъ заговорили! Еще „демократы" только собираются въ походъ, еще въ первый разъ они промежъ себя рѣшили, что отъ депутатій къ царю и отъ адресовъ нечего ждать, что пера апеллировать къ народу, а уже въ головахъ ихъ литературныхъ „регистраторовъ" зрѣютъ контръ-революціонныя идеи: Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!

Въ № 73 „Освобожденія" г. Струве помѣстилъ статью „Князь Потемкинъ и что же дальше"? Въ № 74 „Освобожденія" помѣщена статья о возстаніи, нѣкоего „Освободженца", написанная тоже подъ впечатлѣніемъ событій на „Потемкинѣ". Г. Струве оговаривается, что онъ согласенъ съ „Освобожденцемъ", лишь въ выводахъ, но не согласенъ съ его мотивировкой. Мы не знаемъ, въ чемъ именно г. Струве не согласенъ съ „Освобожденцемъ", но, сравнивая объ указанныя статьи, мы приходимъ къ заключенію, что нашего любителя „нящной политики", г. Струве, шокируетъ развѣ лишь излишняя откровенность и рѣзкость сужденій его единомышленника, граничащая съ парадоксальностью.

Г. Струве продѣлалъ свой путь отъ марксизма къ либерализму рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ теченіи которыхъ онъ успѣлъ переодѣнуть всѣ цѣнности и отнезваться отъ насъ по всей линіи. Г. „Освобожденецъ", повидимому, тоже принадлежитъ къ числу „бывшихъ" революціонеровъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не прочь съ нами „родными счесться". Но онъ, видно, такъ быстро отступалъ, что ему еще до сихъ поръ его крутой поворотъ направо представляется въ видѣ нашего столь-же внезапнаго поворота налѣво.

Г. Струве выражается мягко: „Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что участіе вооруженныхъ силъ въ политическомъ движеніи страны представляетъ и для дѣла истинной революціи крупныя опасности". Г. „Освобожденецъ" выражается весьма убѣдительно: „Открытую проповѣдь въ Россіи вооруженнаго возстанія мы считаемъ теперь безумной и преступной". Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы-бы, пожалуй, не стали спорить противъ разумнаго заявленія неизвѣстнаго намъ г. „Освобожденца". Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую имъ въ настоящее время, г. „Освобожденецъ" имѣетъ наглость, если это только наглость, утверждать, что не онъ выступалъ противъ революціи, „вопреки своему демократическому прыску, и что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, нахлѣбники своихъ традицій". „Они (представители соціалистическихъ революціонныхъ партій) сразу взяли всѣ свои тактическіе заглядки, — говоритъ онъ. — Мы не отрицаемъ, что ихъ теорія заключали въ которыя основанія для того, чтобы эти перлы... не проводила впечатлѣнія взяли своихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе фактъ коренного нахлѣбія всѣхъ тактическихъ заглядокъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію". Въ чемъ-же проявился этотъ „фактъ", г. „Освобожденецъ"?

Раньше, видите-ли, всѣ были согласны въ одномъ, что успѣхъ борьбы съ самодержавіемъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ Теперь наши революціонныя партіи совершенно измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность, по крайней мѣрѣ, поскольку ею руководитъ общество (sic!) для нихъ теперь не политическая сила... Теперь для нихъ политическая сила... въ вооруженной силѣ организованнаго народа".

Мы бы посовѣтовали г. „Освобожденцу" не писать исторію русской революціонной мысли „по Добагорію-Мокріевичу и Драгоманову"; это, примѣрно, такое же неблагодарное занятіе, какъ излагать Маркса по Бернштейну. Во первыхъ, никогда и никакія революціонныя партіи въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, *поскольку имъ руководитъ общество*, т. е. наша либеральная демократія, уже хоть бы потому, что это „общество" никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недоумѣніе въ политической силѣ русскаго либерализма есть одна изъ наиболѣе прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонно-синдикалистическимъ, указывали на то, что наше либеральное [illegible] сами смогутъ сыграть извѣстную роль въ [illegible] [illegible] [illegible]

гера. Онъ цитируетъ слова Плеханова изъ брошюры „Соціализмъ и политическая борьба“: „Мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствій въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ“. Итакъ, Плехановъ еще въ 83 г. спорилъ противъ тактики, разсчитанной на „случайности“; успѣхъ возстанія зависитъ отъ случайностей; стало быть, мы, соціалъ-демократы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а г. „Освобожденецъ“ является выразителемъ нашихъ лучшихъ революціонныхъ традицій. Не поторопились ли вы, г. „Освобожденецъ“, со своимъ выводомъ? Плехановъ въ указанномъ мѣстѣ спорилъ противъ народовольческой теоріи „захвата власти“. Онъ доказываетъ, что эта теорія построена въ разсчетѣ на малоубѣдительную „случайную“ диктатуру группы революціонеровъ равночинцевъ, что въ Россіи при современныхъ условіяхъ диктатура единственнаго революціоннаго класса, способнаго осуществить соціалистическій идеалъ этихъ революціонеровъ, еще невозможна; что, когда эта возможность дѣйствительно наступитъ, этотъ революціонный классъ не допуститъ замѣны его диктатуры диктатурой кучки разночинцевъ интеллигентовъ, что, такимъ образомъ, тактика народовольцевъ разсчитана на „случайности, находящіяся въ противорѣчіи съ исторической „необходимостью“. Такъ ли обстоитъ теперь дѣло съ вопросомъ о вооруженномъ возстаніи? Мы уже вступили въ эпоху гражданской войны. Развитіе классовыхъ противорѣчій, по всѣмъ видимостямъ, приводитъ насъ къ возстанію, какъ къ логическому выводу изъ всей современной политической ситуаціи. Тотъ или другой опытъ возстанія можетъ случайно оказаться неудачнымъ. Не именно потому, что возстаніе надвигается у насъ со стихійной силой, каждое такое насильственное столкновеніе народа съ властью, несмотря на неудачный исходъ, не обезкураживаетъ народъ, а революціонизируетъ его. Революціонизмъ народа не обезкураженъ ни „кровавое воскресенье“ въ Петербургѣ, ни лодзинскія, ни одесскія событія, ни сдача Потемкина. Напротивъ того, послѣ каждой неудачи въ пролетаріатѣ растетъ революціонная отвага, зрѣютъ все болѣе смѣлые планы: въ Петербургѣ рабочіе шли безоружными съ крестомъ въ царю; въ Лодзи и Одессѣ рабочіе воздвигали баррикады, а во время возстанія Потемкина уже возникла конкретно мысль о захватѣ города и всего южнаго побережья и о провозглашеніи республики... Спрашивается, стронимъ ли мы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, свою тактику на случайностяхъ или на тенденціяхъ историческаго дѣйствительности? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ г. „Освобожденецъ“, равно какъ и г. Струве, могли бы легко отвѣтить, если бы ихъ буржуазная природа не поставила ихъ въ противорѣчіе съ этой самой исторической дѣйствительностью, еслибъ робкая логика ихъ классоваго инстинкта не пассовала передъ революціонной логикой фактовъ. Послушайте, напримѣръ, въ какихъ дебрахъ софистики запутался г. Струве „страха ради іудейска“.

„Всякія отдѣльныя революціонныя вспышки въ войскахъ, — говоритъ онъ, — оставались неизбѣжно неудачными, могутъ, въ то же время, для дальнѣйшаго политическаго развитія Россіи оказаться вредными, пріучая страну къ идеѣ и практикѣ „пронунціаментовъ“. Главное, къ чему мы должны стремиться, это чтобы армія, въ лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ, духовно отнала отъ самодержавія“.

Г. Струве человѣкъ образованный; г. Струве хорошо знаетъ, что всегда и всюду „практика пронунціаментовъ“ заключалась въ томъ, что кучка офицеровъ устраивала заговоры, опираясь на безсознательную армію. Какимъ образомъ [illegible] самъ возлагаетъ надежды [illegible] и руководящіе элементы въ арміи [illegible] опасность въ развитіи классового сознанія и создать, такимъ образомъ онъ планируетъ [illegible] Потемкинцевъ“, завоеваніе въ томъ, что они [illegible] страны къ практикѣ „пронунціаментовъ“! Гдѣ были на потемкинскомъ заговорщики-офицеры, устроившіе пронунціаментъ? Не въ матросской ли организаціи Крымскаго Соц.-Дем. Союза? Гдѣ была та толпа солдатъ, которая слѣпо шла за коноводами офицерами? Не тѣ ли это матросы, которые, устранивъ своихъ офицеровъ, выбрали себѣ свободно всю администрацію? Очевидно, что страхъ передъ народомъ кое у кого помрачаетъ сознаніе и заставляетъ видѣть вещи вверхъ ногами.

Г. Струве и г. „Освобожденецъ“, выступая противъ пропаганды вооруженнаго возстанія, очень обстоятельно распространяются о томъ, что эта пропаганда повредитъ дѣлу революціи, дѣлу національнаго освобожденія Россіи. Но читатель этихъ статей не можетъ не чувствовать, что у авторовъ „умыселъ другой тутъ былъ“, и подобно тому, какъ въ извѣстныхъ писемахъ самое интересное и существенное отнюдь не прячется въ Post-Scriptum'ѣ, такъ и у нашего г. „Освобожденца“ нѣсколько случайныхъ отступленій въ концѣ статьи даютъ ключъ къ разгадкѣ главныхъ страховъ и опасеній, которые возбудили у нашихъ „демократовъ“ событія на „Потемкинѣ“. Г. „Освобожденецъ“ меланхолически задумывается надъ послѣдствіями, которыя могутъ возникнуть изъ того, что народъ пріучится вооруженной силой защищать свои права, и его разстроенному воображенію рисуются мрачныя картины. „Побѣдителями надъ самодержавными правительствомъ могутъ оказаться небольшія кучки городского населенія“, пишетъ онъ. „Эти кучки городского населенія... могутъ предъявить претензіи на привилегированное положеніе въ управленіи государствомъ, исходя изъ того положенія, что политическая сила — есть физическая вооруженная сила... они будутъ отрицать даже авторитетъ Учредительнаго Собранія... такъ какъ Учредительное Собраніе въ Россіи будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, на 80 процентовъ изъ представителей сельскаго населенія и его рѣшенія могутъ не понравиться сложнымъ городского населенія.. Они, съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ заставлять избирателей производить выборы въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ... будутъ вымогать у Учредительнаго Собранія противоположныя рѣшенія тѣмъ, которыя оно приняло бы при свободѣ рѣшеній“.

Вотъ это цѣнное признаніе! Предъ нами стоитъ прекрасный вопросъ, какъ разбудить политическое сознаніе народа, который цѣлыя столѣтія находился подъ рабскимъ гнетомъ, какъ заставить Учредительное Собраніе, какъ устранить безконечныя препятствія для свободнаго выраженія народной воли въ этомъ Собраніи, препятствія, коренящіяся въ унаслѣдованномъ отъ прошлаго полицейскомъ аппаратѣ, въ нуждѣ, въ забитости народа во всевозможныхъ формахъ соціальной и политической зависимости его, предъ нами стоитъ дѣйствительно проклятый вопросъ, какъ освободить выборы въ Учредительное Собраніе отъ давленія всѣхъ темныхъ и мрачныхъ силъ реакціи, а наши идеалисты — демократы подъ впечатлѣніемъ перваго опыта возстанія уже безпокоятся о томъ, какъ бы не пострадалъ въ будущемъ абсолютный принципъ неприкосновенности „народнаго“ представительства отъ посягательства „нѣкоторыхъ слоевъ городского населенія“, т. е. отъ посягательства революціонера пролетаріата; они уже заблаговременно безпокоятся о томъ, какъ бы этотъ пролетаріатъ насильно не навязалъ свою волю отсталому населенію страны!

Народное представительство по либеральному рецепту, съ двухъ-палатной системой и прерогативами короны, народное представительство, созданное объ[illegible]ными противорѣчіями, [illegible]ъ, въ которомъ разныя формы современнаго капиталистическ[illegible]гнета причудливо сочетаются со всевозможными пережитками [illegible] феодальнаго гнета, народное представительство, [illegible] изъ сугубымъ заявленіемъ этого многообразнаго класс[illegible]ленія, возводится нашимъ „демократомъ“ въ „абсолютное“ [illegible] огрѣшимое и неприкосновенное воплощеніе національ[illegible] подобно тому, какъ „сознательность и организованность [illegible] руководствомъ общества“, т. е. общественное мнѣніе [illegible] буржуазіи, имъ же воводится въ абсолютную форм[illegible] самоопредѣленія, въ абсолютное воплощеніе [illegible] мысли. Съ высоты этихъ „абсолютовъ“ нашъ идеалистъ-демократъ перестаетъ отличать добро отъ зла, поскольку [illegible] ея зломъ за свои нищенскіе „условные“ историческіе [illegible] всѣми средствами, которыми оно располагаетъ. [illegible] вооруженнаго возстанія преступна, — говоритъ г. [illegible], — потому что... *не оовсимость* правительство [illegible] насиліямъ, къ новому и ко вому пролитію крови [illegible] убійствамъ“.

Только общественное [illegible] либерально-обще[illegible] ...жетъ возникнуть [illegible] ческій переворотъ [illegible] ...обно и что [illegible] ...ого момента, какъ народъ перестанетъ [illegible] общественному мнѣнію, съ того момента, какъ [illegible] ...противопоставитъ силѣ азіатскаго правительства [illegible] ...силу, онъ тщетно благодаря [illegible] ...ей! Разъ народъ [illegible] ...ъ рѣшить вопросъ силой, то [illegible] ...правительство въ томъ, что и оно прибѣгаетъ къ [illegible] ...Царя правительство разстрѣливало девятаго января безоружную толпу, правда оно поступаетъ такъ на каждомъ шагу, но [illegible] не оправдываетъ военной стратегіей, развѣ военной [illegible] правилами поединка? Развѣ съ того момента, какъ [illegible] война, непріятель не имѣетъ права прибѣгать къ [illegible] и застигать насъ врасплохъ?

Такъ разсуждаетъ „демократъ“, такъ въ его душѣ мирно и дружно уживаются теоретическій идеализмъ съ практическимъ бистанствомъ! И у г. Струве не нашлось въ запасѣ ни одного слова негодованія противъ этихъ разсужденій его корреспондента.

„Демократъ“ Струве понимаетъ, гдѣ искать виновныхъ, когда отдѣльные „герои“ совершали террористическіе акты, онъ не переставалъ понимать это, когда на сцену выступилъ коллективный герой въ лицѣ народа. Да и что удивительнаго въ томъ, что либералы, играющіе роль пассивныхъ зрителей кровавой борьбы между народомъ и правительствомъ, въ концѣ концовъ, пугаются, подобно Пилату, умываютъ руки?

Тамъ, гдѣ исходъ борьбы рѣшается силой, тамъ исчезаетъ критерій справедливости, говоритъ г. „Освобожденецъ“. Для кого исчезаетъ? Для васъ, наблюдающаго эту борьбу какъ зритель въ циркѣ? Но думаете ли вы, что и народъ, взявшійся за оружіе для защиты своихъ правъ, тѣмъ самымъ лишаетъ себя критерія справедливости? Думаете ли вы, что народъ относится къ своей борьбѣ съ самодержавіемъ, какъ къ гладіаторскому бою, что, прибѣгши къ оружію, онъ забылъ о своей правотѣ и о преступности правительства? Впрочемъ, какую цѣну имѣетъ для г. Освобожденца-идеалиста, приверженца абсолютной истины, абсолютной справедливости, — условная, „эгоистическая“, классовая мораль народа, его классовыя понятія о правотѣ и виновности!

Мы говорили, что г. „Освобожденецъ“ относится къ народной борьбѣ, какъ праздный зритель. Это не совсѣмъ точно. Въ борьбѣ народъ борется, истекая кровью, нашъ идеалистъ-демократъ придумываетъ средства для обезпеченія прочности будущаго общественнаго порядка. Его воображеніе рисуются ужасы французской революціи, онъ вспоминаетъ про вооруженныхъ санкюлотовъ парижской коммуны, диктовавшихъ свою волю конвенту и [illegible] заранѣе изобрѣтаетъ разныя мѣры предупрежденія и пресѣченія этихъ преступленій противъ абсолютнаго принципа неприкосновенности народнаго представительства. Онъ не доволенъ организаціей „комитетовъ самообороны“ противъ хулигановъ, усматриваетъ въ нихъ, не безъ основанія, зародыши будущей революціонной арміи народной. Онъ предлагаетъ замѣнить эти комитеты самообороны народной милиціей, подъ которой онъ понимаетъ повидимому, стражниковъ, служащихъ по найму у нашихъ буржуазныхъ думъ, нѣчто вродѣ пресловутой летучей гвардіи (garde mobile) 48 года, отличившейся въ іюньскіе дни. „Народная милиція, говоритъ онъ, должна быть учреждена прежде всего для борьбы съ черными сотнями и громилами. Ей придется дѣйствовать и тогда, когда какія нибудь общественныя группы, вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшенія государственныхъ вопросовъ Всенародному Учредительному Собранію, набранному всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, вздумаютъ рѣшить ихъ вооруженнымъ насиліемъ или, когда они захотятъ, опираясь на свою вооруженную силу, вынудить у народнаго собранія то или другое рѣшеніе“. Это мило! Когда народъ прибѣгаетъ къ оружію противъ своихъ угнетателей, нашъ „демократъ“ лишается его своей благодати, ибо народъ принимаетъ вопросъ права до вопроса силы. Когда освобожденное буржуазное общество выпуститъ свору своихъ наемныхъ солдатъ противъ пролетаріевъ, на немъ будетъ почить благодать вѣчныхъ принциповъ истины и справедливости — на этотъ разъ они превратятся въ право. Таковъ идеализмъ нашихъ „демократовъ“.

Только что начинается великая русская революція, только что начинаетъ окрѣпнуть въ борьбѣ съ самодержавіемъ буржуазная демократія, а ужъ какія рѣчи срываются съ устъ ея „демократовъ“, уже какія мысли бродятъ въ ихъ головѣ? А, соціалъ-демократію упрекаютъ за то, что она держитъ всегда камень за пазухой!

Отвѣтъ изъ Бухареста по поводу „Письма изъ Бухареста“.

Передо мною лежитъ только что полученный [illegible] № „Рев. Рос.“. Много въ немъ горячихъ товарищескихъ статей [illegible] по поводу брошюры „Потемкинцу“ и его героямъ-матросамъ. Казалось-бы, что это историческое событіе въ [illegible] ...ъ должно было способно бы [illegible] ...ей, привести [illegible] ...ъ отсутствіе [illegible] ...щій взрывъ энтузіазма и [illegible] ...ъ одномъ [illegible] ...кренныхъ, самоотверженныхъ борцовъ. Казалось-бы, что [illegible] ...ія глубокія историческія минуты не время и не [illegible] ...фракціонныхъ „различій“ и между-партійныхъ [illegible] ...ствамъ.

Но... какъ это ни больно, и какъ это ни горько до [illegible] ...бины души, въ дѣйствительности оказывается далеко не [illegible] ...что было бы желательно.

Въ этомъ же самомъ нумерѣ, наряду съ только что [illegible] ...денными, помѣщено „Письмо изъ Бухареста“, которое вно[illegible]

Наши злокюченія[1]).

II. О кружковомъ маркизмѣ и объ интеллигентской соціалъ-демократіи.

7.

Еще и теперь, во [illegible] дни всероссійской революціи, а тѣмъ болѣе тѣмъ было въ 90-е годы, мысли себѣ профессіонального революціонера, мы невольно чертимъ обязательные образы Перовскій, Желябова, Александра Михайлова и иныхъ изъ того же орлинаго гнѣзда семидесятниковъ: ихъ энергія вырывала удивленіе даже у враговъ, ихъ самоотверженное искусство борьбы до сихъ поръ зоветъ на подражаніе. И понятно, что кружковая интеллигенція послѣдняго десятилѣтія, выходя изъ тупика экономизма и ощутивъ въ груди своей приливъ революціоннаго чувства, представляла себѣ свою собственную среду преображенной въ идеалѣ, сообразно величавымъ образамъ предыдущаго активнаго періода интеллигентской исторіи. Повтому, когда она строила для вмѣстившагося тогда „возрожденія революціонизма“ свою „формулу прогресса“, она рисовала не кого либо другого, какъ именно — человѣка 70-хъ годовъ, но расквитавшагося съ прежней трухой крестьянофильства, и организацію профессіональныхъ революціонеровъ на старый манеръ, но только — опирающуюся на поступательный ходъ пролетарскаго движенія и, вмѣсто приготовленія бомбъ, ведущую политическую агитацію. И когда она обращалась къ неудавшемуся, но героическому прошлому, то это ея обращеніе не было простой формальностью обычнаго почтенія младшаго поколѣнія борцовъ къ сошедшему со сцены; нѣтъ, оно было полно самаго сосредоточеннаго, самаго актуальнаго значенія, являясь одною изъ тѣхъ формъ, въ которой нашла себѣ соотвѣтственное выраженіе необходимая ей, по условіямъ момента, ея собственная кружковая идеалиизація.

„Та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ“ — землевольческая — „намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ“, писалъ Ленинъ въ „Что дѣлать“ (стр. 103). Но и въ боевой революціонной организаціи народовольцевъ „нелѣпо“ было бы видѣть „что либо специфически народовольческое“, ибо „всякое революціонное направленіе... не можетъ обойтись безъ такой организаціи“... „Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи всѣхъ недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Ошибка... ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли, или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой борьбой внутри развивающагося капиталистическаго общества“. [illegible] ...въ другомъ мѣстѣ (стр. 80): „Кружку „кустарей“, конечно, и но [illegible] ...ны политическія задачи, покуда эти кустари не со [illegible] ...своего кустарничества и не набавились отъ него... Но [illegible] ...ку корифеевъ, вродѣ Алексѣева и Мышкина, Халт[illegible] ...ышкова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйстви[illegible] ...голосомъ.

[illegible] ...тивъ 21.“ „Искра“ №№ 78, 98, 106.

[illegible] ...45 год. пр[illegible]

[illegible] ...ясно.

[illegible] ...тельномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны имен[illegible] ...потому и [illegible] ...ольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчалась [illegible] ...къ стихійно-пробуждающейся массѣ, поскольку [illegible] ...ихъ энергія подкрѣплялась и поддерживается энергіей [illegible] ...революціоннаго класса“.

„Именно теперь [illegible] ...революціонеръ, руководимый истинно революціонной теоріей [illegible] ...ясь на истинно революціонный и стихійно пробуждающійся [illegible] ...съ, можетъ, наконецъ... выпрямиться во весь свой ростъ [illegible] ...развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (стр. [illegible] ...леніе: „я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ [illegible] ...широкія, всеобъемлющія задачи, — и всѣмъ [illegible] ...членамъ [illegible] ...этого кружка, приходилось мучительно, до боли, [illegible] ...сознаніи того, что мы оказываемся кустарями [illegible] ...ческій моментъ, когда можно было бы, въ [illegible] ...ственное нареченіе, сказать: дайте намъ организацію [illegible] ...оверъ... и мы переворнемъ Россію“! (стр. 96).

Несомнѣнно [illegible] ...ые годы, когда кружковая интеллигенція начинала [illegible] ...ацію, осѣненная новой, марксистской вѣрой, [illegible] ...трѣтили бы одно сплошное недоумѣніе, если [illegible] ...возможны: сдѣланныя же въ началѣ 1900-хъ [illegible] ...суровали уже не въ видѣ случайной отсѣ[illegible] ...и менѣе случайнаго писателя, а какъ знаменательный [illegible] ...перемѣнъ, за истекшее время происшедшихъ [illegible] ...ковой интеллигенціи. Въ половинѣ 90-хъ годовъ [illegible] ...ціи безраздѣльно прикованъ къ себѣ пролетаріатъ, и [illegible] ...ственно ему, интеллигенція, сражаясь за марксизмъ, [illegible] ...ъ въ рад.-европ. рабочемъ движеніи. Не было тогда [illegible] ...думается, пролетаріатъ оставался величиной огромной и [illegible] ...значительной, которая принималась въ расчетъ, [illegible] ...ъ учета которой невозможно было бы рѣшить ни одного [illegible] ...уравненія, — но онъ представлялся въ тоже время [illegible] ...ной“ и, пожалуй, застывшей цифрой (пролета[illegible] ...ія, которой ни мало не зависитъ — разъ она уже [illegible] ...на — конечное рѣшеніе уравненія, — это [illegible] ...ой дѣлимой и капризной „перемѣнной“, которая [illegible] ...мѣнялась, сама подлежитъ воздѣйствію и называется [illegible] ...ей профессіональныхъ революціонеровъ. И соотвѣтственно этому перемѣненію психологическаго центра, особый интересъ пріобрѣтала исторія революціонаго движенія интеллигенціи, а ученіе Маркса подлежало новой обработкѣ, болѣе серіозной и уже во всякомъ случаѣ болѣе сознательной, чѣмъ та, которая возможна была въ предшествующій, по преимуществу просвѣтительный, періодъ русскаго кружковаго марксизма.

Въ лицѣ своего кровнаго дѣтища — революціонера по профессіи — кружковая интеллигенція стала въ своихъ собственныхъ глазахъ рѣшающей инстанціей, — въ этомъ заключался весь смыслъ перемѣнъ, объ этомъ ведутъ отчетливую рѣчь уже приведенныя цитаты, объ этомъ еще лучше говоритъ вообще все отношеніе кружковой интеллигенціи къ тогдашнему кризису [illegible]

[illegible] ...ъ [illegible] ...ъ, въ томъ, что кружковая интеллигенція не видѣла, пока что, [illegible] ...ъ, подобныхъ „Алексѣеву и Мышкину, Халтурину и Желябову“ [illegible]

[illegible] ...отсталости руководителей („идеологовъ“, революціонеровъ, соціалъ-демократовъ) отъ стихійнаго подъема массъ“ (стр. 80), „весь кризисъ русской соціалъ-демократіи объясняется тѣмъ, что у стихійно-пробужденныхъ массъ не оказывается на лицо достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководителей“ (стр. 92) — говорятся на всемъ безконечномъ протяженіи ленинскаго credo интеллигенціи. И тутъ же соотвѣтственный рецептъ: чтобы „революціонеръ могъ выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (см. выше), „нужно только, чтобы среди массы практиковъ, среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической работѣ уже со школьной скамьи, всякое пополненіе принимало наши политическія задачи и размахъ нашей организаціи встрѣчало насмѣшку и презрѣніе“ (стр. 81). [illegible] ...ставтесь своей практичностью, — обращался Ленинъ [illegible] ...мистамъ, — а не видите того знакомаго всякому [illegible] ...практику факта, какія чудеса способна творить въ [illegible] ...оніемъ дѣлъ энергія не только кружка, но даже [illegible] ...личности“ (стр. 81).

И отъ первой и до послѣдней страницы „Что дѣлать“ [illegible] ...дилимъ должное цѣльности сего произведенія) свистятъ [illegible] ...ренья“, которыми его авторъ награждаетъ своихъ „[illegible] ...противниковъ. Но чѣмъ сильнѣе онъ ихъ бичевалъ, [illegible] ...ками какъ бы сама заушала себя кружковая интеллигенція, тѣмъ шире, о чудо! развертывались ея горизонты и [illegible] ...лись надежды. Если остановка дѣйствительно только [illegible] ...если людямъ кружковъ остается только пустить въ [illegible] ...весь запасъ своей энергіи, увеличивая размахъ и [illegible] ...ширить свои политическія задачи, — если „царство“ революціи „внутри васъ“ — интеллигенціи! — то охваченной революціоннымъ духомъ кружковщины, предстоявшій ей путь сквозь всѣ подлинскія тернія долженъ былъ представляться ведущимъ непосредственно къ цѣли, въ зависимости отъ ея революціоннаго пыла (умѣнье же вещь наживная [1]), и независимо отъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые въ то же время могли и должны были протекать въ средѣ пробуждавшагося рабочаго класса.

Вопросъ о будущности русской соціалъ-демократіи [illegible] ...сводился къ тому, окажется ли интеллигенція способной [illegible] ...развитію, найдется ли въ ней достаточно силъ образовать [illegible] ...„крѣпкую организацію“ революціонеровъ по профессіи, которая бы „воспитывала пролетаріатъ“ стойкой и упорной борьбой (стр. 79). Такимъ образомъ, революціонеръ превращается у деміурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, не смотря на [illegible] ...почтеніе, обычно ему изъявляемое, оставался въ положеніи [illegible]

[1]) Неподготовленность... большинства революціоне[illegible] ...лучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особенно [illegible] ...опасеній возбуждать не могла — писалъ Ленинъ (стр. 22). [illegible] ...остановка задачъ была правильная, разъ была энергія на [illegible] ...вторныя попытки осуществить эти задачи, временныя неудачи [illegible] ...представляли изъ себя только полъ-бѣды. Революціонная [illegible] ...ность и организаторскіе [illegible] ...вещи [illegible] ...были [illegible] ...только сила [illegible] ...ыть въ себѣ [illegible] ...Было бы только сознаніе [illegible] ...остановокъ, равносильное [illegible] ...ной [illegible] ...болѣе чѣмъ [illegible] ...ненію исправленія“.

...ют цитируютъ слова Плеханова изъ брошюры „Соціальныя и политическая борьба“: „Мы всѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ, во всей его полнотѣ, ожидаемаго нами сопротивленія общественной среды и торопились вовлечь временно благопріятствующій обстоятельствами способъ дѣйствій въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ“. Итакъ, Плехановъ еще въ 83 г. спорилъ противъ тактики, разсчитанной на „случайности“; успѣхъ возстанія зависитъ отъ случайностей; стало быть, мы, соціалъ-демократы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а г. „Освобожденецъ“ является выразителемъ нашихъ лучшихъ революціонныхъ традицій. Не торопились ли вы, г. „Освобожденецъ“, со своими выводами? Плехановъ въ указанномъ мѣстѣ спорилъ противъ народовольческой теоріи „захвата власти“. Онъ доказываетъ, что эта теорія построена въ разсчетѣ на налетъ-внезапную „случайную“ диктатуру группы революціонеровъ разночинцевъ, что въ Россіи при современныхъ условіяхъ диктатура единственнаго революціоннаго класса, способнаго осуществить соціалистическій идеалъ этихъ революціонеровъ, еще невозможна; что, когда эта возможность дѣйствительно наступитъ, этотъ революціонный классъ не допуститъ замѣны его диктатуры диктатурой кучки разночинцевъ интеллигентовъ, что, такимъ образомъ, тактика народовольцевъ разсчитана на „случайности“, находящіяся въ противорѣчіи съ исторической „необходимостью“. Такъ ли обстоитъ теперь дѣло съ вопросомъ о вооруженномъ возстаніи? Мы уже вступили въ эпоху гражданской войны. Развитіе классовыхъ противорѣчій, по всѣмъ видимостямъ, приводитъ насъ къ возстанію, какъ къ логическому выводу изъ всей современной политической ситуаціи. Тотъ или другой опытъ возстанія можетъ случайно оказаться неудачнымъ. Не именно потому, что возстаніе надвигается у насъ со стихійной силой, каждое такое насильственное столкновеніе народа съ властью, несмотря на неудачный исходъ, не обезкураживаетъ народъ, а революціонизируетъ его. Революціонизмъ народа не обезкуражили ни „кровавое воскресенье“ въ Петербургѣ, ни ходынскія, ни одесскія событія, ни сдача Потемкина. Напротивъ того, послѣ каждой неудачи въ пролетаріатѣ растетъ революціонная отвага, зрѣютъ все болѣе смѣлые планы: въ Петербургѣ рабочіе шли безоружными съ крестомъ въ царю; въ Лодзи и Одессѣ рабочіе воздвигали баррикады, а во время возстанія Потемкина уже возникла конкретно мысль о захватѣ города и всего южнаго побережья и о провозглашеніи республики... Спрашивается, стоимъ ли мы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, свою тактику на случайностяхъ или на тенденціяхъ исторической дѣйствительности? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ г. „Освобожденецъ“, равно какъ и г. Струве, могли бы легко отвѣтить, если бы ихъ буржуазная природа не поставила ихъ въ противорѣчіе съ этой самой исторической дѣйствительностью, ослѣпъ рабья логика ихъ классоваго инстинкта не пассовала передъ революціонной логикой фактовъ. Послушайте, напримѣръ, въ какихъ дебрахъ софистики запутался г. Струве „страха ради іудейска“.

„Всякія отдѣльныя революціонныя вспышки въ войскахъ, — говоритъ онъ, — оставались неизбѣжно неудачными, могутъ, въ то же время, дать дальнѣйшаго политическаго развитія России, опасаться предвидѣть, пріучая страну къ идеѣ и практикѣ „пропущенія“. Главное, къ чему мы должны стремиться, это чтобы армія, въ лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ, духовно отвала отъ самодержавія“.

Г. Струве человѣкъ образованный; г. Струве хорошо знаетъ, что всегда и всюду „практика пропущіенія“ заключалась въ томъ, что кучка офицеровъ устраивала заговоры, опираясь на безсознательную армію. Какимъ же образомъ г. Струве, который самъ возлагаетъ надежды именно на офицерство, на „сознательные и руководящіе элементы въ арміи“, который усматриваетъ опасность въ развитіи классоваго сознанія у солдатъ, какимъ образомъ онъ взываетъ на возстаніе, вродѣ Потемкинскаго, обвиненіе въ томъ, что они пріучаютъ страну къ практикѣ пропущіенія? Гдѣ были на потемкинѣ заговорщики-офицеры, устроившіе пропущіеніе? Не въ матросской ли организаціи Крымскаго Соц.-Дем. Союза? Гдѣ была та толпа солдатъ, которая слѣпо шла за коноводами офицерами? Не тѣ ли это матросы, которые, устранивъ своихъ офицеровъ, выбрали себѣ свободно всю администрацію? Очевидно, что страхъ передъ народомъ вое у кого помрачаетъ сознаніе и заставляетъ видѣть вещи вверхъ ногами.

Г. Струве и г. „Освобожденецъ“, выступая противъ пропаганды вооруженнаго возстанія, очень обстоятельно распространяются о томъ, что эта пропаганда повредитъ дѣлу революціи, дѣлу національнаго освобожденія Россіи. Но читатель этихъ статей не можетъ не чувствовать, что у авторовъ „умныя другой тутъ быль“, и подобно тому, какъ въ извѣстныхъ цензурныхъ сказкахъ интересное и существенное отнюдь не кроется въ Post-Scriptum'ѣ, такъ и у нашего г. „Освобожденца“ мѣсяльно случайныхъ отступленій въ концѣ статьи даютъ ключъ къ разгадкѣ главныхъ страховъ и опасеній, которые возбудили у нашихъ „демократовъ“ событія на „Потемкинѣ“. Г. „Освобожденецъ“ нелакомленіемъ задумывается надъ послѣдствіями, которыя могутъ возникнуть изъ того, что народъ прійметъ вооруженной силой защищать свои права, и его разстроенному воображенію рисуются мрачныя картины. „Побѣдителями надъ самодержавными правительствомъ могутъ оказаться небольшія кучки городского населенія“, пишетъ онъ. „Эти кучки городского населенія... могутъ предъявить претензіи на привилегированное положеніе въ управленіи государствомъ, исходя изъ того положенія, что политическая сила — есть физическое вооруженная сила... они будутъ отрицать даже авторитетъ Учредительнаго Собранія... такъ какъ Учредительное Собраніе въ Россіи будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, на 80 процентовъ изъ представителей сельскаго населенія и его рѣшенія могутъ не понравиться сложнымъ городского населенія.. Они, съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ заставлять избирателей производить выборы въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ... будутъ вымогать у Учредительнаго Собранія противоположныя рѣшенія тѣмъ, которыя оно приняло бы при свободѣ рѣшеній“.

Вотъ это цѣнное признаніе! Предъ нами стоитъ прокляты вопросъ, какъ разбудить политическое сознаніе народа, который цѣлыя столѣтія находился подъ рабскимъ гнетомъ, какъ завоевать Учредительное Собраніе, какъ устранить безконечныя препятствія для свободнаго выраженія народной воли въ этомъ Собраніи, препятствія, коренящіеся въ унаслѣдованномъ отъ прошлаго полицейскомъ аппаратѣ, въ нуждѣ, въ забитости народа во всевозможныхъ формахъ соціальной и политической зависимости его, предъ нами стоитъ -проклятый вопросъ, какъ освободить выборы въ Учредительное Собраніе отъ давленія всѣхъ темныхъ и мрачныхъ силъ реакціи, а наши идеалисты — демократы подъ впечатлѣніемъ перваго опыта возстанія уже безпокоятся о томъ, какъ бы не пострадалъ въ будущемъ абсолютный принципъ неприкосновенности „народнаго“ представительства отъ посягательства „нѣкоторыхъ слоевъ городского населенія“, т. е. отъ посягательства революціонаго пролетаріата; они уже заблаговременно безпокоятся о томъ, какъ бы этотъ пролетаріатъ насильно не навязалъ свою волю отсталому населенію страны!

Народное представительство по либеральному рецепту, съ двухъ-палатной системой и прерогативами короны, народное представительство, созданное общественъ раздиравшимъ классовыми противорѣчіями, обществомъ, въ которомъ разныя формы современнаго капиталистическаго гнета причудливо сочетаются со всевозможными пережитками феодальнаго гнета, народное представительство, созданное подъ сугубымъ давленіемъ этого многообразнаго классоваго порабощенія, возводятся нашими „демократомъ“ въ „абсолютное“, непогрѣшимое и неприкосновенное воплощеніе національной воли, подобно тому, какъ „сознательность и организованность подъ руководствомъ общества“, т. е. общественное мнѣніе либеральной буржуазіи, имъ же возводится въ абсолютную форму національнаго самоопредѣленія, въ абсолютное воплощеніе національной мысли. Съ высоты этихъ „абсолютовъ“ нашъ идеалистъ-демократъ перестаетъ отличать добро отъ зла, поскольку добро берется со зломъ за свои измѣненные „условные“ историческіе интересы всѣми средствами, которыми оно располагаетъ. „Проповѣдь вооруженнаго возстанія преступна, — говоритъ г. „Освобожденецъ“, — потому что... ее совершаетъ правительство къ новымъ и новымъ насиліямъ, къ новому и новому пролитію крови, къ новымъ убійствамъ“.

Только общественное мнѣніе (т. е. мнѣніе либеральнаго общества) сможетъ вызвать качественный переворотъ надъ тѣмъ, что есть добро и что есть зло. Съ того момента, какъ народъ перестанъ апеллировать къ этому общественному мнѣнію, съ того момента, какъ народъ рѣшитъ противопоставить силѣ азіатскаго правительства свою собственную силу, онъ лишился благодати свыше. На войну [illegible]! Разъ народъ объявилъ правительству войну, онъ хочетъ рѣшить вопросъ силой, то это теперь сдѣлаетъ [illegible] правительство въ томъ, что и оно прибѣгаетъ къ силѣ. Правда правительство разстрѣливало девятаго января безоружную толпу, правда оно поступаетъ такъ на каждомъ шагу; но развѣ это не оправдываетъ военной стратегіей, развѣ на войнѣ [illegible] правила поединка? Развѣ съ того момента, какъ объявлена война, непріятель не имѣетъ права прибѣгать къ военной хитрости и застигать насъ врасплохъ?

Такъ разсуждаетъ „нашъ демократъ“, такъ въ его душѣ мирно и дружно уживаются теоретическій идеализмъ съ практическимъ отсталости руководителей („идеологовъ“, революціонеровъ, соціалъ-демократовъ) отъ стихійнаго подъема массъ“ (стр. 80), „весь кризисъ русской соціалъ-демократіи объясняется тѣмъ, что у стихійно-пробудившихъ массъ не оказывается на лицо достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководителей“ (стр. 92) — повторяется на всемъ безконечномъ протяженіи ленинскаго credo интеллигенціи. И тутъ же соотвѣтственный рецептъ: чтобы „революціонеръ могъ выправить во весь свой ростъ и развернуть въ свои богатырскія силы“ (см. выше), „нужно только, чтобы среди массы практиковъ, среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической работѣ уже со школьной скамьи, всякое пополненіе принимало наши политическія задачи и размахъ нашей организаціонной работы встрѣчало насъ[illegible] и презрѣніе“ (стр. 81). „Вы знаетесь своей практичностью, — обращался Ленинъ къ рабочимъ, — а не видите того знакомаго всякому русскому практику факта, какія чудеса способна творить въ революціонномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже отдѣльной личности“ (стр. 81).

И отъ первой и до послѣдней страницы „Что дѣлать“ (отдадимъ должное цѣльности его произведенія) свиститъ „скорпіоны“, которыми его авторъ награждаетъ своихъ „хвостистовъ“-противниковъ. Но тѣмъ сильнѣе они ихъ бичевали, и это руками какъ бы сама заушала себя кружковая интеллигенція, тѣмъ шире, о чувствовали ея горизонты и окрылялись надежды. Если остановка дѣйствительно только за этимъ, если людямъ кружковъ остается только пустить въ оборотъ весь запасъ своей энергіи, увеличивая размахъ и пытаясь расширить свои политическія задачи, — если „царство“ революціи „внутри васъ“ — интеллигенціи — то охваченной революціонизмомъ средѣ кружковщины, предстоящій ей путь сквозь всѣ полицейскія тернія долженъ былъ представляться ведущимъ непосредственно къ цѣли, въ зависимости отъ ея революціонныхъ умѣній (умѣнье же вещь наживная [1]), и независимо отъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые въ то же время могли и должны были протекать въ средѣ пробуждающагося рабочаго класса.

Вопросъ о будущности русской соціалъ-демократіи не сводился къ тому, окажется ли интеллигенція способной къ развитію, найдетъ ли въ ней достаточно силъ образовать изъ „кружковъ организацію“ революціонеровъ по профессіи, которая бы „воспитывала пролетаріатъ стойкой и упорной борьбой“ (стр. 79). Такимъ образомъ, революціонеръ превращался въ деміурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, не смотря на все почтеніе, обычно ему изъявляемое, оставался въ положеніи об...

[1]). Неподготовленность... большинства революціоне... дучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особенны... опасеній возбуждать не могла — писалъ Ленинъ (стр. 22). „Та... постановка задачъ была правильная, разъ была энергія на п... вторныя попытки осуществить эти задачи, временныя неудач... представленія изъ себя только полу-бѣды. Революціонная опыт... ность и организаторская ловкость — вещи наживныя. Была бы только охота пріобрѣтать въ себѣ требуемыя качества. Разъ бы только сознаніе недостатковъ, равносильное по революціонному дѣлу болѣе чѣмъ половинѣ исправленія“.

Наши злокюченія [1]).

II. О кружковомъ маркизмѣ и объ интеллигентской соціалъ-демократіи.

7.

Еще и теперь, въ великіе дни всероссійской революціи, а тѣмъ болѣе такъ было въ 90-е годы, мысли себѣ профессіональнаго революціонера, мы невольно чертимъ обязательные образы Перовской, Желябова, Александра Михайлова и иныхъ изъ того же орлинаго гнѣзда семидесятниковъ: ихъ энергія вырывала удивленіе даже у враговъ, ихъ самоотверженное искусство борьбы до сихъ поръ зоветъ на подражаніе. И понятно, что кружковая интеллигенція послѣдняго десятилѣтія, выходя изъ тупика экономизма и ощутивъ въ груди своей приливъ революціоннаго чувства, представляла себѣ свою собственную среду преобразованной въ идеалѣ, сообразно величавымъ образцамъ предыдущаго активнаго періода интеллигентской исторіи. Повтому, когда она стронула для замѣчавшагося тогда „возрожденія революціонизма“ свою „формулу прогресса“, она рисовала не кого либо другого, какъ именно — человѣка 70-хъ годовъ, но раскватившагося съ прежней трухой крестьянофильства, и организацію профессіональныхъ революціонеровъ на старый манеръ, но только — опирающуюся на поступательный ходъ пролетарскаго движенія и, вмѣсто приготовленія бомбъ, ведущую политическую агитацію. И когда она обращалась къ неудавшемуся, но героическому прошлому, то это ея обращеніе не было простой формальностью обычнаго почтенія младшаго поколѣнія борцовъ къ сошедшему со сцены; нѣтъ, оно было полно самаго современнаго, самаго актуальнаго значенія, являясь однимъ изъ тѣхъ формъ, въ которой нашла себѣ соотвѣтственное выраженіе необходимая ей, по условіямъ момента, ея собственная кружковая идеализація.

„Та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ“ — земледольческая — „намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ“, писалъ Ленинъ въ „Что дѣлать“ (стр. 103). Но и въ боевой революціонной организаціи народовольцевъ „нелѣпо“ было бы видѣть „что либо специфически народовольческое“, ибо „всякое революціонное направленіе... не можетъ обойтись безъ такой организаціи“... „Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи всѣхъ недовольныхъ и направлять эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Ошибка... ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣла, или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой борьбой внутри развивающагося капиталистическаго общества“. „Въ другомъ мѣстѣ (стр. 80): „Кружку „кустарей“, конечно, не по силамъ политическія задачи, покуда эти кустари не со[illegible] своего кустарничества и не избавились отъ него... Но [illegible] корифеевъ, вродѣ Алексѣева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и поскольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно-пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подкрѣпляется и поддерживается энергіей революціоннаго класса“.

„Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно революціонной теоріей, опираясь на истинно революціонный и стихійно пробуждающійся классъ, можетъ, наконецъ... выправиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (стр. 81). И въ заключеніе: „я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ себѣ очень широкія, всеобъемлющія задачи, — и всѣмъ намъ, членамъ этого кружка, приходилось мучительно, до боли, страдать отъ сознанія того, что мы оказываемся кустарями въ такой историческій моментъ, когда можно было бы, выражаясь нѣсколько изысканно, сказать; дайте намъ организацію революціонеровъ — и мы перевернемъ Россію“! (стр. 96).

Несомнѣнно, въ тѣ первые годы, когда кружковая интеллигенція начинала свою мобилизацію, освѣженная новой, марксистской вѣрой, эти признанія встрѣтили бы одно сплошное недоумѣніе, если бы вообще были возможны: сдѣланныя же въ началѣ 1900-хъ гг. — они фигурировали уже не въ видѣ случайной отсебятины болѣе или менѣе случайнаго писателя, а какъ знаменательный симптомъ перемѣнъ, за истекшее время происшедшихъ въ сознаніи кружковой интеллигенціи. Въ половинѣ 90-хъ годовъ взоры интеллигенціи безраздѣльно приковывалъ къ себѣ пролетаріатъ, и соотвѣтственно сему, интеллигенція, сражаясь за марксизмъ, искала отвѣтовъ въ западно-европ. рабочемъ движеніи. Не то было теперь: разумѣется, пролетаріатъ оставался величиной огромной и многозначительной, которая принималась въ разчетъ, и безъ учета которой невозможно было бы рѣшить ни одного политическаго вопроса, — но онъ представлялся въ тоже время и той „постоянной“ и, пожалуй, застывшей цифрой (пролетарская стихія!), отъ которой ни мало не зависитъ — разъ она уже дана и неизмѣнна — конечное рѣшеніе уравненія, — это промежуточное отъ той деликатной и капризной „перемѣнной“, которая, поэтому и мѣняясь, сама подлежитъ воздѣйствію и называется организаціей профессіональныхъ революціонеровъ. И соотвѣтственно этому перемѣщенію психологическаго центра, особый интересъ пріобрѣтала исторія революціоннаго движенія интеллигенціи, а ученіе Маркса подлежало новой обработкѣ, болѣе серіозной и уже во всякомъ случаѣ болѣе сознательной, чѣмъ та, которая возможна была въ предшествующій, по преимуществу просвѣтительный, періодъ русскаго кружкового марксизма.

Въ лицѣ своего кровнаго дѣтища — революціонера по профессіи — кружковая интеллигенція стала въ своихъ собственныхъ глазахъ рѣшающей инстанціей, — въ этомъ заключался весь смыслъ перемѣнъ, объ этомъ ведутъ отчетливую рѣчь уже приведенныя цитаты, объ этомъ еще лучше говоритъ вообще все отношеніе кружковой интеллигенціи къ тогдашнему кризису соціалъ-демократіи.

Въ самомъ дѣлѣ: корень бѣдъ, вѣдь, въ томъ, что кружковая интеллигенція не выдвинула, пока что, „корифеевъ“, подобныхъ „Алексѣеву и Мышкину, Халтурину и Желябову“ — „и

---

[1]) „Искра“ №№ 78, 98, 106.

Отвѣтъ изъ Бухареста на поэзду „Письма изъ Бухареста“.

Передо мною лежитъ только что полученный 70-ый номеръ „Рев. Рос.“. Много въ немъ горячихъ товарищескихъ статей посвященныхъ крезному „Потемкину“ и его героямъ-матросамъ.

Казалось-бы, что это историческое событіе въ нашемъ революціонномъ движеніи дѣйствительно способно, благодаря своей грандіозности, вызвать одно общее одушевленіе, одинъ общій варывъ энтузіазма и слить въ одномъ чувствѣ всѣ оттѣнки, самоотверженныхъ борцовъ. Казалось-бы, что въ такія глубокія историческія минуты не время и не мѣсто фракціоннымъ увлеченіямъ и между-партійнымъ препирательствамъ.

Но... какъ это ни больно, и какъ это ни горько до глубины души, въ дѣйствительности оказывается далеко не то, что было бы желательно.

Въ этомъ же самомъ нумерѣ, наряду съ только что приведенными, помѣщено „Письмо изъ Бухареста“, которое вно...

…ъ какой то неописанный диссонансъ въ этотъ тонъ всеобщаго единодушія. Въ немъ прежде всего непріятно бросается въ глаза то, что наша частная бесѣда за чашкою чая, чисто личнаго, товарищескаго характера, облечена по какимъ то соображеніямъ въ форму „интервью“ и, безъ всякаго согласія съ нашей стороны, отдана въ печать въ самомъ тенденціозномъ видѣ.

Не знаю, какъ поступятъ товарищи Матюшенко и Коваленко по прочтеніи этого „письма“, но я рѣшительно не нахожу возможнымъ оставить его безъ надлежащаго отвѣта.

Прежде всего, всѣ мы единогласно заявляемъ товарищамъ, что передъ нами въ теченіи этихъ знаменательныхъ одиннадцати дней неотступно стояла громадная задача немедленнаго свержения самодержавной гидры, душащей и калѣчащей на нашей родинѣ все живое и свободное. Великія перспективы освобожденія и счастья для всего измученнаго, трудящагося люда Россіи казались намъ такъ близки и такъ легко осуществимы при грозныхъ орудіяхъ „Потемкина“, что всѣ мы были одушевлены только одной идеей, только однимъ горячимъ стремленіемъ: какъ можно скорѣй нанести послѣдній и рѣшительный ударъ растерзавшемуся деспотизму, сломить его и разстаться разъ на всегда, какъ ядовитую, пресмыкающуюся гадину.

Задача передъ нами стояла настолько громадная, повторяю, и единодушіе среди всѣхъ *сознательныхъ* товарищей на бросокъ было настолько полное въ этомъ всеохватывающемъ революціонномъ дѣлѣ, что никому изъ насъ даже и въ голову не приходило наклеивать на него какой-нибудь фракціонный или партійный ярлыкъ. И вы его не найдете ни на одной изъ нашихъ прокламацій, ни даже на нашемъ боевомъ знаменѣ.

Однако, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, въ своихъ устныхъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ на берегу и къ командѣ у себя на судѣ, всѣ активные сознательные товарищи-матросы говорили отъ имени „россійской“ социалъ-демократической рабочей партіи.“

Вѣдь, это она вдохнула во всѣхъ насъ рѣшимость безо всякой борьбы со всѣми деспотическими строемъ, безправіемъ и эксплуатаціей! Вѣдь, это она озарила нашъ революціонный путь яркимъ свѣточемъ сознанія неизбѣжнаго наступленія царства братской и трудовой жизни, на пути къ которой необходимо было раздавить кровожаднаго молоха самодержавія!

Поэтому, естественно, что, какъ товарищъ Матюшенко, такъ и всѣ другіе сознательные товарищи, получившіе свое революціонное воспитаніе въ севастопольской организаціи „Крымскаго Союза“ нашей партіи, не пробовали почти ни одной изъ, въ которой они открыто не заявляли бы о своей принадлежности къ соціалъ-демократіи и не дѣйствовали бы каждый отъ имени этой всемірной рабочей партіи, давшей намъ путь классоваго самосознанія и первый толчекъ къ активной борьбѣ.

Но я повторяю, что все это вовсе не носило характера организованнаго выступленія на показъ своего ярлыка. Дѣло полнаго освобожденія всего трудящагося люда и всего русскаго народа заставляло всѣхъ насъ забывать о названіяхъ, кличкахъ и одушевляя прежде всего величіемъ своего содержанія.

Въ этомъ всеохватывающемъ порывѣ всѣ мы рѣшали единодушно, даже цѣною смерти всѣхъ насъ, добиться уничтоженія основныхъ цѣпей всероссійскаго рабства. Каждый изъ сознательныхъ товарищей готовъ былъ безъ всякихъ колебаній умереть въ любую минуту, разъ этого потребовалъ бы успѣхъ предпринятаго нами дѣла. Все это насъ какъ бы сліло въ одну волю, въ одно непреклонное стремленіе.

Теперь, послѣ этого вступленія я перейду къ самому „Письму изъ Бухареста“, автору котораго было, надѣюсь, не безъизвѣстно изъ нашихъ словъ и бесѣдъ съ нимъ все, только что сказанное. Поэтому, меня болѣе чѣмъ удивляетъ тенденціозность и тупоумная содержанія этого „*товарищескаго интервью*“.

Въ „письмѣ“, прежде всего непріятно поражаетъ, что всѣмъ *авторомъ бухарестскаго* „обозрѣнія произведенъ нѣчто вродѣ экзамена почти по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики партійной соціалъ-демократической программы, причемъ передъ всѣми читающимъ міромъ онъ заявляетъ съ плохо скрываемымъ торжествомъ, что товарищъ Матюшенко оказался въ результатѣ произведеннаго ему экзамена чистѣйшимъ и наивнѣйшимъ профаномъ, мечтающимъ о какомъ-то равномъ раздѣлѣ и переворотѣ земли.

Этотъ результатъ экзамена выдвигается авторомъ такъ выпукло и красиво, что въ этомъ нельзя не увидѣть какой-то скрытой задней мысли. Эта задняя мысль становится вполнѣ опредѣленной и понятной, когда читаешь дальше, что „Коваленко *тоже* не соц.-демъ“, а что, напротивъ того, онъ въ…

…ента, первосортнаго матеріала, не попавшаго въ ряды активныхъ дѣятелей — факторовъ революціи.

И какъ будто бы для того, чтобы разсѣять послѣднія возможныя сомнѣнія, чтобы закрѣпить въ сознаніи прошедшій переломъ во взаимоотношеніяхъ интеллигенціи и массы и чтобы нагляднѣе подчеркнуть радикальность перелома, кружковая интеллигенція выступала ни болѣе, ни менѣе, какъ сознательная „борьба со стихійностью“.

„Стихійное развитіе рабочаго движенія“ — говоритъ Ленинъ, „идетъ именно въ подчиненіи его буржуазной идеологіи... ибо стихійное рабочее движеніе — есть тредъюніонизмъ... а тредъюніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей“ (стр. 28).

Кто же въ такомъ случаѣ является въ заманчивой роли спасителя пролетаріата, „совлекающаго“ его со „стихійнаго стремленія“ учиться „подъ крылышкомъ буржуазіи“? Сознательность соціалъ-демократіи, т. е., говоря конкретно и примѣнительно къ Россіи — кружковая интеллигенція.

Не лишне будетъ кстати отмѣтить, что Каутскій, на авторитетъ котораго Ленинъ построилъ свою „борьбу со стихійностью“, говоря о внесеніи сознанія въ движеніе, имѣлъ, конечно, ввиду не цѣлый общественный пластъ интеллигенціи и не движеніе ея, воодушевленное ея собственную стихію, а лишь „отдѣльныхъ членовъ“ того слоя, который онъ называетъ „буржуазной интеллигенціей“, который въ условіяхъ современнаго капиталистическаго общества одинъ только и можетъ явиться „носителемъ науки“ и выходцы изъ котораго были сознателями (Энгельсъ и Марксъ) и піонерами научно-соціалистическаго ученія. Русская же кружковая среда, съ Ленинымъ во главѣ, не только не осознала этого, какъ должно, очевиднаго различія, но, наоборотъ, поспѣшила сконструировать себѣ, какъ живое — въ профессіональномъ революціонерѣ — олицетворяющее „сознательность“, у которой нѣтъ ахиллесовой пяты „стихійности“, нѣтъ той „линіи наименьшаго сопротивленія (стр. 29), неизмѣнно приводящей къ буржуазности и съ которой надо постоянно „совлекать“ злополучное движеніе пролетаріата.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, получался своеобразный итогъ: русская интеллигенція, точнѣе — ея кружковая разновидность, обыкновенно составлявшая лишь одно пустое мѣсто въ концепціи отечественнаго марксизма, оказывалась вдругъ представительницей par excellence борьбы съ пролетарской стихійностью. И съ этой представительницы не спрашивалось какихъ либо гарантій пригодности ея соціально-группового содержанія; достаточно было простого указанія на ея субъективную преданность догмѣ во первыхъ, и на ея готовность стать профессіонально-революціонной во вторыхъ, чтобы — выражаясь языкомъ Н. Ленина — „отдать“ въ ея „распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ стихійно подымающагося на борьбу рабочаго класса (стр. 34).

8.

Это была — по истинѣ грандіозно-утопическая претензія!

Но именно ею объясняется, что на вопросъ „съ чего начать“ кружковая интеллигенція, ничто же сумняся, отвѣчала: молодые годы вполнѣ опредѣленно осуществлялъ украинецъ соц.-рев. Кириллъ-же, говорится дальше, хотя и выдержалъ экзаменъ въ полномъ объемѣ и соц.-демъ., но онъ-де не является на броненосцѣ официальнымъ представителемъ какой-либо организаціи.

Все это сопровождается краткою оговоркой, что болѣе подробная характеристика дѣлается только первыхъ двухъ, какъ лицамъ, пользовавшимся самымъ большимъ вліяніемъ на весь ходъ „потемкинскихъ“ событій.

Сколько разъ я ни перечитывалъ это „Письмо изъ Бухареста“, стараясь убѣдить себя въ непонятности пониманія духа и содержанія его, однако, смыслъ его оставался одинъ и тотъ-же: всѣ грандіозныя событія на нашемъ броненосцѣ обязаны своимъ ходомъ и направленіемъ двумъ „наиболѣе вліятельнымъ“ товарищамъ — Матюшенко и Коваленко. Причемъ первый изъ нихъ, по тщательному допросу, въ смыслѣ своихъ социально-политическихъ убѣжденій оказался просто безпартійнымъ революціонеромъ, а второй соціалистомъ-революціонеромъ. И выводъ, слѣдовательно, отсюда ясенъ: — да здравствуетъ герой „Потемкина“, руководимый и направляемый въ своей самоотверженной борьбѣ соціалистами-революціонерами или умъ на худой конецъ „просто революціонеромъ“, но только ни въ коемъ случаѣ не соціалъ-демократомъ!

Все это, по моему, способно возбудить вполнѣ справедливое возмущеніе и негодованіе. Разнѣ это не есть замаскированное стремленіе на наше единодушное великое дѣло борьбы за народную свободу наклеить во что бы то ни стало чуждый ему „ярлыкъ“?

Развѣ автору корреспонденціи изъ Бухареста давало право только наше личное заявленіе о самихъ себѣ возвести двухъ изъ насъ на степень „наиболѣе вліятельныхъ“ и съ апломбомъ утверждать это въ печати передъ всѣми товарищами, многихъ изъ которыхъ онъ даже не видалъ и не перемолвился ни однимъ словомъ? Между тѣмъ, мы постоянно подчеркивали громадную роль многихъ другихъ товарищей-матросовъ, частью умершихъ почетной и славной смертью отъ предательскихъ пуль деспотизма, а частью находящихся здѣсь въ живыхъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о „степени своей оффиціальности“ на судѣ.

Дѣйствительно, на броненосцѣ я поѣхалъ не по порученію своей организаціи, а по настоянію громадной толпы рабочихъ, которые, снявши, подъ моимъ руководствомъ, съ работы въ порту почти всѣхъ рабочихъ, настояли на томъ, чтобы я сейчасъ же поѣхалъ къ матросамъ и выработалъ бы вмѣстѣ съ ними планъ совмѣстныхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я и былъ одинъ товарищъ-„будзовецъ“, сѣлъ въ шлюпку и сейчасъ же отправился на „Потемкинъ“.

Когда мы прибыли туда и взошли на корабль, то, выслушавъ отъ насъ заявленіе — кто мы и зачѣмъ пріѣхали, руководители-матросы сейчасъ же пригласили насъ принять участіе въ происходящемъ засѣданіи ихъ „комитета“, гдѣ мы застали уже своихъ товарищей, уполномоченныхъ отъ которой же самой цѣли мѣстными организаціями „Группы“, „Кіевъ“ и „Бунда“. Обмѣнявшись съ ними „паролями“, мы приняли и мы участіе въ общемъ совѣщаніи. Кромѣ всѣхъ насъ, тутъ было еще человѣкъ 20-25 матросовъ. Въ концѣ этого совѣщанія было рѣшено, что для объединенія и руководства совмѣстными дѣйствіями берега и броненосца будетъ вполнѣ достаточнымъ 5 3-хъ товарищей, и что всѣ остальные должны сейчасъ же вернуться къ своимъ дѣламъ въ городъ, также должны быть удалены съ броненосца и всѣ вообще посторонніе.

Съ общаго единодушнаго согласія были оставлены я и „студентъ“ (погибшій въ Одессѣ), какъ представители отъ „Одесской группы“, и еще одинъ товарищъ „большевикъ“.

Черезъ нѣкоторое время, когда почти никого уже на броненосцѣ изъ „вольныхъ“ людей не оставалось, къ намъ подошла шлюпка съ представителями отъ мѣстной организаціи „соц.-рев.“. Изъ разговора, сейчасъ же товарищъ матросъ и заявилъ, *что они рѣшили ничего не предпринимать до суда не примыкать, до времени, пока что руководителями отъ мѣстныхъ рабочихъ организацій уже выбраны и въ достаточномъ количествѣ находятся на судѣ а, во вторыхъ, что большая часть командъ, даже сознательныхъ матросовъ почти совсѣмъ не знакома съ той партіей, представителемъ которой являются соціалисты-революціонеры, а потому они едва-ли будутъ принимать здѣсь съ матлежащимъ довѣріемъ всей командѣ.* При этомъ разговорѣ я молча стоялъ неподалеку, въ сторонѣ и былъ очевидцемъ происходящаго. Когда же въ концѣ этихъ переговоровъ я замѣтилъ товарищу-матросу, что почему-бы не оставить на судѣ кого бы еще одного изъ прибывшихъ, онъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, вполнѣ достаточно трехъ, уже оставшихся здѣсь товарищей, а что лучше побольше бросать силъ на берегу. На этомъ окончились переговоры.

Членъ Одесской Гр. Р. С.-Д. Р. П. Кириллъ.

Переговоры съ представителями „соціал-револ.“ если они и находятъ, что товарищъ Кириллъ правильно передалъ сущность всѣхъ наши переговоры.

Матросы: Шестидесятый. Кузнецъ.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ“.

Дорогіе товарищи! Мы прочли отвѣтъ товарища Кирилла на „письмо изъ Бухареста“ (Рев. Рос. № 70) и вполнѣ согласились съ нимъ. Насъ поражаетъ попытка неизвѣстнаго автора письма „Рев. Рос.“ отдѣлить насъ отъ нашихъ друзей — Матюшенко и Коваленко, изобразить революціонныя предпріятія „Князя Потемкина“, какъ дѣло 2-3 человѣкъ, которые будто-бы и руководили всѣмъ. Мы глубоко увѣрены, что товарищи Матюшенко и Коваленко сами будутъ протестовать противъ такого изображенія всего нашего дѣла и исключительнаго положенія въ немъ. Совѣстно не думая уменьшать роли того и не было изъ товарищей, мы, однако, отъ имени всѣхъ сознательныхъ матросовъ-революціонеровъ заявляемъ, что всѣ мы еще заранѣе и сознательно рѣшили взять на себя всю отвѣтственность за это дѣло. И хотя событія 14 іюля въ Тендровской бухтѣ явились для насъ неожиданными и какъ бы противъ нашей воли, мы поспѣшили сейчасъ же ихъ использовать для заранѣе намѣченнаго возстанія всего Черноморскаго флота, плавъ котораго былъ выработанъ „Крымскимъ Союзомъ“, при нашемъ непосредственномъ участіи, какъ членовъ „Севастопольской организаціи“ этого Союза.

Во всѣхъ событіяхъ, какъ до, такъ и во время и послѣ этой драмы, мы приняли самое дѣятельное участіе. Сившево, чтобы каждый изъ насъ сталъ перечислять — какъ онъ доставалъ винтовки, боролся съ офицерами, разбивалъ патронныя погреба, поднималъ команду и т. д. Каждому понятно, что безъ сознательнаго дѣйствія серьезной организаціи среди матросовъ невозможно бы было такому громадному броненосцу, съ 800 человѣками команды, продержаться одиннадцать дней и вести революціонную борьбу въ теченіе всего этого времени. И дѣйствительно, всѣми дѣлами „Потемкина“ руководила „Комиссія“ изъ 20 человѣкъ матросовъ, въ которыхъ въ Одессѣ присоединились отъ мѣстныхъ рабочихъ соціалъ-демократическихъ организацій товарищи Кириллъ, „студентъ“ и еще одинъ. За дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ позже былъ введенъ въ Комиссію и товарищъ Коваленко.

Матросы эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ“,
Члены Севастопольской соціалъ-демократической организаціи:

Исидоръ Андросовъ.	Григорій Кулишовъ.
Николай Хохляковъ.	Евтихій Рѣшниченко.
Иванъ Рѣшевъ.	Николай Рыжовъ.
Ипаріонъ Шестидесятый.	Ефимъ Вреснихинъ.
Василій Куликъ.	Степанъ Денисенко.
Аркадій Самойленко.	Константинъ Совченко.
Федоръ Шевченко.	Захарій Цимбалъ.

Многіе изъ нашихъ товарищей разбросаны теперь по всей Румыніи, но мы увѣрены, что, прочитавъ *это* заявленіе въ „Искрѣ“, они поздпѣе присоединятъ свои подписи.

На очереди.

ПО ПОВОДУ РЕВОЛЮЦІОННОЙ РЕЦЕПТУРЫ.

До сихъ поръ насмѣшки надъ идеей „назначеннаго“ возстанія удерживали нашихъ товарищей изъ „Впередъ“ (Пролетарій — тожъ) отъ примѣненія указаній русскому пролетаріату, по какимъ нотамъ ему надо будетъ разыгрывать свои боевыя дѣйствія въ рѣшительный моментъ. Теперь всякія сомнѣнія отброшены — „стѣсняться нечего“ [1]) — и мы имѣемъ, для свѣдѣнія и руководства, цѣлый рядъ „практическихъ“ совѣтовъ, продиктованныхъ „строго-ортодоксальной“ тогкой зрѣнія.

Прежде всего мы узнаемъ („Пролетарій“ № 9), какъ необходимо начинать возстаніе. „Если секретарь комитета или спеціально выбранный на такіе случаи (!) вожакъ находитъ

[1]) Подлинныя слова нѣкоего В. Свѣрцова, написавшаго „Приложеніе тактики и фортификаціи къ народному возстанію“ (изд. „Ц. К.“ Р. С.-Д. Р. П.)

…ъ „общерусскую централизованную организацію“ профессіональныхъ революціонеровъ! Но вѣдь чемъ гарантія того, что этотъ продуктъ конспиваціи кружковой интеллигенціи въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ будетъ совпадать съ пролетарскимъ инстинктомъ въ его цѣломъ, что онъ окажется способнымъ понять на себя роль, которую выполняютъ на назадѣ передовые пролетарскіе отряды, носящіе названіе соціалъ-демократическихъ рабочихъ партій? Съ точки зрѣнія марксистской вопросъ представлялъ своего рода квадратуру круга — при данномъ направленіи движенія, но онъ рѣшался крайне просто рационалистическими пріемами кружковой интеллигенціи.

Правильная теорія — вотъ тотъ камень, на которомъ интеллигенція можетъ спокойно возводить свои организаціонныя постройки. Вспомнимъ опять, что ошибка народовольцевъ — по Ленину — была въ томъ, что они ставили должной теоріи и что въ настоящее время русскій революціонеръ можетъ „развернуть свои богатырскія силы“ потому, что опирается на „стихійно пробуждающійся“ и „истинно-революціонный классъ (см. выше) и что онъ, „руководимый истинно-революціонной теоріей“. Но въ устахъ кружковщины того времени опираться на пролетаріатъ сначало не болѣе, какъ имѣть въ немъ превосходный инструментъ, на которомъ можно разыгрывать свою героическую симфонію. Инструментъ и только. Потому что стихія пролетарскаго движенія, т. е. самый механизмъ пролетарской классовой борьбы, ведетъ рабочій классъ къ одному лишь подчиненію буржуазности“). Такимъ образомъ, въ качествѣ единственно надежнаго, первато и послѣдняго устоя революціонно-интеллигентскаго зодчества остается — *теорія* — единоспасающая и всенаправляющая, въ своей крѣпкой рукѣ держащая бразды профессіонально революціоннаго управленія и элементарною силою своей логической правоты цементирующая самые разнородные, самые разносоставные элементы.

„При такой (т. е. централизованной и въ то же время съ изудемъ далеко разъѣхленномъ труда. Ст.) организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей соціалъ-демократическимъ органомъ, нечего будетъ бояться того, — говорится въ „Что дѣлать“ (стр. 99), что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему „сторонніе“ элементы“.

Оказывается, „твердый теоретическій базисъ“, находящій свое выраженіе въ „органѣ“, обладаетъ чудодѣйственными свойствами — не только предохранять организацію профессіональныхъ революціонеровъ отъ ошибочнаго курса ихъ практики, но и превращать организацію въ надъ-классовую, спо-

[1]) Ср. также стр. 103. „И только самое грубое непонимание марксизма... могло породить мнѣніе, что возникновеніе массового „стихійнаго“ рабочаго движенія избавляетъ насъ отъ обязанности создать такую же хорошую, какая была у земцевъ-либеральныхъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно возлагаетъ на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и *не сдѣлается настоящей классовой борьбой* *его до тѣхъ, пока эта борьба не будетъ руководиться крѣпкой организаціей революціонеровъ*“.

Севастополь. Въ нашъ городъ много матросовъ бросается въ глаза то, что наша частная борьба на частномъ чаю, часто экономическаго характера, обвязана по нашимъ то организовать въ форму „интересы“ и, безъ всякаго согласія одной стороны, отдана въ печать въ самомъ тендепціозномъ

Но знаю, какъ поступятъ товарищи Матюшенко и Коваленко противъ этого „письма“, но я рѣшительно не могу возможнымъ оставить его безъ надлежащаго отвѣта.

Прежде всего, всѣ мы единогласно заявляемъ товарищамъ, что передъ нами въ теченіи этихъ знаменательныхъ послѣднихъ дней неотступно стояла громадная задача немедленнаго свержения самодержавной гидры, душащей и калѣчащей на нашей родинѣ все живое и свободное. Великія перспективы освобожденія и счастья для всего измученнаго, трудящагося люда Россіи казались намъ такъ близки и такъ легко достижимы при грозныхъ орудіяхъ „Потемкина“, что всѣ мы единодушно и безповоротно рѣшили: какъ можно скорѣй нанести послѣдній и рѣшительный ударъ растерзавшемуся деспотизму, сломать его и разъ навсегда, какъ ядовитую, пресмыкающуюся гадину.

Задача передъ нами стояла настолько громадная, повторяю и единодушіе среди всѣхъ *сознательныхъ* товарищей на броненосцѣ было настолько полное въ этотъ всесвятѣйшій для насъ день, что никому изъ насъ даже и въ голову не приходило навлекать на него какой-нибудь фракціонный и партійный ярлыкъ. И вы его не найдете ни на одной изъ нашихъ прокламацій, ни даже на нашемъ боевомъ знаменѣ.

Однако, этому никоимъ образомъ не противорѣчитъ то обстоятельство, что, въ своихъ устныхъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ на берегу и въ командѣ у себя на судѣ, всѣ активные сознательные товарищи-матросы говорили отъ имени „россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.“

Вѣдь, это она вдохнула во всѣхъ насъ рѣшимость безпощадной борьбы со всѣмъ деспотическимъ строемъ, безправіемъ и эксплуатаціей! Вѣдь, это она озарила нашъ революціонный умъ яркимъ свѣточемъ сознанія необходимаго наступленія новаго братской и трудовой жизни, на пути къ которой немыслимо было раздавить кровожаднаго молоха самодержавія!

Поэтому, естественно, что, какъ товарищъ Матюшенко, такъ и другіе сознательные товарищи, получившіе свое революціонное воспитаніе въ севастопольской организаціи „Крымскаго Союза“ нашей партіи, не произносили почти ни одной рѣчи, въ которой они открыто не заявляли бы о своей принадлежности къ соціалъ-демократіи и не дѣйствовали бы каждый отъ имени этой всемірной рабочей партіи, давшей намъ классового самосознанія и первый толчекъ къ активной

Но я повторяю, что все это вовсе не носило характера какого-нибудь выставленія на показъ своего ярлыка. Дѣло полнаго освобожденія всего трудящагося люда и всего русскаго народа заставляло всѣхъ насъ забывать о названіяхъ, и одушевляя прежде всего величіемъ своего содержанія. Въ этомъ всесвятѣйшемъ порывѣ всѣ мы рѣшали смѣло, даже цѣною смерти всѣхъ насъ, добиться уничтоженія самыхъ цѣпей всероссійскаго рабства. Каждый изъ сознательныхъ товарищей готовъ былъ безъ всякихъ колебаній умереть за любую мелочь, разъ этого потребовалъ бы успѣхъ принятаго нами дѣла. Все это насъ какъ бы сплало въ одно, въ одно непреклонное стремленіе.

Теперь, послѣ этого вступленія я перейду къ самому „Письму изъ Бухареста“, автору котораго было, надѣюсь, не безъизвѣстно изъ нашихъ словъ и бесѣдъ съ нимъ все, только что сказано. Поэтому, меня болѣе чѣмъ удивляетъ тенденціозность и тенденціозное содержаніе этого „*товарищескаго* интервью“.

Въ „письмѣ“, прежде всего, непріятно поражаетъ, что всѣмъ [illegible] общественнымъ вопросамъ нашего [illegible] почти по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики партій-соціалъ-демократической программы, причемъ передъ всѣми нашими міромъ онъ заявляетъ съ дѣдо скрываемымъ торжествомъ, что товарищъ Матюшенко оказался въ результатѣ произведеннаго ему экзамена чистѣйшимъ и наивнѣйшимъ „Манилой, мечтающимъ о какомъ-то равномъ раздѣлѣ и переворотѣ земли.

Этотъ результатъ экзамена выдающагося авторомъ такъ выгодно и красиво, что въ этомъ нельзя не усмотрѣть какой-то заранѣе задней мысли. Эта задняя мысль становится [illegible] опредѣленной и понятной, когда читающій дальше, что [illegible] *можно* изъ соц.-дем.“, а что, напротивъ того, онъ въ [illegible] первосортнаго матеріала, не попадая въ ряды активныхъ [illegible] — факторовъ революціи.

И какъ будто бы для того, чтобы разсѣять послѣдній возможный сомнѣнія, чтобы закрѣпить въ сознаніи происшедшій [illegible] во взаимоотношеніяхъ интеллигенціи и массы и чтобы [illegible] подчеркнуть радикализмъ перелома, кружковая интеллигенція выступала ни болѣе, ни менѣе, какъ стихіемъ „борьбы со стихійностью“.

„Стихійное развитіе рабочаго движенія“, — говоритъ Ленинъ, — ведетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи..., ибо стихійное рабочее движеніе — есть „трэдъюніонизмъ..., а трэдъюніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей“ (стр. 28).

Кто же въ такомъ случаѣ является въ заманчивой роли спасителя пролетаріата, „совлекающаго“ его со „стихійнаго стремленія“ ується „подъ крылышкомъ буржуазіи“? „Сознательность соціалъ-демократія, т. е., говоря конкретно и примѣнительно къ Россіи — кружковая интеллигенція.

Не лишне будетъ кстати отмѣтить, что Каутскій, на авторитетѣ котораго Ленинъ построилъ свою „борьбу со стихійностью“, говоря о внесеніи сознанія въ движеніе, имѣлъ, конечно, ввиду не цѣлый общественный классъ интеллигенціи и не движенія ея, вошедшіе ее собственную стихію, а лишь „отдѣльныхъ членовъ“ того слоя, который онъ называетъ „буржуазной интеллигенціей“, который въ условіяхъ современнаго капиталистическаго общества одинъ только и можетъ явиться „носителемъ науки“ и выходцы изъ котораго были создателями (Энгельсъ и Марксъ) и піонерами научно-соціалистическаго ученія. Русская же кружковая среда, съ Ленинымъ во главѣ, не только не создала этого, какъ было бы, очевиднаго различія, но, наоборотъ, [illegible] сконструировать себѣ, какъ живое — въ профессіональномъ революціонерѣ — олицетвореніе „сознательности“, „сознательности“, у которой нѣтъ ахиллесовой пяты „стихійности“, цѣтъ той „линіи наименьшаго „сопротивленія (стр. 29), неизмѣнно приводящей къ буржуазности и съ которой надо постоянно „совлекать“ злополучное движеніе пролетаріата.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, получался своеобразный [illegible] русская интеллигенція, точнѣе — ея кружковая разновидность, обыкновенно составлявшая лишь одно пустое мѣсто въ концепціи отечественнаго марксизма, оказывалась вдругъ представительницей par excellence борьбы въ пролетарской стихіи. И съ этой представительницы не спрашивалось какихъ либо гарантій пригодности ея соціально-группового содержанія; достаточно было простого указанія на ея субъективную преданность догмѣ во первыхъ, и на ея готовность стать профессіонально-революціонной во вторыхъ, чтобы — выражаясь языкомъ Н. Ленина — „отдать“ въ ея „распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ стихійно подымающагося на борьбу рабочаго класса (стр. 34).

8.

Это была — по истинѣ грандіозно-утопическая претензія!

Но именно это объясняется, что на вопросъ „съ чего начать“ кружковая интеллигенція, ничуть не сумняся, отвѣчала: [illegible] годы нашей [illegible] соц.-дем. Кирилловъ, гимназистъ, [illegible] имѣлъ [illegible] имѣлъ [illegible] ни [illegible] ни [illegible] ни

...ть какой то непонятный диссонансъ въ этотъ тонъ всеобщаго единодушія. Въ немъ прежде всего непріятно бросается въ глаза то, что наша частная бесѣда за чашкою чая, чисто личнаго, товарищескаго характера, облечена по какимъ то соображеніямъ въ форму „интервью“ и, безъ всякаго согласія съ нашей стороны, отдана въ печать въ самомъ тенденціозномъ видѣ.

Не знаю, какъ поступятъ товарищи Матюшенко и Коваленко по прочтеніи этого „письма“, но я рѣшительно не на кому возможнымъ оставить его безъ надлежащаго отвѣта.

Прежде всего, всѣ мы единогласно заявляемъ товарищамъ, что передъ нами въ теченіи этихъ знаменательныхъ одиннадцати дней неотступно стояла громадная задача немедленнаго свержения самодержавной гидры, душащей и калѣчащей на нашей родинѣ все живое и свободное. Великія перспективы освобожденія и счастья для всего измученнаго, трудящагося люда Россіи казались намъ такъ близки и такъ легко осуществимы при грозныхъ орудіяхъ „Потемкина“, что всѣ мы были одушевлены только одной идеей, только однимъ горячимъ стремленіемъ: какъ можно скорѣй нанести послѣдній и рѣшительный ударъ растерзавшемуся деспотизму, сломить его и растоптать разъ на всегда, какъ ядовитую, пресмыкающуюся гадину.

Задача передъ нами стояла настолько громадная, повторяю, и единодушіе среди всѣхъ *сознательныхъ* товарищей на броненосцѣ было настолько полное въ этомъ всеохватывающемъ революціонномъ дѣлѣ, что никому изъ насъ даже и въ голову не приходило наклеивать на него какой-нибудь фракціонный или партійный ярлыкъ. И вы его не найдете ни на одной изъ нашихъ прокламацій, ни даже на нашемъ боевомъ знаменѣ.

Однако, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, въ своихъ устныхъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ на берегу и къ командѣ у себя на суднѣ, всѣ активные сознательные товарищи-матросы говорили отъ имени „россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.“

Вѣдь, это она вдохнула во всѣхъ насъ рѣшимость безбоязненной борьбы со всѣмъ деспотическимъ строемъ, безправіемъ и эксплуатаціей! Вѣдь, это она озарила нашъ революціонный путь яркимъ свѣточемъ сознанія неизбѣжнаго наступленія царства братской и трудовой жизни, на пути къ которой необходимо было разбить кровожаднаго молота самодержавія!

Поэтому, естественно, что, какъ товарищъ Матюшенко, такъ и всѣ другіе сознательные товарищи, получившіе свое революціонное воспитаніе въ севастопольской организаціи „Крымскаго Союза“ нашей партіи, не провозгласили почти ни одной рѣчи, въ которой они открыто не заявляли бы о своей принадлежности къ соціалъ-демократіи и не дѣйствовали бы каждый разъ отъ имени этой всемірной рабочей партіи, давшей намъ путь классоваго самосознанія и первый толчекъ къ активной борьбѣ.

Но я повторяю, что все это вовсе не носило характера крикливаго выставленія на показъ своего ярлыка. Дѣло политическаго освобожденія всего трудящагося люда и всего русскаго народа заставляло всѣхъ насъ забывать о названіяхъ, членовъ и одушевляя прежде всего величіемъ своего содержанія. Въ этомъ всеохватывающемъ порывѣ всѣ мы рѣшали единодушно, даже цѣною смерти всѣхъ насъ, побиться уничтоженія основныхъ цѣпей всероссійскаго рабства. Каждый изъ сознательныхъ товарищей готовъ былъ безъ всякихъ колебаній умереть въ любую минуту, разъ этого потребовалъ бы успѣхъ предпринятаго нами дѣла. Все это нами какъ бы сплавлялось въ одну волю, въ одно непреклонное стремленіе.

Теперь, послѣ этого вступленія и перейду къ самому „Письму изъ Бухареста“, автору котораго было жалѣть, не безъ того, что изъ нашихъ словъ и бесѣдъ съ нимъ не только не сдѣлано.

Поэтому меня болѣе чѣмъ удивило тенденціозное и утрированное содержаніе этого „*товарищескаго интервью*“.

Въ „письмѣ“, прежде всего, непріятно поражаетъ, что въ немъ авторъ бухарестскаго „письма“ обнаруживаетъ почти полное незнаніе почти по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики нашей соціалъ-демократической программы, причемъ передъ всѣми читающимъ міромъ онъ заявляетъ себя, противъ всякаго желанія съ его стороны, что товарищъ Матюшенко оказался въ результатѣ произведеннаго ему экзамена очень плохимъ и плохимъ знатокомъ, фарисеемъ, мечтающимъ о какомъ-то грандіозномъ разгромѣ и переворотѣ земли.

Этотъ результатъ экзамена выглядитъ тѣмъ болѣе странно, что, какъ мнѣ было извѣстно изъ устныхъ бесѣдъ, онъ, авторъ письма, не только не былъ новичкомъ въ революціонномъ дѣлѣ, но, напротивъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ товарищей, которые, по крайней мѣрѣ, съ 1902 года, т. е. съ молодыхъ лѣтъ, вполнѣ опредѣленно сочувствовалъ украинцамъ соц.-рев. Кириллъ-же, говорится дальше, хотя и выдержалъ экзаменъ въ полномъ объемѣ по соц.-дем., но онъ все-же не является на броненосцѣ официальнымъ представителемъ какой-либо организаціи.

Все это сопровождается краткою оговоркой, что болѣе подробная характеристика дѣлается только первымъ двумъ, какъ лицамъ, пользовавшимся самымъ большимъ вліяніемъ на весь ходъ „потемкинскихъ“ событій.

Сколько разъ я ни перечитывалъ это „Письмо изъ Бухареста“, стараясь убѣдить себя въ незнаніи его пониманія духа и содержанія его, однако, смыслъ его оставался одинъ и тотъ-же: всѣ грандіозныя событія на нашемъ броненосцѣ обязаны своимъ ходомъ и направленіемъ двумъ, наиболѣе вліятельнымъ товарищамъ — Матюшенко и Коваленко. Причемъ первый изъ нихъ, по тщательному допросу, въ смыслѣ своихъ соціально-политическихъ убѣжденій оказался просто безпартійнымъ революціонеромъ, а второй соціалистомъ-революціонеромъ. И выводъ, слѣдовательно, отсюда всѣмъ: — да здравствуетъ герой „Потемкина“, руководимый и направляемый въ своей самоотверженной борьбѣ соціалистами-революціонерами или ужъ на худой конецъ „просто революціонерами“, но только ни въ коемъ случаѣ не соціалъ-демократами

Все это, по моему, способно возбудить вполнѣ справедливое возмущеніе и негодованіе. Развѣ это не есть чамскарированное стремленіе на наше единодушное великое дѣло борьбы за народную свободу наклеить во что бы то ни стало чуждый ему „ярлыкъ“?

Равнѣ автору корреспонденціи изъ Бухареста давало право только наше личное заявленіе о самихъ себѣ возвести двухъ изъ насъ на степень „наиболѣе вліятельныхъ“ и съ апломбомъ утверждать это въ печати передъ всѣми товарищами многихъ изъ которыхъ онъ даже не видалъ и не перемолвился ни однимъ словомъ? Между тѣмъ, мы постоянно подчеркивали громадную роль многихъ другихъ товарищей матросовъ, частью умершихъ почетной и славной смертью отъ предательскихъ пуль деспотизма, а частью находящихся здѣсь въ живыхъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о „степени своей оффиціальности“ на суднѣ.

Дѣйствительно, на броненосцѣ я долгое время не получилъ никакого порученія своей организаціи и по настоящую громадной толпы рабочихъ, которые снялись подъ моимъ руководствомъ съ работы въ порту почти всѣхъ рабочихъ настолки на томъ, чтобы и сейчасъ же пѣхать къ матросамъ и выработать съ ними планъ совмѣстныхъ дальнѣйшихъ дѣйствій

И я, какъ одинъ товарищъ „будущаго“ сѣлъ въ шлюпку и сейчасъ-же отправился на „Потемкинъ“.

Когда мы прибыли туда и высѣли на корабль, то высылавшій отъ насъ заявленіе — кто изъ нихъ привезъ руководители матросы сейчасъ-же пригласили насъ принять участіе въ происходящемъ засѣданіи изъ „комитета“ дѣлѣе мы застали уже своихъ товарищей, уполномоченныхъ дѣлѣе самой цѣли мѣстными организаціями „Группы“, „Кружокъ“ и „Бунда“. Обмѣнявшись съ ними „паролями“, мы приняли участіе въ общемъ совѣщаніи. Кромѣ всѣхъ насъ, тутъ было еще человѣкъ 20-25 матросовъ. Въ концѣ этого совѣщанія было рѣшено, что для объединенія и руководства совмѣстными дѣйствіями берега и броненосца будетъ вполнѣ достаточнымъ 5-3хъ товарищей и что всѣ остальные должны сейчасъ-же отправиться на свои дѣлами въ городъ, также

[illegible]

[illegible] рев“. Мы встрѣтились [illegible] матросъ и сказалъ, *что они рѣшили [illegible] на судно не принимать до перваго [illegible] что руководящіе [illegible] организаціи уже выбраны и въ достаточномъ количествѣ находятся на судномъ и что которыхъ, что однако часть матросовъ, даже сознательныхъ матросовъ хочетъ совѣтоваться [illegible] съ тѣми партійными представителями которой желаютъ [illegible] и потому они [illegible] одного изъ членовъ [illegible] на судно, для [illegible] ихъ интересующихъ [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

возможнымъ поднять возстаніе, то трое дежурныхъ товарищей должны распорядиться о немедленной мобилизаціи всѣхъ отрядовъ". А еще увѣряютъ, что „Пролетарій" не даетъ никакихъ руководящихъ идей, что онъ слѣпо идетъ за организаціонной рутиной! Помилуйте! Десять секретарскихъ функцій при комитетахъ были, большей частью, замѣщаемы товарищами, по своему воспитанію, обыкновенно мало сѣдущими въ вопросахъ „фортификаціи". Въ комитетахъ „большинства" наличествуетъ коренная реформа, если впрочемъ, она не предпочтутъ, не сидѣнія товарищей-секретарей, завести особую функцію „вожака" на случай", имѣя большій досугъ, смогутъ посвятить его детальному изученію военнаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ до тѣхъ поръ, пока придетъ часъ „распорядиться". На сей предметъ при „вожакѣ" состоятъ „три дежурныхъ", подобно вожаку, избавленныхъ отъ обычныхъ партійныхъ повинностей и ожидающихъ „случая". Съ помощью этого „аппарата руководства" можно уже надѣяться взять въ свои руки нарочитое возстаніе.

Для этого требуется, чтобы „отряды заранѣе знали, какая роль будетъ имъ предстоять, именно: 1) часть направляется къ зданію городского управленія; 2) часть къ мѣсту пребыванія командующаго войсками; 3) часть къ полиціи; 4) часть къ арсеналу и оружейнымъ магазинамъ; 5) часть къ казначейству; 6) части, наконецъ (!), для постройки баррикадъ". Быть можетъ, у „особаго вожака" не хватитъ столько отрядовъ? Въ этомъ случаѣ, „если не хватитъ отрядовъ на вѣ указанные шесть пунктовъ, то революціонеры должны помнить, что *главное и первое* (курс. нашъ) дѣло для нихъ — это захватить въ свои руки механизмъ городского управленія. Нѣтъ ничего легче этого въ минуту паники". Какъ видитъ читатель, въ крайнемъ случаѣ, и жи обойтись и безъ постройки баррикадъ, лишь бы „захватить механизмъ городского управленія".

Пропускаемъ указаніе о захватѣ арсенала и переходимъ къ вопросу о захватѣ казначейства. „Для этомъ революціонеры должны путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ помѣшать ей разнести деньги. *Деньги должны быть развищены нѣсколькими вѣрными товарищами въ разныя безопасныя частяхъ города*". Съ своей стороны, мы рекомендуемъ при этомъ „путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ", объясняя послѣдней, что оные товарищи „къ толпѣ" не принадлежатъ, почему на нихъ дѣйствіе „рѣчей и увѣщаній" не распространяется. Вирочемъ, возможно, что для нея „разнесеніе по безопасныхъ мѣстамъ" остается тайной. Ибо, какъ прибавляетъ авторъ, „часть денегъ должна остаться въ казначействѣ, для охраны котораго революціонеры могутъ составить отрядъ: тутъ же изъ толпы могутъ руководителемъ товарищей". Я встрѣчалъ многихъ усердныхъ читателей „Пролетарія" и въ сценѣ не могъ объяснить, зачѣмъ авторъ стали понадобилась эта операція оставленія въ казначействѣ части денегъ. Въ качествѣ гипотезы, высказываю мнѣніе, что эта часть, охранять которую будетъ „толпа", должна служить, выражаясь военнымъ языкомъ, „прикрытіемъ", подъ защитой котораго „побѣдившія авангарда" разносятъ остальныя деньги по „безопасныхъ мѣстамъ". Для послѣдней операціи необходимо, конечно, запастись „особыми" казначеями „на такой случай" изъ „строго-ортодоксальныхъ" впередовцевъ.

Возможно, впрочемъ, и другое, притомъ болѣе глубокое, объясненіе указанной операціи. Какъ уже догадался читатель, эта процедура съ казначействомъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ „захватомъ власти" „побѣдившаго авангарда". Но отношеніе къ намъ извѣстно, состоя изъ „революціонной послѣдней, кратовъ", отвязь не намѣренъ удержать „захваченныхъ социалдемократовъ своихъ рукахъ. Напротивъ, разсчитываетъ захваченную власть что мы имѣемъ дѣло съ [illegible]. Ходя въ твердаго убѣжденія побѣдимъ врага, самъ, практикуя революціей, онъ намѣренъ, власть буржуазной оффи[illegible] талантливыхъ образомъ предоставить эту „диктатуру пролетаріата и крестьянства". [illegible] лишь переходный періодъ осуществлять [illegible] съ помощью [illegible] „революціонеровъ-демократовъ". Какъ [illegible] претендентамъ придется несомнѣнно славать и каз[illegible] — обстоятельство, вполнѣ объясняющее, почему [illegible] денегъ „должна быть разнѣсена] нѣсколькими товарищами", для дальнѣйшихъ потребностей революціи, конечно. Съ другой стороны, если бы эта „часть" была слишкомъ велика, то буржуазія, пожалуй, не стала бы переливать власть у „побѣдившаго авангарда". Повтому, необходимо оставить въ казначействѣ кое что и для нея. Если же „по счетамъ" не все будетъ сходиться, то это, вѣдь, можно будетъ объяснить неполнымъ эффектомъ „рѣчей и увѣщаній", обращенныхъ къ толпѣ. Съ другой стороны, эти рѣчи и увѣщанія не относятся къ судьбѣ документовъ, которые будутъ найдены въ казначействѣ, а еще психѣнкъ Бакунинъ говорилъ, что эти послѣдніе, въ истинно революціонныхъ возстаніяхъ первые должны пасть жертвой „народнаго гнѣва". Читатель видитъ, что мое объясненіе таинственныхъ операцій „впередовскихъ" стратеговъ довольно правдоподобно.

Однако, при такомъ объясненіи возникаетъ одно маленькое сомнѣніе: раскрывая заранѣе свои планы, „побѣдившіе авангарда" не наталкиваетъ ли буржуазію на мысль, что съ передачей власти не все обстоитъ благополучно? Съ стратегами „Впередъ" не въ первый разъ уже лучается, что они напрасно предупреждаютъ о только еще предполагаемой ими военной хитрости. Такъ, однажды былъ во „Впередѣ" напечатанъ весьма мудрый совѣтъ, какъ внести деморализацію въ солдатскіе ряды. Именно было предложено *инсургентамъ одѣваться въ солдатскія мундиры*, дабы вызвать въ солдатахъ увѣренность, что противъ царя выступили солдаты же, и тѣмъ заставить содрогнуться ихъ сердца. Совѣтъ, какъ видитъ читатель, былъ геніальный и могъ, при точномъ его исполненіи, обезоружить „побѣдившаго авангарда" много силъ и средствъ: безконечно, вѣдь, легче насадить ихъ „засѣдателей" за шитье наскарадныхъ мундировъ[1]), чѣмъ за приготовленіе бомбъ. Къ сожалѣнію, однако, руководители „Впередъ", по странной забывчивости, упустили изъ виду столь цѣнное ими правило: „въ подготовкѣ возстанія первое дѣло — конспирація", и наши дьявольски-хитрые враги воспользовались этимъ промахомъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, сообщали изъ достовѣрнаго источника, что всѣ рѣ послѣ появленія во „Впередѣ" указаннаго совѣта, военныя власти разослали циркуляръ, въ коемъ приказывали разъяснить солдатамъ, что если въ толпѣ инсургентовъ покажутся лица, одѣтыя въ военные мундиры, то чтобы солдаты, отнюдь не оказывая вѣры такимъ „товарищамъ", посмотрѣли, такъ ли они „блятъ глазки начальству", какъ полагается настоящему солдату.

Не скажутъ ли мнѣ, что я произвольно толкую государственно политическое значеніе „разнѣсенія" денегъ въ „безопасныхъ мѣстахъ"? На это я отвѣчу указаніемъ на передовицу того же № „Пролетарія", въ которой помѣщена цитированная мною статья. Въ передовицѣ отмѣчается съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что якобы „Искра" въ вопросѣ о возстаніи становится, наконецъ, на точку зрѣнія „Пролетарія". (Объ этомъ мы еще будемъ говорить!). Вотъ одно изъ доказательствъ: „Припомните опасеніе „Искры" насчетъ того, какъ бы не скомпрометировать намъ себя отвѣтственностью за казначейства, финансы и т. д. и вы увидите, что если „Искру" не убѣдили наши доводы, то ее убѣдили въ вѣрности этихъ доводовъ сами событія, ибо „Искра" приведенномъ листкѣ (листокъ „Первая побѣда революціи") прямо рекомендуетъ „захватить отдѣленія государственнаго банка".

Читатель видитъ, что съ бѣдными авторомъ случалось самое баловое недоразумѣніе, цѣликомъ, впрочемъ, подтверждающее нашу мысль, что онъ ошибся приваливъ и былъ бы, конечно, очень недуренъ организаторомъ комитетскаго [illegible] кра" говорила, что, въ случаѣ осуществленія шваль[illegible]. „Искра и крестьянства", предоставленія „диктатуры пролетаріата и крестьянства" представителямъ нашей партіи придется какъ „[illegible] съ [illegible] въ рамкахъ капиталистическаго [illegible] — задачи финансоваго управленія. Для поощренія демократическо-сознательнаго рабочаго это мысль [illegible] и съ особыхъ поясненій. Но, чтобы сдѣлать ее популярной для писателей „Пролетарія", мы поясними, что это за [illegible]. Это значитъ, что вамъ, попавъ „во временное правительство", придется *вымазать малоти*, которые, при всякой изъ частей, разсорвутъ мелкихъ производителей; придется *выполнять* долговыя обязательства, заключенныя государствомъ въ интересахъ крупнаго капитала, *задить* съ царями биржи и т. д. и т. д. Не понявъ, въ простотѣ душевной, смысла этого указанія, авторъ передовицы понялъ это по своему: онъ понялъ, что мы боимся „скомпрометировать" пролетаріатъ прикосновеніемъ къ государственному казначейству (онъ понимаетъ, что безъ совѣтовъ „гадиста" мы никакъ не догадаемся „рѣчами и увѣщаніями" по будитъ толпу уйти отъ грѣха подальше и предоставить „разнѣсеніе" цѣнностей надежнымъ товарищамъ). За то, какъ же радъ онъ теперь, когда прочелъ въ листкѣ „Искры", что при возстаніи слѣдуетъ такъ „компрометироваться" около казначействъ! Онъ убѣжденъ, что теперь даже для этихъ „доктриперовъ меньшинства" нѣтъ болѣе финансовыхъ затрудненій при „захватѣ власти". „Революція учитъ", глубокомысленно заявляетъ онъ, не догадываясь что въ его собственныхъ строкахъ заключается очень полезный урокъ, данный революціонными событіями, вскрывающими тотъ печальный фактъ, что за соціалдемократической фразеологіей сплошь и рядомъ скрывается совершенно-мѣщанское представленіе о соціализмѣ. Ибо только „помѣсь" и его плезиръ сводятъ вопросъ о преодолѣніи стихійныхъ силъ денежнаго хозяйства къ вопросу о „разнѣсеніи" денегъ, находящихся въ казначействахъ и банкахъ...

Мы, однако, отвлеклись въ сторону. А, между тѣмъ, въ статьѣ уважаемаго товарища „гадиста", цитированной нами, имѣются еще весьма и весьма цѣнныя указанія по вопросу о томъ, какъ „дѣлать" возстаніе. Таково, напримѣръ, слѣдующее указаніе „въ каждомъ пунктѣ дѣятельности долженъ имѣться организаторъ который и распоряжается имѣющимися въ его распоряженіи силами". Оцѣните всю тонкость этого замѣчанія: силами, „имѣющимися въ его распоряженіи", онъ „не распоряжается". Кто бы могъ это подумать?

Мы теперь уже знаемъ, какъ „дѣлаютъ возстаніе". Но, чтобы дѣйствовать увѣренно, этого мало: не мѣшало бы знать также, *когда* его „дѣлать". Очевидно, мы бы могли чувствовать себя, что называется, „подготовленными на обѣ ноги" въ вопросахъ возстанія, „Гадистъ" изъ „Пролетарія" не даетъ намъ по этому поводу никакихъ руководящихъ указаній. Но за то ихъ намъ даетъ спеціалистъ по „фортификаціи", состоящій при „Ц. Комитетѣ". Въ брошюрѣ В. Свѣрцова (стр. 44) сказано: „начало возстанія ночью имѣетъ много преимуществъ: онъ будетъ неожиданно", поэтому, „надо начинать часа въ 3-4 ночи".

Теперь мы уже все-что знаемъ по интересующему насъ вопросу и, если дополнимъ указанія Свѣрцова указаніями прежнихъ авторитетовъ въ этой области и своими собственными житейскими соображеніями, то, пожалуй, относительно часа для „начала" можемъ быть спокойно-увѣренными. Еще покойнѣе Ткачевъ указываетъ на то, что „начинать" надо въ такую ночь, когда не предвидится дождя. Эта тонкая мысль особенно приложима къ возстанію, въ которомъ „руководить" будутъ „особые на этотъ случай вожаки" изъ „штатскихъ" интеллигентовъ, весьма и весьма расположенныхъ (не будемъ скрывать недостатковъ революціонной интеллигенціи) къ быстрому схватыванію простуды. Далѣе — и здѣсь я позволю себѣ внести свою каплю меда въ сокровищницу революціонной рецептуры — далѣе, слѣдуетъ подозрительно относиться къ *лунным* ночамъ. Нельзя упустить изъ виду, по преимуществу, юный возрастъ большинства тѣхъ силъ, которыя составятъ собой „побѣдившаго авангарда". Нельзя также забывать, что во главѣ этихъ силъ пойдутъ „террористы", которые, въ ожиданіи „случая", усвоенно расходятъ въ разныхъ *либеральныхъ* политическихъ органѣ[illegible]).

Молодые борцы, въ силу именно ихъ молодости, а ихъ зрѣлые вожди, въ силу неумѣреннаго общенія съ либералами, несомнѣнно окажутся нѣсколько склонны къ сантиментальности и на эту склонность сможетъ самымъ пагубнымъ образомъ вліять лунная часть, связавъ ихъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ, какъ совершенно правильно замѣтилъ В. Свѣрцовъ, „стѣсняться нечего".

Итакъ, мы знаемъ *часъ*. Но почему же намъ не знать и *дня*, или, вѣрнѣе, ночи, въ которую надо начать? Читатель легкомысленный, прочитавъ всѣ эти руководства, не найдетъ въ нихъ указанія о днѣ. Но читатель „имѣющій „штудировать", отыщетъ и это указаніе. Мы поможемъ ему.

„Захватывъ въ свои руки городъ", говоритъ „гадистъ", „мы немедленно должны приступить... къ организаціи временнаго правленія и передачѣ власти въ руки народа". „Временное городское управленіе должно возможно скорѣе (въ первый же или второй день) издать декретъ, приглашающій всѣхъ жителей приступить въ ближайшее воскресенье къ выборамъ гласныхъ въ городскую думу прямой, тайной, всеобщей и равной подачей голосовъ. Въ высшей степени важно, чтобы на смѣну временнаго правленія явилась *возможно скорѣе свободно и всенародно избранная городская дума*". (Курсивъ нашъ). При этомъ временное правленіе, если оно будетъ состоять изъ социалдемократовъ, должно будетъ еще до выборовъ постараться провести, примѣнительно къ городскому хозяйству, реформы, которыя требуются нашей программой минимумъ: широкое и обязательное, общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учеб-

[1]) Мы еще ли ошибемся, если предположимъ, что нѣкоторые литераторы также проявили бы большія способности къ дѣйствію иглой въ „комитетской" шваль[illegible], чѣмъ какую они проявляютъ въ писаніи тактическихъ передовицъ.

[2]) Намъ придется тогда доказать, что „Пролетарій" совершенно неосновательно смѣшиваетъ участіе во временномъ правительствѣ съ захватомъ отдѣльнаго города.

[3]) Для членовъ партіи не тайна, что въ числѣ активныхъ членовъ союзовъ адвокатовъ, инженеровъ и др демократически-либеральныхъ организацій видную роль играютъ имена, извѣстныя, какъ принадлежащія „столпамъ" т. н. „большинства". Къ сожалѣнію, по условіямъ конспираціи намъ не приходится отмѣчать эти случаи „совмѣстительства", очевидно, предвосхищающаго будущую „диктатуру пролетаріата и крестьянства".

собную соединенными усиліями теоретическаго разума и практическаго искусства нейтрализовать обычное дѣйствіе законовъ массовой психологіи.

„Обществу выдѣляетъ крайне много лицъ годныхъ для „дѣла", но мы не умѣемъ утилизировать ихъ" (стр. 97). Ихъ сгумѣетъ, однако, утилизировать коллективный кружковый интеллигентъ, сложившійся въ профессіонально-революціонную организацію, читающій свою собственную партійную газету и идущій „во всѣ классы населенія". „И вряд ли хоть одинъ практикъ усомнится въ томъ, — продолжаетъ умирять насъ Ленинъ (стр. 98), что соціалдемократы могли бы распредѣлить тысячи дробныхъ функцій своей организаціонной (sic!) работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ". Т. е., иначе говоря, правильное *понимание* историческаго хода развитія сдѣлало бы изъ революціонера по профессіи сверхъ-человѣка, а изъ его организаціи — интеллигентской и на самомъ узкомъ базисѣ построенной — силу, своимъ вліяніемъ на классы превосходящую многимъ ту мощь давленія на прочія группы населенія, которую оказываетъ организованная пролетарская масса зап. европейск. соціалистич. партій.

Такъ, сохраняя свою матеріалистическую внѣшность, кружковая интеллигенція приходила къ чисто идеалистическимъ выводамъ. Наперекоръ воспринятому ученію, идея отрывалась отъ среды и, оторвавшись, продолжала въ головахъ интеллигенціи самодовлѣющее фантастическое существованіе подобно тому, какъ и сама интеллигенція, оторванная отъ ее окружающаго міра живетъ — точно подъ стекляннымъ колпакомъ — въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ отношеній. Однако, не одно это разобщеніе идеи со средой, типичное вообще для кружковой интеллигенціи (см. № 98 „Іск.") имѣло въ данномъ случаѣ значеніе. Надо прежде всего помнить, что интеллигенція, стоявшая на рубежѣ двухъ десятилѣтій, интеллигенція самого начала 1900-хъ годовъ, революціонизируясь и безсознательно для себя вырабатывая культъ своей групповой коллективности, въ то же время едва только выходила изъ того марксистскаго „просвѣтительнаго" періода, который только что пронесся на глазахъ ея блестящей полосою. Было нѣчто, дѣйствительно, неотразимо-побѣдительное въ этомъ побѣдномъ шествіи марксизма. Идея марксизма, казалось, не знала препятствій, она сметала съ пути своего все и подчиняла вліянію даже самое неподобные элементы. Можно было, разумѣется, говорить о поверхностномъ дѣйствіи этого вліянія, о томъ, что различные общественные слои различное вносили въ марксистское „повѣтріе", но тѣмъ не менѣе, нелегко было тогда отказаться отъ мысли, что разъ марксистскія идеи еще такъ недавно господствовали, хотя и преломленныя, въ пестрой средѣ русской общественности, то осуществима была бы соблазнительная заманчивая перспектива превратить эту вдѣйную гегемонію въ политическую, предоставивъ профессіональному революціонеру въ этой новой — политической — сферѣ играть ту же роль, которую только что Марксово ученіе играло въ сферѣ чисто идейной.

И ключемъ къ разрѣшенію партійной проблемы такъ соблазнительно легко представал [illegible] гана, какъ центра организ[illegible] стороны, всеклассовой агит[illegible]

Но если уже въ оцѣнкѣ предстоявшихъ революціонному коллективу задачъ кружковая интеллигенція была рационально статична, то тѣмъ болѣе наглядно долженъ былъ проявиться ея оптимистическій на просвѣтительный манеръ, рационализмъ въ вопросѣ объ основной единицѣ — ячейкѣ революціоннаго коллектива — профессіональномъ революціонерѣ in petrona. Здѣсь, вѣдь, невозможно было даже укрыться за метрона. Здѣсь, вѣдь, невозможно было даже укрыться за мистическую силу сочетанія организаціоннаго принципа и теоретической правильности, якобы способную творить чудеса, здѣсь надлежало вплотную подойти къ вопросу о томъ, что же представляетъ собою революціонеръ по профессіи — въ русской дѣйствительности, какова элементы его политической дѣятельности, и какъ вырабатываются, какъ могутъ вырабатываться въ профессіонально революціонной средѣ тѣ „политическіе вожди", которые призваны стать — по словамъ Ленина, во главѣ „общерусской централизованной организаціи".

Что такое революціонеръ по профессіи? Это — по Ленину — специалистъ конспираціи, что человѣкъ, годами тренировавшій себя на „борьбу съ политической полиціей".

„Въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ" — пишетъ онъ — должны быть сосредоточены всѣ конспиративныя функціи" (стр. 95), т. е. иначе — все руководство движеніемъ. Взять, напримѣръ, демонстрацію. „Десятокъ испытанныхъ, профессіонально вышколенныхъ не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п., т. е. дергаетъ за ниточки всѣхъ персонажей этого „дѣйствія" — подобно режиссеру въ театрѣ маріонетокъ. Откуда же взяться этимъ сверчковымъ-кампамъ и гдѣ та счастливая среда, которая подаритъ ихъ міру? Кружковая интеллигенція не смущалась отвѣтомъ и обращала на себя свой собственный указующій перстъ. Правда она знала, что у нея не все благополучно, что „наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка социалдемократовъ" (стр. 59), совсѣмъ даже лишенъ социалдемократическаго содержанія (стр. 60), знала настолько, что даже періодъ „съ 1894 по 1901 годъ" сводила къ развитію типичнаго кружка студентовъ, увлекшихся соціалдемократіямомъ.

„Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи со старыми дѣятелями движенія, ... безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фактомъ своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „Комитету новыя и новыя группы молодежи". При первыхъ же „военныхъ дѣйствіяхъ" кружка (агитаціонный листокъ, демонстрація) онъ обыкновенно немедленно проваливается (стр. 76). Такова была исторія, написанная самой кружковой [illegible]

неможетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ" (стр. 79). все это исчезнетъ лишь только бы кружки студентовъ настоящихъ и бывшихъ) поняли свою несостоятельность, приняли предложенный имъ „планъ" и начали воспитываться на „общерусской политической газетѣ".

„Нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты" (стр. 123)—категорически заявляетъ „Что дѣлать" и не менѣе категорически продолжаетъ: „никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ воспитаться руководителямъ этой борьбы и изъ интеллигентныхъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. Воспитаться же такіе руководители могутъ исключительно курс Ленина на систематической, текущей оцѣнкѣ всѣхъ сторонъ нашей политической жизни, всѣхъ попытокъ протеста и борьбы различныхъ классовъ и по развитымъ поводамъ (стр. 124). Такимъ образомъ, газета выполняетъ свою провиденціальную роль, давая революціонерамъ матеріалъ для политическаго чтенія. Но газета, сверхъ того — коллективный организаторъ и, какъ таковой, есть развѣтвленное „широкое предпріятіе" (стр. 130), въ которомъ революціонеры найдутъ „разнообразные виды дѣятельности, какъ *детальные* работники, и чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы". „Вокругъ этого... общаго дѣла систематически подбирались и обучались бы постоянная армія испытанныхъ борцовъ. По лѣсамъ и подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро поднялись бы и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ социалдемократическіе Желябовы, изъ самихъ рабочихъ русскіе Бебели" (стр. 131). Итакъ, детальная работа около общаго газетнаго дѣла и — въ дополненіе къ ней или независимо отъ нея — чтеніе, т. е. литературная оцѣнка текущихъ событій, вотъ *подъ* организаціонного новаторства, вотъ та палочка магическая и волшебника, которая должна была превратить экс-студента кружка кустарей въ всероссійск го народнаго трибуна и на вчера еще неподготовленную неумѣлую молодежь сегодня возложить непосильное бремя всероссійскаго политическаго руководительства.

Въ этой двучленной кабалистической формулѣ, какъ „солнцѣ въ малой каплѣ воды", отразился весь специфическій укладъ кружковой интеллигенціи замкнутой въ себѣ и въ своемъ мірѣ идей, отщепленной отъ жизни и смотрящей, какъ въ окошко подневольнымъ зрителемъ, на свѣтъ и коловращеніе людей, на чужую и сторонюю ей жизнь, катящуюся мимо. Укладъ, которому близко знакомы движеніе идей, ихъ вліяніе и борьба въ предѣлахъ кружкового обихода, но который въ то же время не имѣетъ и понятія объ ихъ дѣйствіи на просторѣ, объ ихъ столкновеніяхъ и взаимоотношеніяхъ въ средѣ классовой и межклассовой, который не знаетъ соотвѣтственной мѣрки для сопоставленія жизни кружка съ тою внѣшней, запредѣльной, и потому тѣмъ легче прилагаетъ кружковой масштабъ ко всей огромности и сложности жизни, тѣмъ легче навязываетъ классовымъ т. же самую [illegible] ограничен[illegible] [illegible] [illegible] [

возможным поднять восстание, то трое дежурных товарищей должны распорядиться о немедленной мобилизации всех отрядов". А еще увеличить, что „Пролетарій" не дает никаких руководящих идей, что онъ слѣпо идетъ за организаціонной рутиной! Помилуйте! Досел'ѣ секретарскія функціи при комитетахъ были, большей частью, занимавшемъ товарищами, по своему воспитанію, обыкновенно мало сведущими въ вопросахъ „фортификаціи". Въ комитетахъ „большинства" замѣчается коренная реформа, если впрочемъ, она не предпочтутъ, не смѣнивъ товарищей-секретарей, завести особую функцію „вожаковъ, специально выбранныхъ на такіе случаи". Эти „вожаки на случай", имѣя большій досугъ, смогутъ посвятить его детальному изученію военнаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ до тѣхъ поръ, пока придетъ часъ „распорядиться". На сей предметъ при „вожакѣ" состоятъ „три дежурныхъ", подобно важнымъ, избавленныхъ отъ обычныхъ партійныхъ повинностей и ожидающихъ „случая". Съ помощью этого „аппарата руководства" можно уже надѣяться взять въ свои руки народное возстаніе.

Для этого требуется, чтобы „отряды заранѣе знали, какая роль будетъ имъ предстоять, именно: 1) часть направляется къ зданію городского управленія; 2) часть къ мѣсту пребыванія командующаго войсками; 3) часть къ полиціи; 4) часть къ арсеналу и оружейнымъ магазинамъ; 5) часть къ казначейству; 6) часть, наконецъ (!), для постройки баррикадъ". Быть можетъ, у „особаго вожака" не хватитъ столько отрядовъ? Въ этомъ случаѣ, „если не хватитъ отрядовъ на вѣ указанные шесть пунктовъ, то революціонеры должны помнить, что главное въ первое (курс. нашъ) дѣло для нихъ — это захватить въ свои руки механизмъ городского управленія. Нѣтъ ничего легче этого въ минуту паники". Какъ видитъ читатель, въ крайнемъ случаѣ, и „можно обойтись и безъ постройки баррикадъ, лишь бы „захватить механизмъ городского управленія".

Пропускаемъ указаніе о захватѣ арсенала и переходимъ къ вопросу о захватѣ казначейства. „При этомъ революціонеры должны путемъ убѣжденій и рѣчей къ толпѣ помѣшать ей расвести деньги. *Деньги должны быть размѣщены послѣ смѣны товарищами въ разныхъ безопасныхъ частяхъ города*". Съ своей стороны, мы рекомендуемъ при этомъ „путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ", объяснить послѣдней, что наши товарищи, „къ толпѣ" не принадлежатъ, почему на ихъ дѣйствіе „рѣчей и увѣщаній" не распространяется. Впрочемъ, возможно, что для нея „разнесеніе по безопасными мѣстамъ" останется тайной. Изъ, какъ привѣтливо авторъ, „часть денегъ должна остаться въ казначействѣ, для охраны котораго революціонеры могутъ составить отрядъ тутъ же изъ толпы подъ руководствомъ товарищей". Я встрѣчалъ многихъ усердныхъ читателей „Пролетарія" и ни одинъ не могъ объяснить, зачѣмъ авторъ статьи повздумалась эта операція оставленія въ казначействѣ части денегъ. Въ качествѣ гипотезы, высказываю мнѣніе, что эта часть, охранять которую будетъ „толпа", должна служить, выражаясь военнымъ языкомъ, „прикрытіемъ", подъ защитой которого „побѣдившей авангардъ" разносить остальныя деньги по „безопаснымъ мѣстамъ". Для послѣдней операціи необходимо, конечно, запастись „особыми" назначеніи „на такой случай" изъ „строго-ортодоксальныхъ" впередсмотрѣ.

Возможно, впрочемъ, и другое, гораздо глубокое, значеніе указанной операціи. Какъ уже догадался читатель, процедура съ казначействомъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ „захватомъ власти", совершаемымъ авангардомъ". Но, тождественно ли имъ между собой, состоя изъ „революціонной послѣдней, пратовъ", отнюдь не намѣнъ удержать „захваченную власть въ своихъ рукахъ. Надротивъ, „захватившій захваченную власть что мы имѣемъ дѣло съ [illegible] „Когда изъ твердаго убѣжденія побѣдимъ врага, самъ „правительственной революціей, онъ намѣренъ, власть буржуазной сейчасъ галантнымъ образомъ предоставить эту „диктатуру [illegible] и лишь въ переходный періодъ осуществлять [illegible] пролетаріатъ и крестьянства". Но при сдачѣ власти [illegible] претендентамъ придется несомнѣнно сдавать и казначейство — обстоятельство, вполнѣ объясняющее, почему часть денегъ „должна быть размѣщена" „безопасными товарищами", для дальнѣйшихъ потребностей революціи, конечно. Съ другой стороны, если бы эта „часть" была слишкомъ велика, то буржуазія, пожалуй, не стала бы перенимать власть у „побѣдившаго авангарда". Повтому, необходимо оставить въ казначействѣ ею что и для нея. Если же „по счетамъ" не все будетъ сходиться, то это, вѣдь, можно будетъ объяснить неполнымъ эффектомъ „рѣчей и увѣщаній", обращенныхъ къ толпѣ. Съ другой стороны, эти рѣчи и увѣщанія не относятся къ судьбѣ документовъ, которые будутъ найдены въ казначействѣ, а еще психоникъ Бакунинъ говорилъ, что эти послѣдніе въ истинно революціонныхъ возстаніяхъ первые должны пасть жертвой „народнаго гнѣва". Читатель видитъ, что мое объясненіе таинственныхъ операцій „впередовскихъ" стратеговъ довольно правдоподобно.

Однако, при такомъ объясненіи возникаетъ одно маленькое сомнѣніе: раскрывая заранѣе свои планы, „сѣвшійся авангардъ" не наталкнется ли буржуазію на мысль, что отъ передачи власти не все обстоитъ благополучно? Съ стратегами „Впередъ" не въ первый разъ уже лучается, что они напрасно предупреждаютъ о только еще редполагаемой имъ военной хитрости. Такъ, однажды были во „Впередѣ" напечатаны весьма мудрые совѣты, какъ ввести деморализацію въ солдатскіе ряды. Именно было предложено *инсурпціонно одѣваться въ солдатскія шундиры*, дабы вызвать въ солдатахъ увѣренность, что противъ царя выступили солдаты же, и тѣмъ заставить содрогнуться ихъ сердца. Совѣтъ, какъ видитъ читатель, былъ геніальный и могъ, при точномъ его исполненіи, обезпечить „сѣвшемуся авангарду" много силъ и средствъ: безпомочно, вѣдь, легче засадить нѣкоторыхъ „засѣдателей" за шитье каспарадныхъ мундировъ [1]), чѣмъ за приготовленіе бомбъ. Къ сожалѣнію, однако, руководители „Впередъ", по странной забывчивости, упустили изъ виду столь цѣнное ими правило: „въ подготовкѣ возстанія первое дѣло — конспирація", и наши дьявольски-хитрые враги воспользовались этимъ промахомъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, сообщали изъ достовѣрнаго источника, что всѣ рѣ послѣ появленія во „Впередѣ" указаннаго совѣта, военныя власти разослали циркуляръ, въ коемъ призывали разъяснить солдатамъ, что если въ толпѣ инсургентовъ покажутся лица, одѣтыя въ военное мундиры, то чтобы солдаты, отнюдь не оказывая вѣры такимъ „товарищамъ", посмотрѣли, такъ ли они „дятъ глазами начальство", какъ полагается настоящему солдату.

Не скажутъ ли мнѣ, что я произвольно толкую государственно политическое значеніе „размѣщенія" денегъ въ „безопасныхъ мѣстахъ"? На это я отвѣчу указаніемъ на передовицу того же № „Пролетарія", въ которомъ помѣщена цитированная мною статья. Въ передовицѣ отмѣчается съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что якобы „Искра" въ вопросѣ о захватѣ становится, наконецъ, на точку зрѣнія „Пролетарія". (Объ этомъ мы еще будемъ говорить!). Вотъ одно изъ доказательствъ: „Приложите описаніе „Искры" насчетъ того, какъ бы не скомпрометировать нами себя отвѣтственностью за казначейства", финансы и т. д. — и вы увидите, что если „Искру" не убѣдили наши доводы, то ее убѣдили въ вѣрности этихъ доводовъ сами событія, ибо „Искра" въ приведенномъ листкѣ (листокъ „Первая побѣда революціи") прямо рекомендуетъ „захватить отдѣленія государственнаго банка".

Читатель видитъ, что съ бѣдными авторомъ случилось самое злое недоразумѣніе, цѣликомъ, впрочемъ, подтверждающее нашу мысль, что онъ ошибся призваніемъ и былъ бы, [illegible] очень недурнымъ организаторомъ комитетской [illegible] роятно, какъ говорили, что, въ случаѣ осады [illegible] шальня... „Искатріата и крестьянства", предсѣдательства „диктатуры прос[illegible] съ неразберихой представителями нашей партіи придется какъ [illegible] ими — въ рамкахъ капиталистическаго всякій [illegible] — задачами финансоваго управленія. Для [illegible] демократическо-сознательнаго рабочаго эта мысль [illegible] ясь особыхъ поясненій. Но, чтобы сдѣлать ее популярной для писателей „Пролетарія", мы поясними, что это значитъ. Это значитъ, что вамъ, вошавъ „временное правительство", придется *взимать налоги*, которые, при всякой ихъ системѣ, разорятъ мелкихъ производителей; придется *выполнять* долговыя обязательства, заключенныя государствомъ въ интересахъ крупнаго капитала, *задачи* съ царями биржи и т. д. и т. д. Не понявъ, въ простотѣ душевной, смысла этого указанія, авторъ передовицы понялъ (го по своему: онъ понялъ, что мы боимся „скомпрометировать" пролетаріатъ прикосновеніемъ къ государственному казначейству (онъ понимаетъ, что безъ совѣтовъ „гадиста" мы никакъ не догадаемся „рѣчами и увѣщаніями" по будитъ толпу уйти отъ грѣха подальше и предоставить „размѣщеніе" цѣнностей надежнымъ товарищамъ). За то, какъ же радъ онъ теперь, когда прочелъ въ листкѣ „Искры", что при возстаніи сдѣлаетъ такія „компрометироваться" около казначействъ! Онъ убѣдился, что теперь даже для этихъ „доктриперовъ меньшинства" нѣтъ болѣе финансовыхъ затрудненій при „захватѣ власти". „Революція учитъ", глубокомысленно заявляетъ онъ, не догадываясь что въ его собственныхъ строкахъ заключается очень полезный урокъ, данный революціонными со-

[1]) Мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что нѣкоторые литераторы также проявили бы большія способности къ дѣйствію иглой въ „комитетской" швальнѣ, чѣмъ какую они проявляютъ въ писаніи тактическихъ передовицъ.

[2]) Намъ придется тогда показать, что „Пролетарій" совершенно неповозможно смѣшиваетъ участіе во временномъ правительствѣ съ захватомъ отдѣльнаго города.

бытіями, напоминающими тотъ печальный фактъ, что за соціалъ-демократической фразеологіей скрывается самое [illegible] вершенно-мѣщанское представленіе о соціализмѣ. Изъ тольк „мѣщанъ" и его кругозоръ сводитъ вопросъ о преодолѣніи [illegible] хіяхъ самъ денежнаго хозяйства къ вопросу о „размѣщеніи" денегъ, находящихся въ казначействахъ и банкахъ...

Мы, однако, отвлекаемъ въ сторону. А, между тѣмъ, въ статьѣ уважаемаго товарища „гадиста", цитированной нами, имѣется еще весьма и весьма цѣнныя указанія по вопросу о томъ, какъ „дѣлать" возстаніе. Таково, напримѣръ, слѣдующее указаніе „въ какихъ пунктъ дѣятельности долженъ имѣться организаторъ который и распоряжается имѣющимися въ его распоряженіи силами". Оцѣните всю полезность этого „указанія: силами, „имѣющимися въ его распоряженіи", онъ не „распоряжается". Кто бы могъ это подумать?

Мы теперь уже знаемъ, какъ „дѣлаютъ возстаніе". Но, чтобы дѣйствовать увѣренно, этого мало: не мѣшало бы знать также, *когда* его „дѣлать". Сочая это, мы бы могли чувствовать себя, что называется, „подкованными на обѣ ноги" въ вопросѣ возстанія. Гадестъ" изъ „Пролетарія" не даетъ намъ по этому поводу никакихъ руководящихъ указаній. Но за то ихъ намъ даетъ спеціалистъ по „фортификаціи", состоящій при „Ц. Комитетѣ". Въ брошюрѣ В. Сѣверцова (стр. 44) сказано: „начало возстанія ночью имѣетъ много преимуществъ: оно будетъ неожиданно", поэтому, „надо начинать часа въ 3-4 ночи".

Теперь мы уже кое-что знаемъ по интересующему насъ вопросу и, если дополнимъ указанія Сѣверцова указаніями цѣнныхъ авторитетовъ въ этой области и своими собственными житейскими соображеніями, то, пожалуй, относительно часа для „начала" можемъ быть спокойно увѣренными. Еще покойнѣе Ткаченъ указываетъ на то, что „начинать" надо въ такую ночь, когда не предвидится дождя. Эта тонкая мысль особенно приложима къ возстанію, въ которомъ „руководить" будутъ „особые на этотъ случай вожаки" изъ „штатскихъ" интеллигентовъ, весьма и весьма расположенныхъ (не будемъ скрывать недостатковъ революціонной интеллигенціи!) къ быстрому схватыванію простуды. Далѣе — и здѣсь я позволю себѣ внести свою каплю меда въ сокровищницу революціонной рецептуры — далѣе, слѣдуетъ подозрительно отнестись къ *лунным* ночамъ. Нельзя упустить изъ виду, по преимуществу, юный возрастъ большинства тѣхъ силъ, которыя составятъ собой „сѣвшійся авангардъ". Нельзя также забывать, что во главѣ этихъ силъ пойдутъ „зарвавшіяся", которые въ ожиданіи „случая", усиленно работаютъ въ разныхъ *либеральныхъ* политическихъ организаціяхъ [1]).

Молодые борцы, въ силу именно ихъ молодости, а ихъ зрѣлые вожди, въ силу неуклоненнаго общенія съ либералами, безсомнѣнно окажутся нѣсколько склонны къ сангвиническимъ и на эту склонность сможетъ самымъ пагубнымъ образомъ вліять лунная ночь, связавъ ихъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ, какъ совершенно правильно заявилъ В. Сѣверцовъ, „отбѣгаться" нечего.

Итакъ, мы знаемъ часъ. Но почему же намъ не знать и *день*, вѣрнѣе, ночи, въ которую надо начать? Читатель легкомысленный, прочитавъ всѣ эти руководства, не найдетъ въ нихъ ни указанія о днѣ. Но читатель „сознающій, штудировавшій, отнесется и это указаніе. Мы поможемъ ему.

„Захватавъ въ свои руки городъ", говоритъ „гадестъ", „мы немедленно должны приступить... къ организаціи временнаго правленія и передачѣ власти въ руки народа". „Временное городское управленіе должно возможно скорѣе (въ первый же или второй день) издать декретъ, приглашающій всѣхъ жителей приступить въ ближайшее воскресенье къ выборамъ гласныхъ въ городскую думу прямой, тайной, всеобщей и равной подачей голосовъ... Въ высшей степени важно, чтобы на смѣну временнаго правленія явилась *возможно скорѣе свободно и всенародно избранная городская дума*". (Курсивъ нашъ). При этомъ временное правленіе, если оно будетъ состоять изъ соціалъ-демократовъ, должно будетъ еще до выборовъ постараться провести, примѣнительно къ городскому хозяйству, реформы, которыя требуются нашей программой-минимумъ: даровое и обязательное, общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учеб

[1]) Для членовъ партіи не тайна, что въ числѣ активныхъ членовъ союзовъ адвокатовъ, инженеровъ и др. демократически-либеральныхъ организацій видную роль играютъ имена, извѣстныя, какъ принадлежащія „столпамъ" т. н. „большинства". Къ сожалѣнію, по условіямъ конспирацій, намъ не приходится отмѣчать эти случаи „совмѣстительства", очевидно, предвосхищающаго будущую „диктатуру пролетаріата и крестьянства".

собную соединенными усиліями теоретическаго разума и практическаго искусства нейтрализовать обычное дѣйствіе законовъ *ихъ* своей психологіи.

„Обществу выдѣляетъ крайне много лицъ, годныхъ для „дѣла", но мы не умѣемъ утилизировать ихъ" (стр. 97). Ихъ слишкомъ, однако, утилизировать коллективный кружковый интеллигентъ, сложившійся въ профессіонально-революціонную организацію, читающій свою собственную партійную газету и идущій во всѣ классы населенія". „И врядъ ли хоть одинъ практикъ усомнится въ томъ, — продолжаетъ увѣрять насъ Ленинъ (стр. 98), что соціалъ-демократы могли бы распредѣлить тысячи дробныхъ функцій своей организаціонной (sic!) работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ". Т. е., иначе говоря, правильное *понимание* историческаго хода развитія сдѣлало бы изъ революціонера по профессіи сверх-человѣка, а изъ его организаціи — интеллигентской и на самомъ умномъ базисѣ построенной — силу, своимъ вліяніемъ на классы превосходящую многимъ то мощь давленія на прочія группы населенія, которую оказываетъ организованная пролетарская масса зап.-европейск. соціалистич. партій.

Такъ, сохраняя свою матеріальную внѣшность, кружковая интеллигенція приходила къ чисто идеалистическимъ выводамъ. Напекрокъ воспринятому ученію, идеи отрывалась отъ среды и, оторвавшись, продолжала въ головахъ интеллигенціи самодовлѣющее фантастическое существованіе подобно тому, какъ и сама интеллигенція, оторванная отъ ея окружающаго міра живетъ — точно подъ стекляннымъ колпакомъ — въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ отношеній. Однако, не одно это разобщеніе идеи со средой, типичное вообще для кружковой интеллигенціи (см. № 98 „И".) имѣло въ данномъ случаѣ значеніе. Надо прежде всего помнить, что интеллигенція, стоявшая на рубежѣ двухъ десятилѣтій, интеллигенція самого начала 1900-хъ годовъ, революціонизируясь и безсознательно для себя вырабатывая культъ своей групповой коллективности, въ то же время одна только выходила изъ того марксистскаго „просвѣтительнаго" періода, который только что прошелся на глазахъ ея блестящей полосою. Было нѣчто, дѣйствительно, неотразимо-обязательное въ этомъ побѣдномъ шествіи марксизма. Идея марксизма, казалось, не знала препятствій, она сметала съ пути своего все и подчиняла вліянію даже самое неподобные элементы. Можно было, разумѣется, говорить о поверхностномъ дѣйствіи этого вліянія, о томъ, что различные общественные слои различное вносили въ марксистское „повѣтріе", но тѣмъ не менѣе, нелегко было тогда отказаться отъ мысли, что разъ марксистскія идеи еще такъ недавно господствовали, хотя и преломленныя, въ пестрой средѣ русской общественности, то осуществима была бы соблазнительная заманчивая перспектива предъявить эту идейную гегемонію въ политическую, предоставивъ профессіональному революціонеру въ этой новой — политической — сферѣ играть ту же роль, которую только что Марксово ученіе играло въ сферѣ чисто идейной.

И конечно къ разрѣшенію партійной проблемы такъ соблазнительно легко представлялась постановка литературнаго органа, какъ центра организаціоннаго строительства, съ одной стороны, возвлекающей агитаціи — съ другой.

Но если уже въ оцѣнкѣ предстоявшихъ революціонному коллективу задачъ кружковая интеллигенція была рационалистична, то тѣмъ болѣе наглядно долженъ былъ проявиться ея оптимистическій на просвѣтительный манеръ, рационализмъ въ вопросѣ объ основной единицѣ — ячейкѣ революціонаго коллектива — профессіональномъ революціонерѣ in pergona. Здѣсь, вѣдь, невозможно было даже укрыться за мистическую силу сочетанія организаціоннаго принципа и теоретической правильности, якобы способную творить чудеса, здѣсь надлежало пилотную подобіи къ вопросу о томъ, что же представляетъ собою революціонеръ по профессіи — въ русской дѣйствительности, каковы элементы его политической дѣятельности, и какъ вырабатываются, какъ могутъ вырабатываться въ профессіонально революціонной средѣ тѣ „политическіе вожди", которые призваны стать — по словамъ Н. Ленина, во главѣ „общерусской централизованной организаціи".

Что такое революціонеръ по профессіи? Это — по Ленину — спеціалистъ конспираціи, это человѣкъ, годами тренировавшій себя на „борьбу съ политической полиціей".

„Въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ", — пишетъ онъ — должны быть сосредоточены всѣ конспиративныя функціи" (стр. 95), т. е. иначе — все руководство движеніемъ. Взять, напримѣръ, демонстрацію. „Десятокъ испытанныхъ, профессіонально-вышколенныхъ не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п.", т. е. дергаетъ за ниточки всѣхъ персонажей этого „дѣйствія" — подобно режиссеру въ театрѣ маріонетокъ. Откуда же взяться этимъ сверхчеловѣкамъ и гдѣ та счастливая среда, которая подарятъ ихъ міру? Кружковая интеллигенція не смущалась отвѣтомъ и обращала на себя свой собственный указующій перстъ. Правда, она знала, что у нея не все благополучно, что „наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка соціалъ-демократовъ" (стр. 59), совсѣмъ даже лишенъ соціалъ-демократическаго содержанія (стр. 60), знала настолько, что даже періодъ „съ 1894 по 1901 годъ" сводила къ развитію типичнаго кружка студентовъ, увлекшихся соціалъ-демократизмомъ.

„Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи со старыми дѣятелями движенія, ... безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фанатизмъ своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „Комитету новыя и новыя группы молодежи". При первыхъ же „военныхъ дѣйствіяхъ" кружка (агитаціонный листокъ, демонстрація) онъ обыкновенно немедленно проваливается (стр. 76). Такова была исторія, написанная самой кружковой интеллигенціей, но тѣмъ не менѣе кружковая интеллигенція, была твердо увѣрена, что этотъ хаосъ „неподготовленности", этотъ узкій размахъ революціонной работы", на которыхъ „и

неможетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ" (стр. 79), все это исчезнетъ, лишь только бы кружки студентовъ (настоящихъ и бывшихъ) познали свою несостоятельность приняли предложенный имъ „планъ" и начали воспитываться на „общерусской политической газетѣ".

„Нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты" (стр. 123)—категорически заявляетъ „Что дѣлать" и не менѣе категорически продолжаетъ: „никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ воспитаться руководителямъ этой борьбы и изъ интеллигентныхъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. Воспитаться же такіе руководители могутъ исключительно (курс. Ленина) на систематической, текущей оцѣнкѣ всѣхъ сторонъ нашей политической жизни, всѣхъ попытокъ протеста и борьбы различныхъ классовъ и по развитымъ поводамъ (стр. 124). Такимъ образомъ, газета выполняетъ свою первенденціальную роль, давая революціонаму матеріалъ для полезнаго чтенія. Но газета, сверхъ того — коллективный организаторъ и, какъ таковой, есть развѣтвленное „широкое предпріятіе" (стр. 130), въ которомъ революціонеры найдутъ „разнообразные виды дѣятельности, какъ *детальные* работники, и чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше сметенія изъ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы". „Вокругъ этого... общаго дѣла систематически подбирались и обучались бы постоянная армія испытанныхъ борцовъ. По мѣсамъ и подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро подымались бы и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ соціальдемократическіе Желябовы, изъ самихъ рабочихъ русскіе Бебели" (стр. 131). Итакъ, детальная работа около общаго газетнаго дѣла и — въ дополненіе къ ней или независимо отъ нея — чтеніе, т. е. литературная оцѣнка текущихъ событій, вотъ *тезисъ* организаціонаго новаторства, вотъ та палочка магическая и волшебника, которая должна была превратить экс-студента кружка кустарей въ всероссійскаго народнаго трибуна и изъ вчера еще неподготовленную неумѣлую молодежь сегодня возложить непосильное бремя всероссійскаго политическаго руководительства.

Въ этой двучленной кабалистической формулѣ, какъ „солнце въ малой каплѣ воды", отразился весь специфическій укладъ кружковой интеллигенціи замкнутой въ себѣ и въ своемъ кругу идей, отщепленной отъ жизни и смотрящей, какъ въ окошко, подневольнымъ зрителемъ, на свѣтъ и коловращеніе людей, на чуждую и сторонніе ей жизнь, катящуюся мимо. Укладъ, которому близко знакомы движеніе идей, ихъ вліяніе и борьба въ предѣлахъ кружковаго обихода, но который въ то же время не имѣетъ и понятія объ ихъ дѣйствіи на просторѣ, объ ихъ столкновеніяхъ и взаимоотношеніяхъ въ средѣ классовой и межклассовой; которому не знаетъ соотвѣтственной мѣрки для сопоставленій жизни кружка съ тою внѣшней, запредѣльной, и потому тѣмъ легче прилагаетъ кружковой масштабъ ко всей огромности и сложности жизни; тѣмъ легче навязываетъ классамъ и группамъ ту же самую первичность, которая—въ сферѣ идей—искони отличала кружковщину, и забываетъ объ основномъ

на ли пособіяхъ; мѣры въ интересахъ охраны труда, которыя вошли 16 пунктовъ нашей программы; отмѣна всѣхъ городскихъ налоговъ, ложащихъ бременемъ на рабочихъ классъ, ремесленникахъ и мелкихъ торговцяхъ; введеніе въ пользу города прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства". Далѣе, въ качествѣ „мѣръ временнаго характера", вводится „даровая раздача хлѣба нуждающемуся населенію и открытіе убѣжищъ для безработныхъ". „Вводя рядъ насущныхъ реформъ въ области политической, экономической и духовной, революціонное правленіе удовлетворяетъ насущнѣйшимъ потребностямъ пролетаріата, доказываетъ первыми же шагами своей дѣятельности, что программа наша не пустое только сочетаніе словъ, дастъ въ руки рабочаго класса тѣ осязательныя реформы, за которыя онъ будетъ бороться еще съ удвоенной энергіей..." и т. д.

Выговоривъ все это однимъ духомъ, „геніестъ" гордо заканчиваетъ свою статью: „исполнивъ свою задачу, революціонное правленіе можетъ съ спокойной совѣстью готовить побѣду всероссійскаго возстанія". „Сѣзъ ... коротокъ и ждетъ поощренія", хочетъ сказать словами Гедрина о Михаилѣ Топтыгинѣ.

Мы узнали одно: этотъ роковой безлунной ночи до ближайшаго воскресенья должно пройти весьма и весьма немало времени, дабы революціонное правленіе успѣло заблаговременно передъ населеніемъ всѣми красками соціально-революціонной радуги. Шутка-ли!—приходится провести полторы дюжины крупныхъ реформъ и, въ числѣ ихъ, такія, какъ всеобщее обязательное обученіе. Да тутъ на одну подготовку достаточнаго количества школьныхъ партъ и классныхъ досокъ придется уходить немалое количество драгоцѣннаго времени! А, между тѣмъ, въ „ближайшее воскресенье" суверенитетъ народа вступаетъ въ свои законныя права, и посрамленные „меньшевики" воочію убѣждаются, какъ мало пострадало ортодоксальное цѣломудріе „захватчиковъ власти" отъ кратковременнаго пребыванія въ „революціонномъ правленіи".

Не считая мѣръ „временнаго характера", придется ввести 18-ть реформъ, одна другой радикальнѣе. Трудно предполагать, чтобы наша „спѣшащая группа" была въ состояніи осуществить болѣе трехъ реформъ въ сутки. Слѣдовательно, минимумъ 6 сутокъ до сдачи ею власти должно быть въ ея распоряженіи. Этотъ простой разсчетъ приводитъ насъ къ безошибочному выводу, что возстаніе должно начинаться *въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ*, не раньше и не позже. Часъ мы уже знаемъ (3-4 ч. ночи. Зная точно дату, мы уже можемъ приспособить къ ней всѣ наши приготовленія. Такъ, три „дежурныхъ товарища" смогутъ обрекать себя на безсонницу только въ теченіе одной ночи въ недѣлю. Съ другой стороны, и „особый вожакъ на такіе случаи" можетъ, безъ ущерба для дѣла, шесть дней въ недѣлю, попрежнему, посѣщать союзу инженеровъ, нашему адвокатовъ, или союзу нефтепромышленниковъ.

Но—скажутъ скептики—слишкомъ ли гдѣ, чтобы удалось провести по три реформы въ день? Долженъ признаться, что и мнѣ приходило въ голову такое сомнѣніе. Мнѣ казалось мало вѣроятнымъ, чтобы рабочій классъ цѣлаго крупнаго города могъ усвоить „осязательно" воспринять, скажемъ, общее и профессіональное обученіе за періодъ съ вторника по воскресеніе. Но нѣкоторыя справки въ литературѣ вопроса поколебали мое сомнѣніе. Въ протоколахъ съѣзда цифръ я нашелъ крылатое слово Н. Ленина: „что такое организовать? —организовать, это значитъ—написать уставъ". Я приложилъ эту мысль къ интересующему насъ вопросу и получилъ: „что такое провести реформу?—это значитъ, издать декретъ". Согласитесь, что, при такомъ пониманіи, пара хорошихъ „стрикулистовъ" пропишетъ вамъ совершенно достаточное количество реформъ въ довольно краткій срокъ. Если что помѣшаетъ имъ быть прописанными въ одни сутки, то лишь та, „централизація руководства", которую безъ сомнѣнія, наши заговорщики пересадятъ изъ своего комитета въ „временное правленіе". Однако, при посредствѣ „раздѣленія труда" все же можно будетъ достигнуть надлежащей быстроты фабрикаціи и я увѣренъ, что, покидая въ ближайшее воскресеніе власть, наши захватчики смогутъ сказать о себѣ, подобно шерлиновскому герою: „помадуръ гонялъ, реформа сажалъ — чисто".

Допускаю, однако, для читателя скептика, что въ шесть дней нельзя будетъ обтяпать „чисто" это великое дѣло. Могутъ встрѣтиться непреодолимыя затрудненія (напримѣръ „бойкотъ" или „оппозиція" какой нибудь локованной партіи[1]) и тогда проклятое воскресенье будетъ приближаться съ умопомрачующей быстротой. Несомнѣнно, авторъ цитируемой статьи предвидитъ этотъ случай, хотя и говоритъ о немъ съ подобающей для будущаго государственнаго человѣка дипломатической уклончивостью. Разсказавъ намъ о реформахъ, кои будутъ „проведены" за время отъ понедѣльника до сдачи власти, онъ, какъ мы видимъ, заключаетъ:

„Исполнивъ свою задачу, революціонное правленіе можетъ съ спокойной совѣстью готовить побѣду всероссійскаго возстанія".

А вы такъ таки и повѣрили, читатель, что въ ближайшее же воскресенье наши Цинцинаты начнутъ сажать у себя дома капусту? Какъ бы не такъ! По нуждѣ и закону перемѣна бываетъ, а нашъ „геніестъ" на всякій случай оставляетъ лазейку.

И все же тутъ изъ первыхъ рукъ неразрѣшимое противорѣчіе: съ одной стороны, „въ ближайшее воскресенье", съ другой, уже „выполнивъ свою задачу", мы должны еще оставаться въ революціонномъ правленіи. Какъ выйти съ честью изъ этого противорѣчія? Неужели титаны временнаго революціоннаго правленія безсильно падутъ — передъ монотонной закономѣрностью календаря?

---

[1]) Читатель помнитъ, что если тов. Ленинъ до сихъ поръ не совершилъ обѣщанныхъ имъ еще въ 1903 году кровопролитій, то этому виной была исключительно деморганизаторская дѣятельность нѣсколькихъ заграничныхъ литераторовъ.

Этого не можетъ, этого не можетъ быть! Не можетъ соціалъ-демократическая случайность „не считаться" передъ стихіей! Если воскресеніе приходитъ слишкомъ скоро, — долой воскресеніе! Если старое изобрѣтеніе Іегови — календарная недѣля — грозитъ задержать успѣхи революціи, — внутило передъ нимъ остановится наша реформаціонная мошка? Въ числѣ наказныхъ въ первые дни реформъ, провозглашены, „въ качествѣ хотя бы временной мѣры", отмѣны календарныхъ категорій! Упраздняется воскресенье![1]) Введемъ, по образцу дѣятелей 1794 года, „революціонныя декады", и тогда день сдачи власти можно будетъ установить тогда, когда это будетъ необходимо. Я увѣренъ, что резолюція „Пролетаріи" это и имѣетъ въ виду, ибо иначе она не объявляла бы такъ увѣренно, что выборы прова йдутъ въ ближайшее же воскресеніе.

* * *

Еще Гегель говорилъ, что серьезное отношеніе къ смѣшнымъ явленіямъ заключается именно въ насмѣшкѣ. Я позволилъ себѣ много смѣяться по поводу новѣйшаго направленія умовъ среди такъ называемаго „большинства" я былъ бы очень радъ, если-бы это мое смѣшливое настроеніе совпало съ настроеніемъ массы товарищей. Но, какъ ни забавно обозрѣвать курьезы „экспедиской" литературы, трудно бываетъ при этомъ подавить горькое чувство обиды и оскорбленія. Нѣтъ безконечно грустное есть въ этомъ выраженіе революціонной мысли.

Я вспоминаю недавніе годы, когда революціонная борьба только начинала вступать въ острый фазисъ, когда первыя открытыя схватки съ полчищами царизма вызывали въ массѣ революціонеровъ первыя ощущенія умѣнія борьбой. Какъ неподдѣльны, какъ свѣжи были тогда революціонныя чувства въ массѣ передовой интеллигенціи! Съ какой цѣломудренной чуткостью это ловило тогда всякій фальшивый звукъ, какой зоровой насмѣшкой встрѣчало всякую ходульность слова, всякую напыщенность мышленія! Какъ чутко реагировала масса читателей революціонной прессы на все, что отдавало революціонной фразой! Какъ нетерпимо она встрѣтила начавшую уже тогда пробиваться, преимущественно въ прокламаціяхъ соц. рев., вульгарную революціонную риторику! То было хорошее время для революціонной литературы!

Безспорно, и въ то время средній интеллигентъ былъ далекъ отъ того, чтобы стоять во всеоружіи соціалистическаго знанія. И тогда они могъ лишь урывками пополнять свое теоретическое и политическое образованіе. Но онъ обладалъ тогда двумя цѣнными чертами, свойственными общественной группѣ, переживающей расцвѣтъ своего развитія: онъ, во первыхъ, уважалъ науку, „теорію", онъ, во вторыхъ, былъ инстинктивно революціоненъ — и потому его шокировала такъ же вульгаризація мысли какъ и вульгаризація стиля.

То время прошло, несомнѣнно. Революціонная интеллигенція быстро идетъ на смарку, какъ передовая группа, и въ ней все яснѣе проявляются симптомы вырожденія. Какъ и почему случилось, что именно въ нашей партіи пріютилась группа наиболѣе яркихъ и законченныхъ выразителей этихъ тенденцій къ вырожденію, — это очень интересный вопросъ. Но не въ томъ теперь дѣло. Фактъ тотъ, что политическій дилетантизмъ, теоретическая безпринципность и свойственная ей вакханалія фразы, всѣ эти признаки интеллигентскаго „декаданса" выступаютъ теперь также и подъ флагомъ соціалъ-демократіи. И въ этомъ виновата и читательская масса. Вѣдь, есть же, несомнѣнно она публика, которая читаетъ съ удовольствіемъ всю эту каиранскую литературу, которая компрометируетъ соціалъ-демократію въ глазахъ посторонняхъ. Съ горечью приходится констатировать, что въ то самое время, когда борцы-пролетаріи все чаще и чаще падаютъ на баррикадахъ, падаютъ безъ словъ, безъ красивой позы, — что въ это самое время въ „замѣстительствующей" интеллигенціи все острѣе проявляется жажда дешевыхъ наслажденій эффектными оборотами рѣчи, безопаснымъ, ни къ чему не обязывающимъ и незатруднительнымъ „мечтаніемъ" о дѣлахъ революціи.

Когда высокочтимый въ соціалъ-демократіи въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, Галерка провозгласилъ въ прошломъ году: „долой заграничныхъ старичковъ" — долой теоретиковъ — пропагандистовъ научнаго соціализма, когда онъ провозгласилъ этотъ лозунгъ отъ имени „русской молодежи", — онъ чувствовалъ, несомнѣнно, что открываетъ своими брошюрками новую полосу въ революціонной литературѣ. И никто изъ той молодежи, отъ имени которой говорилъ этотъ „литераторъ", не подалъ голоса, чтобы протестовать.

Не прошло и года, а литература уже обогатилась твореніями революціонныхъ стратеговъ и тактиковъ, получившихъ свое боевое крещеніе гдѣ нибудь въ Латинскомъ кварталѣ.

Не пора ли остановиться? Не пора ли революціонной молодежи понять, что только о нимъ вредъ, худшій, чѣмъ могли бы нанести ему смертельные его враги, приносить она пролетарiату, когда идетъ „призывать" его, обладая тѣмъ теоретическимъ багажомъ, который подразумѣваетъ одобреніе или хотя бы только „пониманіе" писаній всѣхъ этихъ „геніестовъ". Ной новыхъ, и прочихъ Аниковъ воиновъ?

„Учитесь, учитесь, господа, но только не по газетнымъ статьямъ"! Л. М.

---

[1]) Чтобы не отталкивать понапрасну сторонниковъ „чаще официально-культурныхъ авгономій", можно разрѣшить имъ сохранить субботу для частнаго употребленія.

По Россіи.

9-ое іюля въ С.-Петербургѣ. Разговоры о томъ, что 9-го іюля въ Петербургѣ будетъ стачка ра давались уже очень давно. Уже въ маѣ мѣсяцѣ среди самыхъ отсталыхъ слоевъ петербургскаго пролетаріата начали ходить упорные слухи о томъ, что 9-го іюля непремѣнно что нибудь будетъ. Говорили, что этотъ день слѣдуетъ отпра новать, причемъ какъ конкретная форма празднованія обыкновенно выливалась забастовка. Когда, послѣ окончанія кампаніи по поводу мобилизаціи, по поводу событій въ Лодзи и Варшавѣ и Одессѣ, передъ организаціями вплотную всталъ вопросъ о кампаніи по поводу 9-го іюля, оказалось однако, что мнѣнія на этотъ счетъ нѣсколько расходятся. Большевики и соціалисты-революціонеры рѣшили проводить забастовку. При этомъ, по ихъ первоначальной мысли, забастовка эта не должна была быть ограничена опредѣленнымъ срокомъ. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на это большевики, какъ мнѣ доподлинно и извѣстно изъ разговора съ однимъ изъ ихъ органи аторовъ. Они надѣялись, что всеобщая стачка въ Петербургѣ можетъ повести къ крупнымъ демонстраціямъ, къ столкновеніямъ съ полиціей и войсками и въ концѣ концовъ, пожалуй, выльется во всеобщее вооруженное возстаніе. Группа же сначала склонялась къ мысли, что слѣдуетъ отказаться отъ забастовки и ограничиться устройствомъ митинговъ и паники. Но послѣ опроса периферіи группа дала слѣдующій лозунгъ: относительная, демонстративная забастовка и, гдѣ можно, паники и митинги. Не взирая до 9 іюля большевики присоединились къ этому плану, и кампанія могла быть проведена совершенно единодушно и дружно. Это обстоятельство, конечно, въ значительной степени объясняетъ успѣхъ, который во многихъ отношеніяхъ превзошелъ наши ожиданія.

Невскій районъ стоялъ весь, за исключеніемъ одной фабрики (Максвелля) и одного завода (Колпинскаго). Нужно для поясненія добавить здѣсь, что въ Невскомъ районѣ, несмотря на дезорганизацію провалы, нѣсколько равстроившіе правильную организацію дѣла, работа шла чрезвычайно успѣшно, благодаря высокому уровню сознательности массъ. Повѣщенныя вездѣ почти каждый день собирались громадныя массовки (до 800 человѣкъ), гдѣ разбирались самые разнообразные вопросы, напримѣръ разсказывались выводы изъ февральской революціи, обсуждались предстоящая кампанія, и даже велись диспуты съ анархистами.

Дѣло въ томъ, что на одну изъ этихъ массовокъ попалъ одинъ изъ шпіоновъ въ Петербургскомъ либераловъ, выгнавшихъ теперь утверзаться и въ рабочемъ классѣ, но послѣ неудачной попытки защитить свою позицію, онъ долженъ былъ махнуть рукой и заявилъ: здѣсь имъ нечего дѣлать".

Разумѣется, что такія собранія сильно подняли настроеніе массъ, и вотъ почему въ этомъ районѣ удалось не только провести забастовку, но также организовать рядъ собраній 9-го іюля.

На Обуховскомъ заводѣ не удалось устроить митинга только потому, что депутаты отъ рабочихъ наканунѣ почему то отправились къ администраціи завода съ просьбой не работать 9-го. Администрація сразу согласилась, но, благодаря этому, нельзя было 9-го проникнуть на заводъ. Поэтому наиболѣе сознательные рабочіе (кажется около 600) собрались у церкви, гдѣ устроили панихиду съ митингомъ (говорили товарищи рабочіе).

То же самое слѣдало рабочіе Семянниковскаго завода, которые бастовали уже нѣсколько дней изъ за ареста одного изъ товарищей, почему тоже нельзя было проникнуть въ заводъ. На Александровскомъ (вагоннонъ и чугунномъ) заводѣ забастовали съ утра и тутъ же устроили митингъ. Казаки схватили оратора, но возбужденная толпа отбила его. Это происшествіе, вѣсть о которомъ сразу облетѣла весь районъ, чрезвычайно благопріятно отозвалось на общемъ настроеніи. На Колпинскомъ заводѣ, какъ я уже сказалъ, забастовка не состоялась, потому что, благодаря послѣднимъ провваламъ и отдаленности этого завода отъ города, почва тамъ не была достаточно подготовлена. Отчасти благодаря этому и митингъ тамъ сошелъ менѣе удачно. Ораторъ, который говорилъ минутъ 20, при выходѣ былъ схваченъ казаками и арестованъ.

Въ Васильеостровскомъ районѣ стояли мелкіе заводы (такъ называемый „центръ"), но ни какой то случайности не удалось остановить главнаго, Балтійскаго завода, несмотря на то, что тамъ въ предыдущіе дни было нѣсколько митинговъ, и настроеніе на немъ, какъ всегда, было очень хорошее. Трубочный заводъ, гдѣ работаетъ страшно сѣрая масса, какъ и предполагалось, не забастовалъ.

На Выборгской сторонѣ бастовали всѣ главные заводы: Металлическій, Розенкранца, Феникса, Лесснера и т. д. На этихъ заводахъ всюду можно было бы организовать митинги, и масса требовала ихъ, но, къ несчастію, недостатокъ связи не позволилъ пойти навстрѣчу этому желанію. Фабрики, гдѣ связи чрезвычайно слаба, работали.

На Петербургской сторонѣ забастовка прошла очень дружно (гамъ очень много мелкихъ заводовъ); здѣсь удалось непосредственно даже небольшую демонстрацію.

Что касается Нарвскаго района, то главный, Путиловскій заводъ бастовалъ уже давно, и митинга тамъ не удалось устроить въ виду того, что была нагнана стоголовая масса казаковъ и солдатъ. На Рѣчкинскомъ заводѣ бастовала, кажется, только часть рабочихъ.

Наконецъ, въ Городскомъ районѣ также бастовали всѣ главные заводы.

Изъ краткаго описанія, которое я далъ, видно, что кампанія 9 іюля въ Петербургѣ прошла сравнительно очень удачно. Всякій, кто говорилъ съ рабочими Петербурга, знаетъ, какое значеніе придаютъ они дорожденію во всемъ городѣ проявленій забастовокъ, и какъ также согласованное и организованное дѣйствіе подымаетъ ихъ чувство солидарности и вѣру въ свою мощь. Понятно также, что митингъ въ такой знаменательный день, когда ораторъ обращается ко всей массѣ, работающей на заводѣ, и когда онъ бываетъ то можетъ рѣчитаться на вниманіе и на пониманіе этой массы, имѣетъ огромное агитаціонное значеніе.

Общая стачка на Путиловскомъ заводѣ.

Числа 4-го іюня въ кузнечной мастерской возникла забастовка по поводу инцидента, происшедшаго у одного рабочаго съ помощникомъ начальника. Дѣло происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ: по какому-то неудовольствію одинъ изъ рабочихъ ударилъ по головѣ желѣзной тяжестью помощника начальника. Заводская администрація немедленно уволила рабочаго, а помощникъ начальника неизвѣстно куда пропалъ; такъ и дѣло съ концомъ: разодрались и все. Но черезъ недѣлю помощникъ начальника явился на свой постоянный постъ. Рабочихъ страшно взволновала эта картина и озлобленіе администраціи; вслѣдствіе этого объявили забастовку. Спустя недѣлю послѣ 4-го числа, когда кузница уже фактически бастовала, литейщики мартеновской мастерской, въ свою очередь, тоже готовились къ стачкѣ изъ-за болванокъ. При полученіи платели лишь 1/3 заработка. Администрація давала разсчетъ съ отмѣненіемъ 2 недѣль. Возбужденіе мастеровыхъ съ каждымъ днемъ все росло. Разсчетъ товарища, воровская мобилизація, произволъ мѣстныхъ властей вызвали всѣхъ и каждаго. Въ субботу 18-го и воскресенье 19-го распространился слухъ, что съ понедѣльника весь заводъ забастуетъ. 19-го числа вечеромъ состоялось собраніе соединенной комиссіи большинства и меньшинства, на которомъ рѣшили: забастовать на 2 дня въ знакъ протеста противъ мобилизаціи и разсчета товарищей. Утромъ изъ 5 главныхъ мастерскихъ вышли на заборъ рабочіе, въ другія мастерскія послали призывать къ стачкѣ кучки въ 200 — 300 человѣкъ, разбрасывая по пути въ изобиліи прокламаціи, которыя въ одно мгновеніе подбирала рабочая масса. Во время выхода изъ токарной мастерской толпа демонстративно сняла съ конторы портретъ Николая Кровавого и съ крикомъ: „смерть убійцамъ!" — разбила разорвала его въ клочья. Въ 8½ часовъ утра на заводѣ кромѣ администраціи и сторожей никого не осталось. Вечеромъ у насъ состоялось представительское собраніе, на которомъ обсудили положеніе вещей и рѣшили слѣдующее: бастовать далѣе, выбрать въ каждой мастерской старостъ для порядка собраній и выработки требованій. Рѣшили 2-хъ дневный протестъ противъ мобилизаціи и выставленіе слѣдующихъ требованій: 1) принятіе товарищей, разсчитанныхъ за стачку; 2) 8-часовый рабочій день. 3) утвержденіе старостъ—а еще кой-какія. Во вторникъ утромъ за работу никто не принимался, въ нѣкоторыхъ мастерскихъ выбрали старостъ, и всѣ ушли домой. Въ 5 часовъ вечера было собраніе организованныхъ рабочихъ нашихъ — и большевиковъ, и меньшевиковъ — и с.-ровъ. На этомъ собраніи доложили, что не сегодня-завтра забастовка будетъ и въ другихъ районахъ. Видя хорошее настроеніе рабочихъ и имѣя въ виду извѣстія изъ другихъ районовъ, собраніе единогласно высказалось за забастовку и рѣшило на другой день выбрать старостъ въ другихъ мастерскихъ. На другой день, послѣ выборовъ старостъ, формулировали гласно въ мастерскихъ требованія и протестъ противъ мобилизаціи. Рабочіе пошли по домамъ, а старосты пошли къ директору съ принятыми на собраніяхъ рабочихъ требованіями. Директоръ на нихъ не обратилъ вниманія и вывѣсилъ объявленіе о разсчетѣ всѣхъ рабочихъ съ 2-недѣльнымъ отживаніемъ. Черезъ старостъ рабочіе отвѣтили на объявленіе требованіемъ немедленнаго разсчета безъ отживанія 2-хъ недѣль, на что директоръ не согласился. Черезъ 2 недѣля всѣхъ уволили, печи окончательно погасли. 21-го числа и заводъ стоитъ, никакого объявленія нѣтъ. 1-го іюля устроена массовка на Лаутровой дачѣ, человѣкъ 15[illegible]ша же въ отъ группы говорятъ рѣчь на современныя темы [illegible] крайне мелкомъ явилося полсотня казаковъ, и всѣ разбѣжа[illegible] и рукою по-7 здорово отлеслали нагайками, а одному вы[illegible]вшаному то порядка—такъ какъ тѣлесныя наказанія во[illegible]ьзуютъ революціонную эта а несо-

Послѣ этого, на днях, въ казаковъ была въ столовой во время обѣда брошена бомба; ихъ было болѣе 50 человѣкъ, но по неисправности бомба не взорвалась, а бросившій скрылся. За два дня до полугодія 9 іюля было собраніе съ большевистами по поводу 9-го числа. Демонстрацію мирную и вооруженную признали невозможной въ виду того, что народъ не выйдетъ на улицу, а отдѣльной кучкѣ нѣтъ возможности выходить на войну. Организованный заранѣе митингъ тоже поведетъ къ бойнѣ. Рѣшили всти 9-го іюля самую интенсивную агитацію. Настало 9-е — обычный, будничный день; публики не особенно много; разъѣзжаютъ патрули казаковъ. День прошелъ спокойно.

Рабочіе Путиловскаго завода.

Рига. На заводѣ „Феникса" одинъ рабочій стрѣлялъ въ писаря за то, что онъ занимался шпіонствомъ; ранилъ его, но не убилъ. Директоръ завода вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ обѣщалъ 1000 руб. тому, кто выдастъ стрѣлявшаго. Рабочіе потребовали, чтобы дирекція сняла объявленіе. Дирекція отказалась: тогда рабочіе объявили забастовку, выбросивъ изъ завода пятнадцать шпіоновъ. Стачка началась 13-го іюля. Черезъ два дня къ стачкѣ примкнули рабочіе гвоздильно-зроволочнаго завода, „Этна" (около 700 чел.), выставивъ цѣлый рядъ требованій, во главѣ ихъ—удаленіе шпіоновъ, раньше уже вывезенныхъ рабочими за ворота.

У „Феникса" кромѣ латышской партіи, работаетъ „Комитетъ" (большинства"). 16-го утромъ представители комитета говорили тамъ на собраніи. Представители-же нашей группы пробрались въ субботу 15-го на заводъ „Этна" и говорили рѣчи.

Рабочіе „Феникса" рѣшили устроить такъ наз. „мирную" демонстрацію, т. е. избѣжать столкновеній съ казаками. Въ субботу 16-го тысячная толпа съ „Феникса" двинулась съ двумя знаменами (латышской партіи и комитета) и подошла къ заводу „Этна" гдѣ была встрѣчена криками „ура"! Рабочіе „Этны, присоединились съ двумя знаменами (одно—съ надписями „да здравствуетъ демократическая республика,!—изъ нашей группы, другое сдѣлано двумъ рабочими съ завода). Нашъ ораторъ произнесъ затѣмъ передъ толпой горячую рѣчь по латышски, встрѣченную долго несмолкавшими криками „долой самодержавіе!", „ура!, и т. д. Съ революціонными пѣснями толпа двинулась дальше, но вскорѣ показалась идущіе навстрѣчу казаки и мы свернули съ Александровской улицы на одну изъ боковыхъ, чтобы подойти къ Балтійскому вагоно-строительному заводу, гдѣ по нашимъ свѣдѣніямъ, должны были тоже бастовать. Но не успѣли мы пройти два квартала, какъ насъ настигли казаки и мы будучи не вооружены, перешли на тротуары, и вскорѣ опять сомкнулись. Дойти до Балтійскаго завода намъ не пришлось, такъ какъ мы узнали, что вышедшихъ оттуда рабочихъ разогнали казаки и они разошлись по домамъ. Мы рѣшили закончить демонстрацію послѣ небольшого митинга, на которомъ говорили два нашихъ оратора—одинъ по латышски, другой по русски. Сверхъ того, говорилъ еще одинъ комитетскій.

Кромѣ „Балтійскаго" забастовали еще Резиновая мануфактура—„Проводникъ", одна табачная и одна картонажная фабрики. У Кузнецова забастовалъ уже одинъ цехъ, настроеніе боевое и можно ожидать, что стачка станетъ всеобщей. Группа выступаетъ на всѣхъ заводахъ и пользуется большимъ вліяніемъ.

Сегодня, во вторникъ (18 го) говорили наши ораторы на „Феникс", „Этнѣ", „Балтійскомъ" и другихъ.

Нижній-Новгородъ, 13/VII. Всеобщая стачка и погромъ. Всеобщая стачка 9-го іюля превзошла наши ожиданія. Предварительная агитація сдѣлала мысль о ней настолько популярной, что часть окрестныхъ деревень, гдѣ не работала 9 іюля. „Какъ же, нельзя работать,—полагаютъ, какъ убили рабочихъ". Многіе заводчики давали рабочимъ двухдневный разсчетъ въ пятницу; „все равно въ субботу работать не будете". Большіе магазины изъ страха не открывались вовсе. Утромъ 9 го рабочіе ходили по улицамъ и закрывали еще открытыя заведенія. Рабочіе и приказчики, въ большинствѣ случаевъ, только ждали ихъ прихода, чтобы бросать работу.

Часамъ къ 10 занятія всюду стали. Только Башкировская мельница работала подъ охраной войскъ, да двигались трамваи подъ конвоемъ городовыхъ. Пробовали остановить электрическую станцію, но полиція арестовала нѣсколько человѣкъ и снова пустила станцію. На улицахъ было даже мало извозчиковъ. Городъ имѣлъ торжественный видъ, и по спокойнымъ улицамъ двигалось множество рабочихъ. Съ утра стояли Сормово, Канавино и Молитовка тоже.

По призыву организованныхъ рабочихъ народъ сталъ стекаться на митингъ за Народ. Домъ. Собралось нѣсколько тысячъ, и митингъ прошелъ безпрепятственно. Казаки видѣлись только вдали. Рѣшено было не устраивать демонстрацій и разойтись. Но часть публики пошла толпой по Полевой улицѣ, несмотря на увѣщанія полиціи расходиться. Казаки и конная полиція окружили толпу, и при выходѣ ея на главную улицу пустили въ ходъ нагайки. Толпа была разсѣяна. Вечеромъ на томъ же мѣстѣ состоялся еще болѣе многочисленный митингъ. Въ Канавинѣ митингъ не состоялся, такъ какъ населеніе было терроризировано слухами о приготовленіяхъ полиціи. Въ Сормовѣ состоялся громадный митингъ на обычномъ мѣстѣ. Противъ рабочихъ были вызваны солдаты со штыками на перевѣсъ. Рабочіе стояли съ десятокъ саженей и продолжали говорить. Солдаты не послѣдовали за ними. Такъ блестяще прошло у насъ 9-е іюля.

Съ десятаго іюля началась у насъ настоящая война съ перестрѣлкой, бомбами и авто кими убійствами.

Полиція сорганизовала черную сотню изъ извозчиковъ, хулигановъ, каменьщиковъ, трактирныхъ половыхъ и сутеноровъ. Многимъ дали по рублю, и извозопромышленникъ Клочьевъ на давалъ имъ водки. Ко времени митинга, въ воскресеніе, около 5 часовъ, черная сотня заняла Острожную площадь, черезъ которую публика направлялась къ митингу, и стала бить проходящихъ. Въ отвѣтъ ей было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Раненъ Кольевъ. Полиція и казаки какъ будто только ждали этого момента: они выскочили изъ засады и стали избивать публику. Проходящихъ хватали, бросали на землю, били кулаками, кольями, ногами. Вокругъ стояли казаки. На мѣстѣ избіенія посѣщали губернаторъ Унтербергеръ, полицеймейстеръ Таубе и др. Можно было видѣть, какъ, окруженный казаками, стоялъ губернаторъ, и рядомъ съ нимъ поднимались руки черносотенцевъ и городовыхъ съ окологочными и обрушивались на избиваемыхъ. Вся окружающая мѣстность заполнилась народомъ. Останавливали проходящихъ, прощающихъ, обыскивали ихъ, если находили револьверъ или что-нибудь подозрительное, избивали до смерти. Били по указаніямъ шпіоновъ и мальчишекъ, что они этихъ знаютъ. Искали „демократовъ", студентовъ и „жидовъ". Полицеймейстеръ руководилъ избіеніемъ. Губернаторъ обратился съ рѣчью къ черносотенцамъ и приставшей къ нимъ толпѣ. Онъ совѣтовалъ не убивать до смерти. Но потомъ заявилъ: „поступайте, какъ знаете". Толпа поднимала его на ура, пѣла „Боже царя храни" и кричала „да здравствуетъ самодержавіе". Съ площади погромщики двинулись на сосѣднія улицы, ломали двери и окна въ домахъ, гдѣ подозрѣвали спрятавшихся евреевъ или „демократовъ". Казаки и полиція слѣдовали за ними, избивая пытавшихся сопротивляться. Особенно избивали имѣвшихъ у себя револьверы. Въ первый день убито около десяти человѣкъ, избито до безчувственности больше ста.

На второй день вечеромъ, 11-го іюля, избіеніе повторилось, но на этотъ разъ черная сотня встрѣтилась съ вооруженными ими, главнымъ образомъ, сормовцами. Избіеніе приняло еще болѣе ростокій характеръ, такъ какъ войска пустили въ дѣло свой главный стычка была на Нижнемъ Базарѣ. Опять около ученіе ныхъ много раненыхъ. Въ больницѣ лежатъ нѣсколь-

И клюкъ которыхъ до 15 огнестрѣльныхъ ранъ. Въ тотъ знительно дня пытались разогнать обычный митингъ въ гана, какъ здѣ перестрѣлка. Кто-то изъ рабочихъ бросилъ стороны, всекальныхъ много). Эффектъ былъ поразительный.

Въ мгновеніе вся полиція и казаки пустились въ бѣгство и попрятались, гдѣ кто могъ, а изъ домовъ повыскакивали рабочіе съ револьверами и ружьями. 12 вечеромъ и ночью снова шла перестрѣлка. Часовъ въ 6 утра гдѣ-то брошена бомба, судя по грохоту. Каковъ результатъ, еще не знаю, отъ окружающихъ толку добиться мало, такъ какъ всѣ терроризованы.

Полиція усердно распространяетъ слухи, что рабочій народъ возсталъ противъ буяновщиковъ-демократовъ. Въ такомъ смыслѣ Унтербергеръ посѣщалъ взятыхъ свидѣтель. Мы отвѣтили на его сообщеніе прокламаціей: „Ложь губернатора Унтербергера". Одиннадцатаго мы выпустили прокламацію къ гражданамъ съ призывомъ къ вооруженію.

Нижній-Новгородъ. 6 іюля (ст. ст.). Работа кипитъ. Наши связи и вліяніе замѣтно расширяются. На массовки, которыя устраиваются по нѣсколько разъ въ недѣлю, собирается уже не по 50-150, а по 200 и 300 чел. Идутъ охотно въ отдаленныхъ частей города. Расходятся съ пѣснями и револьверными выстрѣлами. Наконецъ то мы, кажется, установили практическое соглашеніе съ большевиками объ общемъ устройствѣ массовокъ и совмѣстномъ приготовленіи къ забастовкѣ 9 іюля. Устроена объединенная комиссія, въ которую съ нашей стороны входятъ два рабочихъ. Въ добрый часъ! До сихъ поръ дальше „принципіальнаго" соглашенія не шло, и на практикѣ происходили „недоразумѣнія".

На организацію профессіональныхъ союзовъ мы давно уже рѣшили обратить вниманіе, но равныя текущія событія поглощали наши силы и отвлекали вниманіе въ другую сторону.

Передовица № 100 „Искры" привлекла наше общее вниманіе къ этому вопросу, и мы рѣшили перейти къ дѣлу. Послѣ ряда дискуссій среди интеллигенціи и рабочихъ, боязнь предъ „экономическимъ" движеніемъ была преодолѣна. Не будемъ бояться обвиненія въ „зубатовщинѣ", которымъ награждаютъ насъ „твердые" товарищи"—сказали мы себѣ! Рабочіе встрѣчаютъ насъ и мы приняліся за дѣло. На очереди стоялъ серьезный вопросъ, смущавшій нѣкоторыхъ товарищей: какъ совмѣстить работу по организаціи союзовъ съ работой по реагированію на текущія явленія первостепенной важности. Или — или, ставили вопросъ.

Мы рѣшили совмѣстить работу такимъ путемъ: втягивать въ политическую работу массу и въ то же время создавать элементы для профессіональныхъ союзовъ. Началась работа по организаціи всеобщей стачки къ 9 іюля. Члены нашей центральной группы стали собирать вокругъ себя товарищей по профессіи и предлагать имъ принять участіе въ организаціи стачки; многіе изъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ организаціи, съ громадной охотой взялись за это дѣло. Такимъ образомъ вокругъ членовъ нашей центральной группы создались профессіональныя комиссіи. (Въ городѣ рабочіе, главнымъ образомъ, ремесленники). Изъ этихъ комиссій мы выдѣляли ядра — профессіональные комитетики — которые займутся органиваціей профессіональныхъ союзовъ. Въ то же время наши комиссіи организуютъ массовки, на которыхъ ведется агитація за всеобщую стачку. Къ этому же сводится и агитація на легальныхъ и полулегальныхъ собраніяхъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуютъ общіе и даже профессіональные (въ рабочихъ заводовъ) листки. Однимъ словомъ мы ведемъ сложную „кампанію".

Блестящимъ образомъ прошло у насъ собраніе „Общества взаимопомощи печатниковъ" 4 іюля. Собраніе это было собрано правленіемъ общества по требованію членовъ, недовольныхъ обществомъ. Мы ждали, что это собраніе пройдетъ въ напалкахъ печатниковъ на правленіе и уже, исходя изъ ихъ практики, мы хотѣли начать агитацію для преобразованія общества въ профессіональное, согласно съ резолюціями конференціи. Но народу собралась такая масса (до 1000 чел), что послѣ доклада предсѣдателя петербургскаго общества печатниковъ никто изъ печатниковъ не взялъ слова. Тогда сталъ говорить нашъ ораторъ. Онъ указалъ, что обществомъ не можетъ успѣшно выполнять даже того скромнаго плана взаимопомощи, которое оно ставитъ своею цѣлью. Онъ указалъ, что настоящій моментъ благопріятенъ для широкой профессіональной борьбы, и къ ней должно быть приспособлено общество предпринимателя должны быть удалены изъ него. Общество должно быть боевымъ. Оно должно руководить стачечной борьбой, чтобы соединить разрозненную борьбу, вдохнуть въ плоть и кровь рабочихъ экономическія требованія нашей программы и такимъ образомъ дать свободной Россіи широкое рабочее законодательство. Возражалъ рабочій-большевикъ. Онъ утверждалъ, что пока у насъ нѣтъ политической свободы, санкціонированной Учредительнымъ Собраніемъ, устраивать профессіональные союзы не имѣетъ большого смысла. Борцамъ нужно объединиться въ Р. С.-Д. Р. П. Другіе ораторы меньшевики, напавшіе на его взгляды, что свобода дается Учредительнымъ Собраніемъ, и настаивали на необходимости добивать свободу „захватнымъ правомъ", тогда санкціонированіе ея будетъ обезпечено.

Большевикъ заявилъ, что его не поняли. Членъ правленія общества, въ отвѣтъ на рѣчь соціалъ-демократа, отстаивалъ согласительное существованіе въ обществѣ лишь различнаго общественнаго положенія и требовалъ отъ общества полной безпартійности.

Предложенная имъ резолюція собрала 3 голосовъ, въ то время какъ „резолюція гг. соціалъ-демократовъ принята подавляющимъ большинствомъ", какъ заявилъ безпристрастно предсѣдатель. Предложенная соціалъ-демократами резолюція была наскоро составлена ораторами меньшевиками и большевиками, она признавала громадную важность профессіональныхъ союзовъ и звала рабочихъ организоваться въ нихъ подъ рук водствомъ Р. С.-Д. Р. П. Собраніе закончилось рѣчами о готовящейся всеобщей стачкѣ. Нѣкоторые большевики говорили, что, хотя въ рѣчахъ и побѣдили меньшевики, но резолюція—ихъ духъ. Мы побольше желаемъ имъ такихъ побѣдъ! Изъ „побѣда" заставила ихъ признать важность организаціи союзовъ и этимъ расчистила путь нашей дѣятельности, которая только что обозначилась зубатовскою. Еще нѣсколько такихъ „побѣдъ" съ ихъ стороны, и революціи конференціи будутъ приняты рабочими всего города!

Витебскъ. День девятаго іюля не прошелъ незамѣтно и въ нашемъ Витебскѣ. Съ нѣкотораго времени полиція начала смотрѣть сквозь пальцы на постоянно происходящіе въ Дворянскомъ Саду, напротивъ мужской гимназіи, собранія и митинги рабочихъ, на которыхъ бываетъ по тысячи человѣкъ. Недавно полиція сдѣлала попытку отнять у рабочихъ отвоеванную ими „свободу собраній", но скоро должна была опять „разрѣшить", т. е., расписаться въ своемъ бессиліи. За нѣсколько дней до полугодовщины начала Великой Русской Революціи, весь городъ зналъ, что рабочіе и приказчики готовятся къ празднованію этого дня. Носились, конечно, самые фантастическіе слухи. Наканунѣ, восьмого іюля, была распространена прокламація мѣстной партійной группы „9 января — 9 іюля" (гектогр.), призывающая къ продолженію борьбы рабочаго класса, начатой 9 января. Инициатива этого праздника принадлежала партійной группѣ. Группа вступила въ переговоры по этому поводу съ бундовскимъ комитетомъ, но къ соглашенію не пришли (почему именно, объ этомъ, надѣюсь, сообщатъ вамъ другіе товарищи). Пойдя-сіонисты вели себя очень двусмысленно. Седьмого іюля одинъ изъ ихъ ораторовъ говорилъ въ саду, призывая пойти сіонистскую публику присоединиться къ празднованію, а частнымъ образомъ они убѣждали не выходить въ субботу изъ дому. О соціалистахъ революціонерахъ можно и не говорить.

Наконецъ, наступило и девятое іюля. Военный видъ города всѣмъ говорилъ, что правительство не прочь повторить свои январскія „дѣянія", что врагъ сраженъ, но еще не хочетъ сдаться. Въ десять часовъ утра Дворянскій садъ былъ уже переполненъ рабочими и приказчиками. Бундовцы рѣшили устроить свой митингъ въ саду, а потомъ устроить уличную демонстрацію. Партійный митингъ долженъ былъ происходить послѣ обѣда на Соборной площади. Однако, въ саду было очень много партійныхъ рабочихъ. Въ десять съ половиной часовъ открылся митингъ; кромѣ бундовцевъ, говорили и партійные ораторы. Публики было больше 1000 человѣкъ, нѣкоторые утверждаютъ, что было около 2000. Едва ли здѣсь сильное преувеличеніе. Мимо собранія постоянно проходили отряды солдатъ подъ начальствомъ полиціи и жандармовъ. „Военный совѣтъ", съ полицеймейстеромъ во главѣ, насѣдалъ напротивъ, на гимназическомъ дворѣ. „Храбрые" донцы не удовольствовались тѣмъ, что стерегли всѣ выходы изъ сада и стояли на перекресткахъ главныхъ улицъ; они часто проѣзжали мимо собравшихся рабочихъ, чтобы посмотрѣть, какое дѣйствіе это произведетъ на массу. Но масса, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, держалась съ достоинствомъ: „привѣтствовала" казаковъ возгласами и криками „ура". Полиція приняла всѣ мѣры, чтобы не выпустить массы на улицу, опасаясь демонстраціи. Послѣ того, какъ пять или шесть ораторовъ успѣли освѣтить роль рабочаго класса въ развертывающейся революціи, рѣшили разойтись. Но садъ былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ. Масса пустилась вонъ, по направленію къ Подвинской улицѣ. Тутъ на нее налетѣлъ отрядъ казаковъ, но былъ встрѣченъ цѣлымъ градомъ камней, отъ которыхъ нѣкоторымъ сильно досталось. Одинъ изъ толпы выстрѣлилъ. Казаки поскакали за подмогой, а наши пока разсѣялись. Часть скрылась въ ближайшіе дворы и частныя квартиры. Тутъ то началось... началась обычная россійская расправа. Качецкая нагайка свистѣла направо и налѣво. Скрывшихся избивали до полусмерти, есть пробитые черепа, отрубленные носы и уши .. Больная, шедшая отъ доктора, получила ударъ въ животъ... Много окровавленныхъ. Все это происходило на виду у полицеймейстера, который началъ заигрывать въ послѣднее время съ рабочими. У нашихъ держимордъ тоже, должно быть, существуетъ свой шифръ. Избиваемые обратились за защитой къ полицеймейстеру, онъ „приказалъ" не бить, но „приказъ" былъ сдѣланъ въ такомъ тонѣ, что солдаты и казаки имѣли всѣ основанія „ослушаться". Избитыхъ и окровавленныхъ выводили со двора на улицу, гдѣ они передавались въ цѣпь арестованныхъ. Подвинская улица представляла собою не стоящее поле битвы, но „врагами" были не желтолицые, а рабочіе и работницы. Досталось и посторонніе. Такъ, былъ избитъ нагайками какой то инженеръ выходившій изъ Международнаго Банка. Молодой человѣкъ (Як. Розенфельдъ), шедшій со Смоленской улицы на Подвинскую, былъ прогнанъ жандармомъ обратно, но казаки не выпустили его, приперли къ стѣнѣ и давай хлестать, пока не загнали въ цѣпь арестованныхъ (скорѣе освободили). Описать всѣ неистовства казаковъ нѣтъ возможности. Заходили въ частныя квартиры и мытаскивали оттуда людей. Наконецъ, обозъ двинулся. Арестовано около 90 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, послѣднихъ почти вдвое больше. Въ первомъ ряду шелъ молодой мальчикъ съ разбитымъ черепомъ, весь окровавленный. Онъ не хотѣлъ обмыться, говоря: „пусть всѣ видятъ, что полиція дѣлаетъ". Арестованные товарищи были окружены солдатами и казаками. Эта процессія направлялась по главной улицѣ въ тюрьму. Всѣ знали, что это только „первый актъ", что должно произойти еще что то. Атмосфера была страшно наэлектризована, масса рвалась въ бой. Но было бы бесмысленно устроить въ тотъ же день вооруженную демонстрацію. На Замковой улицѣ только и видно было, что солдатъ да казаковъ. Но масса, какъ я уже сказалъ, была воинственно настроена. Въ шесть часовъ вечера открылся партійный митингъ, на которомъ было около 500 рабочихъ. Полиція знала о митингѣ, но боялась очевидно вмѣшаться, видя настроеніе рабочихъ. Полтора часа говорили; было четыре оратора. Заключеніи возгласами: „да здравствуетъ демократическая республика", „да здравствуетъ соціализмъ" и т. п. Воодушевленіе массы достигло высшихъ предѣловъ, кидали шапки къ верху, кричали „ура". Наконецъ выстроились въ стройные ряды и съ пѣснями „Вихри враждебные" прошли весь садъ, а потомъ разошлись. — Часть арестованныхъ была выпущена къ вечеру.

Холмечъ мѣстечко Минской губ. Пламя революціи, озарившее и всю Россію, охватило также и наше захолустное мѣстечко. На днях въ бѣдномъ лежащемъ имѣніи „Сѣлково" вспыхнула стачка батраковъ въ числѣ 50 человѣкъ. Въ крестьянѣ окружающихъ деревень отнеслись сочувственно къ этой стачкѣ и откликались также работать въ этомъ имѣніи, несмотря на всѣ угрозы пристава. Положеніе пристава было довольно критическое, и онъ посѣщалъ снять съ себя всякія полномочія. Результаты этой стачки довольно успѣшны: заработная плата значительно повышена и рабочій день сокращенъ. Стачка все время велась подъ руководствомъ мѣстной соціалъ-демократической группы. Во многихъ деревняхъ этого уѣзда, въ Хвойницкой волости, размѣщены казаки и солдаты, въ виду ожидающихся аграрныхъ волненій.

Варшава До сихъ поръ работа Военно-революціонной организаціи носила въ сущности кустарническій характеръ. Причина того — недостатокъ агитаторскихъ силъ, не позволявшій перейти къ постановкѣ работы на болѣе широкихъ основахъ. Тому же способствовали и мѣстныя причины, какъ, напримѣръ, временное отвлеченіе всего вниманія организаціи къ военному возстанію въ Прудахъ (Новой Александріи съ одной стороны и неизбѣжныя броженія и трепія внутри молодой еще организаціи, вначалѣ предполагавшей быть безпартійной, а затѣмъ ставшей подъ знаменемъ соціалъ-демократіи. Работа пока сводилась къ расширенію связей среди отдѣльныхъ полковъ, снабженію агитаторовачныхъ одиночекъ литературой и сравнительно рѣдкому распространенію листковъ. Лишь въ послѣднее время оказалось возможнымъ ввести планомѣрность въ работу и соотвѣтственно расширить ея рамкахъ. Были приняты организаціонныя формы и планъ работы, въ основу ковхъ легли принципы первой общерусской конференціи партійныхъ работниковъ. Чтобы не быть оторванной отъ общесоціалъ-демократической работы и избѣжать опасности замкнуться въ военно-заговорщическомъ кружкѣ В. Р. О. стала въ организаціонныя отношенія къ мѣстному комитету С.-Д. П. и Л., съ которымъ заключено соглашеніе. Связь съ другими городами, гдѣ ведется работа среди войскъ, все еще очень „lose" и выражается главнымъ образомъ въ снабженіи ихъ отсюда литературой и періодическими изъѣздками агитаторовъ.

Какъ на недавно работаетъ наша организація, результаты ея дѣятельности уже проявились. Начальство переполошилось, и строгости въ лагеряхъ и казармахъ пошли усиленныя. Недовольство среди солдатъ и духъ протеста постоянно растутъ, особенно въ частяхъ, куда принимали запасныхъ. Эта запасные очень разношерстны. Есть петербургскіе рабочіе, и среди нихъ многіе, переживше январскіе дни. Эти сразу же заявили, что они на войну не пойдутъ, они въ народъ стрѣлять не будутъ. Есть съ другой стороны совершенно сѣрые полѣщуки, нуждающіеся еще въ разъясненіи преступности погромовъ, къ которымъ ихъ зовутъ какія то темныя личности.

Изъ послѣднихъ событій у насъ надо отмѣтить отказъ 400 человѣкъ, изъ I, II, III и IV Варшавскихъ полковъ, отъ землекопныхъ работъ. Уговоры офицеровъ ни къ чему не привели, и на работу солдаты такъ и не пошли. Арестовано пять человѣкъ.

Въ Пултусскомъ полку солдаты на этихъ дняхъ отказались ѣсть свой совершенно неудобоваримый ужинъ и вылили его обратно въ котелъ подсыпавъ еще песку, такъ какъ щи были такъ жидки, „что хоть купайся въ нихъ". Тоже повторилось и другой день съ кашей. Офицеру, пришедшему убѣждать, предложили самому съѣсть. Арестовано одинъ ефрейторъ.

Въ Радомѣ назначенная было отправка на Дальній Востокъ пѣхоты и артиллеріи не состоялось, такъ какъ пѣхота имъ отказалась. Подробности еще не знаемъ.

Казарменная атмосфера, разумѣется, болѣе чѣмъ какая либо иная, благопріятствуетъ шпіонству, и отъ этого ала мы немало страдаемъ.

Къ позорному столбу. 1) Штабсъ-капитанъ гвардейскаго Волынскаго полка Околовичъ въ памятный Варшавѣ понедѣльникъ 13/26 іюня самъ далъ приказъ застрѣлить двухъ еврейскихъ рабочихъ, раздававшихъ въ это время прокламаціи. 2) Гусарскій поручикъ Шмидтъ въ февральскіе дни лично зарубилъ шашкой студента политехника, пытавшагося укрыться въ воротахъ. Кромѣ того, солдаты просятъ отмѣтить: 3) возмутительно грубо обращающагося съ солдатами поручика Волынскаго полка Быланскаго и 4) шпіона-доносчика—фельдфебеля 10 роты III Варшавскаго полка Лѣсенко.

Екатеринославъ. Надняхъ солдаты двухъ батальоновъ на шего полка заявили коллективный протестъ противъ ужасныхъ злоупотребленій на кухнѣ: вмѣсто супа, были какіе то помои. Весь супъ, около 55 ведеръ, былъ вылитъ на полъ кухни, и солдаты группами пошли жаловаться къ офицерамъ. Съ точки зрѣнія военной, это было ужасное нарушеніе дисциплины: разрѣшается жаловаться въ одиночку, а не скопомъ, и то не непосредственно офицерамъ, а пройдя всѣ ступени, начиная съ отдѣленнаго заводчаго. Офицера были до того перепуганы что никто не вышелъ сначала къ солдатамъ имъ, вѣроятно, мерещились одесскія событія. Въ результатѣ они обратились чуть ли не съ извиненіемъ къ солдатамъ, выдали имъ чай, сахаръ и по 1/4 ф. колбасы. Этотъ фактъ былъ прекрасно утилизированъ. Когда одинъ изъ офицеровъ, послѣ того, какъ все улеглось, пытался поставить одного изъ зачинщиковъ „подъ ружье" (!) (по уставу, за это слѣдуетъ два года дисциплинарнаго батальона), то немедленно, по нашему настоянію, вся рота стала сна ржаться, чтобы такое стать подъ ружье. Это было такимъ грознымъ симптомомъ, что офицеръ поспѣшилъ освободить его отъ наказанія, перетащилъ отъ приказомъ черезъ позванного изъ его комнату фельдфебеля и принять вины ничего не заключало о томъ, что сказется въ казармѣ.

С. Запорожье-Каменское Екатерин. губ. 9 Іюля 1905 г. Революціонная волна, охватившая всѣ крупные центры Россіи, затронула и глубоко взволновала такіе глухіе мѣста, гдѣ о этомъ тому назадъ и не слышно. глубокимъ сномъ. Примѣромъ такого быстраго пробужденія нашихъ массъ служитъ рабочее населеніе с. Каменское. Петербургскія событія, вызвавшія по всей Россіи стачечную волну, сильно и рабочихъ Днѣпровскаго завода (всего работаетъ 1—2 тысячи человѣкъ). Сознательныхъ рабочихъ, которые къ тому времени было немного, удалось вызвать забастовку. Но они не могли сильно повліять на массы и послѣ трехдневной стачки рабочіе вернулись, причемъ почти ни одно изъ требованій забастовки не было удовлетворено. Нечего говорить о томъ, что настроеніе послѣ забастовки было самое угнетенное. Но глухое броженіе не прекратилось и искало выхода, вылилось во одинъ общій протестъ противъ тѣхъ рабочихъ и мастеровъ, которые работали или вообще чѣмъ нибудь вредили во время забастовки. Почти день нетекли продолжалась выволока на тачкахъ вѣтокъ, причемъ одни рабочіе были вполнѣ добро настроены. Мы воспользовались этимъ общимъ возбужденіемъ настроеніемъ и на почвѣ всѣхъ событій, переживаемыхъ тогда въ тотъ моментъ Россіей и, въ частности, на почвѣ трехъ событій, имѣвшихъ отношеніе только къ заводу, повели усиленную агитацію. За три мѣсяца намъ удалось устроить три организованныхъ массовки, на которыхъ по общимъ было не менѣе 700—800 и нѣсколько митинговъ въ заводѣ и около завода, на которыхъ было [illegible] этого, мы организовали текущіе кружки [illegible] т. п. Въ серединѣ мая мы устроили на [illegible] которой было около 200 чел. Послѣ [illegible] лика съ пѣснями „Марсельеза", „Варшавянка" и [illegible] акціонными возгласами [illegible] демонстрація прошла [illegible] Черезъ нѣкоторое время мы устроили [illegible] который тоже [illegible] было сильно [illegible] страшно на мѣстѣ. На [illegible] по сотъ человѣкъ и [illegible] нашъ. Только [illegible] возраста [illegible] лась и почти [illegible] различная публика [illegible] Въ это время [illegible] избивать публику. [illegible] изъ участниковъ [illegible]

На 23 іюня мы [illegible] забастовку для выраженія [illegible] Лозанскими. Екатеринославскими [illegible] томъ нѣсколько [illegible] работу и [illegible] ченомъ и мастеровъ [illegible] темная масса [illegible] чами. Руководили [illegible] которые наиболѣе [illegible] нѣтвлъ тѣмъ, что [illegible] равныхъ. [illegible] мы сорганизовали [illegible] Послѣ [illegible] часовой [illegible] шей, число участниковъ [illegible]

Въ послѣднее время [illegible] товки, и люди стали [illegible] распрост. нялся [illegible] На базарѣ какіе-то [illegible] лимости „бить [illegible] Петра и Павла [illegible] силы реакціи [illegible] не дать организ [illegible] спокойно. Агитація [illegible] сенной интенсивностью. [illegible] новыя притяженія [illegible] ствіи. Настроеніе [illegible] жать, но едва ли [illegible] питое, какъ у [illegible] одной стороны [illegible] другой — [illegible] манифестаціи [illegible] Область нашей [illegible] ется громадный [illegible]

Вчера мы разбрасывали [illegible] „Первая побѣда [illegible] рода, перемѣстились [illegible]

Екатеринодаръ 13 го Іюля [illegible] Владикавказской [illegible] комитетомъ. Вслѣдствіе [illegible] ская, Тихорѣцкая [illegible] пространяются [illegible]

Въ Ставрополѣ [illegible] полугодовые [illegible]

Ростовъ на Дону 16-го іюля [illegible] отъ всей Россіи. Во [illegible] такъ что тоже телеграфное [illegible] Движеніе быстро [illegible] дошло до Ростова. [illegible] мастерскихъ, рабочіе [illegible]

[illegible] рядомъ жандармовъ удалось „успокоить" рабочихъ на время, причемъ было 8 раненыхъ, изъ которыхъ одинъ рабочій, не приходя въ сознаніе умеръ сегодня въ больницѣ. Требованія рабочихъ слѣдующія: увеличеніе жалованья на 25%, назначеніе квартирныхъ отъ 2 руб до 10 руб., выдача освѣщенія и отопленія, введеніе выдачи провизіонныхъ билетовъ и безплатное пользованіе баней.

Управленіе желѣзныхъ дорогъ рѣшило не удовлетворять рабочихъ, а выгнать ихъ изъ казенныхъ квартиръ. Вчера забастовали всѣ извозчики, 2-3, выѣхавшіе на работу были избиты, требуютъ, чтобы никто не имѣлъ права арестовывать ихъ лошадей и экипажей; 2) чтобы трамвай не останавливался около городского сада и работалъ всего до 9 час. вечера; 3) право ночью договариваться за полуторную плату съ пассажирами въ Нахичеванѣ; 4) отмѣна наказанія за слѣзаніе съ козелъ; 2) право получать вознагражденіе безъ суда за увѣчья въ рельсахъ трамвая; 6) вѣжливое обращеніе со стороны полиціи; 7) уплата полиціей за пользованіе извозчиками при исполненіи служебныхъ обязанностей; 8) отвѣтственность пассажировъ за оскорбленіе; 9 право свободно собираться для обсужденія своихъ нуждъ; 10) право имѣть кассу самопомощи.

Сегодня была сходка на Темерникѣ. Сейчасъ будутъ похороны убитаго рабочаго и ждутъ серьезнаго столкновенія съ войсками. Городъ принялъ совершенно военный видъ. Ѣздятъ патрули, повсюду ненавистные бѣлые мундиры и золотые погоны.

Рабочіе всѣ въ красныхъ рубашкахъ. Всѣ запасаются оружіемъ. На завтра ждутъ всеобщей забастовки. Вчера въ городскомъ саду провокацію маленькое столкновеніе съ полиціей, но было видѣть испуганныя лица этой клики. Ничего серьезнаго не было но покалотили двухъ городовыхъ. Затѣмъ былъ колоссальный пожаръ, горѣлъ заводъ Чурзинина, черная сотня работала со карманной части. Забастовала фабрика Кушнарева. Завтра всѣ бастуютъ. Предполагается забастовка на Екатеринославской желѣзной дорогѣ.

Ростовъ на Дону. 11-го Іюля. Сегодня арестовали мастерскую в 500 человѣкъ за городомъ въ 4 часахъ ихъ [illegible] городовыхъ по этому случаю [illegible] работе. Взятыхъ изъ желѣзной [illegible] На встрѣчу [illegible] три [illegible] разбили путь. Вагоны управляемые красными [illegible] Вчера [illegible] [illegible] всѣ [illegible] [illegible] [illegible]

Напряженная атмосфера, разрядившаяся, более чем какая либо иная, благоприятствует инициативе, и отсюда как мы видели выше.

В ближайшую очередь. 1) Штабс-капитан гвардейского Волынского полка Оковозвит въ памятный Вербный понедѣльникъ [illegible] дать приказъ застрѣлить двухъ еврейскихъ [illegible], раздававшихъ въ это время прокламаціи. 2) Гусарскій [illegible] Шмидтъ въ февральскіе дни лично зарубилъ шашкой [illegible] политехника, пытавшагося бѣжать въ воротахъ. Кромѣ того, солдаты просятъ отмѣтить: 3) возмутительно грубое [illegible] солдатами поручика Волынскаго полка Вильчинскаго и 4) шпона-доносчика—фельдфебеля 10 роты III Варшавскаго полка Лѣсенко.

Екатеринославъ. Надняхъ солдаты двухъ батальоновъ запасного полка заявили коллективный протестъ противъ ужасныхъ [illegible] въ кухнѣ: мясо сгнило, были какіе то помои. Всего суда, около 55 ведеръ, были вылиты на полъ кухни, и солдатскими группами пошли жаловаться къ офицерамъ. Съ точки зрѣнія военной, это было ужаснѣйшее нарушеніе дисциплины: раздается жаловаться въ одиночку, а не скопомъ, и то не непосредственно офицерамъ, а пройдя всѣ ступени, начиная съ [illegible] взводнаго. Офицеры были до того перепуганы, что никто не вышелъ сначала къ солдатамъ: имъ, вѣроятно, мерещились одесскія событія. Въ результатѣ они обратились чуть [illegible] съ извиненіемъ къ солдатамъ, выдали имъ чай, сахаръ и по ¼ ф. колбасы. Этотъ фактъ былъ прекрасно утилизированъ. Когда одинъ изъ офицеровъ, послѣ того, какъ все улеглось, [illegible] поставить одного изъ зачинщиковъ „подъ ружье“ (!) по уставу, за это слѣдуетъ два года дисциплинарнаго батальона), то немедленно, по нашему настоянію, вся рота стала [illegible], чтобы также стать подъ ружье. Это было такимъ [illegible] симптомомъ, что офицеръ поспѣшилъ освободить его [illegible] наказанія, передавъ это приказомъ черезъ позванного изъ [illegible] комнату фельдфебеля, и принять видъ ничего не знающаго [illegible] томъ, что дѣлается въ казармѣ.

С. Запорожье-Каменское Екатерин. губ. (9 Іюля 1905 г.). Революціонная волна, охватившая всѣ крупные центры Россіи, затронула и глубоко всколыхнула такія глухія мѣста, гдѣ полгода [illegible] назадъ и не снилось глубокимъ сномъ. Примѣромъ такого быстраго пробужденія широкихъ массъ служитъ рабочее населеніе с. Каменскаго. Петербургскія событія, вызвавшія по всей Россіи стачечную волну, подняли и рабочихъ Днѣпровскаго завода (всего работаетъ 9—10, тысячъ человѣкъ). Сознательныхъ рабочихъ, которыхъ къ тому времени было немного, удалось вывести забастовку. Но они не въ силахъ были использовать ее, и послѣ трехдневнаго перерыва работы возобновились, причемъ почти ни одно изъ требованій рабочихъ не было удовлетворено. Нечего говорить о томъ, что настроеніе послѣ забастовки было самое угнетенное. Но глухое броженіе не прекратилось и, наконецъ, вылилось въ одинъ общій протестъ противъ тѣхъ рабочихъ и мастеровъ, которые работали чѣмъ-нибудь [illegible] время забастовки. Почти двѣ недѣли продолжалась [illegible] на тачкахъ всѣхъ, противъ кого рабочіе были враждебно настроены. Мы воспользовались этимъ общимъ возбужденнымъ настроеніемъ и на почвѣ всѣхъ событій, переживавшихся въ тотъ моментъ Россіей, и, въ частности, на почвѣ тѣхъ событій, которыя имѣли отношеніе только къ заводу, повели усиленную агитацію. За три мѣсяца намъ удалось устроить три организованныхъ массовки, на которыхъ, въ общемъ, было человѣкъ 700 — 800, и нѣсколько митинговъ въ заводѣ и около завода, на которыхъ было по 1000 и по 3000 человѣкъ. Кромѣ того, мы организовали регулярно функціонирующія летучки и т. п. Въ середнѣ мая мы устроили на островѣ массовку, на которой было около 200 чел. Послѣ рѣчей двухъ ораторовъ публика съ пѣніемъ „Марсельезы“, „Варшавянки“ и т. д. и ред. національными возгласами двинулась въ село. Импровизированная демонстрація прошла очень удачно и подняла настроеніе массы. Черезъ нѣкоторое время мы устроили у воротъ завода митингъ, который тоже закончился демонстраціей. Настроеніе публики было сильно приподнятое и на 7-ое іюня мы назначили демонстрацію на музыкѣ. На условленномъ пунктѣ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ и съ пѣніемъ и возгласами пошли по улицѣ. Толпа ежеминутно увеличивалась и къ серединѣ пути выросла до 2 — 3 тысячъ человѣкъ. Когда демонстрація кончилась и почти всѣ участники ея разошлись, на улицу высыпала [illegible] публика, не принимавшая участія въ демонстраціи. На это время нагрянули конные городовые и нагайками начали избивать публику. Пострадали, главнымъ образомъ, посторонніе; изъ участниковъ демонстраціи избито всего 3-4 человѣка.

На 23 іюня мы рѣшили устроить однодневную политическую забастовку для выраженія своей солидарности съ Одесскими, Лодзинскими, Екатеринославскими и другими товарищами. Угонъ нѣсколько наиболѣе сознательныхъ отдѣленій бросили работу и пошли снимать съ работы другія отдѣленія. Но до [illegible] и мартеновскомъ отдѣленіяхъ, гдѣ работаетъ самая темная масса, нашихъ товарищей встрѣтили валиками и кирками. Руководилъ этимъ начальникъ-инженеръ Семашко[1]). Не которые наиболѣе горячіе изъ товарищей не выдержали и отвѣтили тѣмъ же. Въ результатѣ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько [illegible]. Но къ полудню не работалъ почти весь заводъ, и мы сорганизовали митингъ, на которомъ было около 1000 чел. Послѣ ½ часовой рѣчи оратора митингъ окончился демонстраціей, число участниковъ которой достигло 2 тыс. человѣкъ.

Въ послѣднее время, особенно послѣ политической забастовки, полиція стала организовывать черную сотню. На заводѣ распространяются антисемитскія газеты (особенно „День“). На базарѣ какія-то темныя личности ораторствуютъ о необходимости „бить поляковъ, жидовъ и демократовъ“. Къ празднику Петра и Павла (29 іюня) дѣятельно мобилизовались всѣ темныя силы реакціи. Всѣ ждали погрома. Сознательные рабочіе рѣшили дать организованный отпоръ громилямъ. Но день прошелъ спокойно. Агитація не прекратилась и ведется даже съ особенной интенсивностью. Въ послѣднее время на заводѣ пошли [illegible] притѣсненія. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ появили расчеты. Нѣкоторыя изъ нихъ нѣсколько разъ собирались бастовать, но ждутъ пріѣзда директора. Настроеніе сильно приподнятое, какъ у сознательныхъ, такъ и у несознательныхъ. Съ одной стороны, притѣсненія администраціи и наша агитація, съ другой — агитація полиціи. На 10-е іюня ждутъ патріотической манифестаціи, которая можетъ превратиться въ погромъ.

Область нашей дѣятельности быстро расширяется. Чувствуется громадный недостатокъ въ литературѣ.

Вчера мы распространили 1000 экземпляровъ листка Искры: „Первая побѣда революціи“ (о переходѣ войскъ на сторону народа, перепечатка Екат. Ком.).

Екатеринодаръ, 13-го іюля. Началась забастовка по линіи Владикавказской желѣзной дор., организованная Кубанскимъ комитетомъ. Бастуютъ: Гроэный, Минеральныя Воды, Кавказская, Тихорѣцкая, Екатеринодаръ, Новороссійскъ. Всюду распространяются прокламаціи Кубанскаго комитета.

Въ Ставрополѣ 9-го іюля была демонстрація по поводу [illegible] годовщины январскихъ петербургскихъ событій.

Ростовъ на Дону. 16-го іюля. Третій день Кавказъ отрѣзанъ отъ всей Россіи. Въ четвергъ забастовали служащіе телеграфа, такъ что тоже телеграфное сообщеніе съ Кавказомъ прервано. Движеніе быстро распространилось по всей линіи и вчера дошло до Ростова. Забастовали служащіе желѣзно дорожныхъ мастерскихъ, разбили телеграфъ на вокзалѣ. Вывѣшанныя от-

[1]) Этотъ же Семашко, какъ только сознательныя отдѣленія начинаютъ волноваться и готовиться къ революціоннымъ актамъ, напускаетъ темную публику и проповѣдуетъ ей о необходимости избіенія всѣхъ „жидовъ и демократовъ“.

рядомъ инженерныхъ уловокъ „уговорить“ рабочихъ не [illegible], причемъ было 8 рецидивовъ, изъ которыхъ одинъ рабочій, не [illegible] въ сознаніе тверд сегодня въ больницѣ. Требованія рабочихъ слѣдующія: увеличеніе заработной платы на 20%, [illegible] квартирныхъ отъ 2 руб до 10 руб., выдача освѣщенія и отопленія, введеніе выдачи провизіонныхъ билетовъ и безплатное пользованіе банями.

Управленіе желѣзныхъ дорогъ рѣшило не удовлетворять рабочихъ, а выгнать ихъ изъ казенныхъ квартиръ. Вчера забастовали всѣ извощики, 2-3, выѣзжавшіе на работу были избиты, требуютъ, чтобы никто не имѣлъ права арестовывать ихъ кокшадей и экипажей; 2) чтобы трамваи не останавливались около городского сада и работалъ всего до 9 час. вечера; 3) право ночью договариваться за полуторную плату съ пассажирами въ Нахичеванѣ; 4) отмѣна наказанія за слѣзаніе съ козелъ; 5) право получать вознагражденіе безъ суда за увѣчья въ рельсахъ трамвая; 6) вѣжливое обращеніе со стороны полиціи; 7) уплата полиціей за пользованіе извощиками при исполненіи служебныхъ обязанностей; 8) отвѣтственность пассажировъ за оскорбленіе; 9) право свободно собираться для обсужденія своихъ нуждъ; 10) право имѣть кассу самопомощи.

Сегодня была сходка на Темерникѣ. Сейчасъ будутъ похороны убитаго рабочаго и ждутъ серьезнаго столкновенія съ войсками. Городъ принялъ совершенно военный видъ. Ѣздятъ патрули, повсюду вонзаются бѣлые мундиры и золотыя погоны.

Рабочіе всѣ въ красныхъ рубашкахъ. Всѣ запасаются провизіей. На завтра ждутъ всеобщей забастовки. Вчера въ городскомъ саду произошло маленькое столкновеніе съ полиціей, видо было видѣть испуганныя лица этой клики. Ничего серьезнаго не было, но покалотили двухъ городовыхъ. Затѣмъ былъ колоссальный пожаръ, горѣлъ заводъ Чурванина, черная сотня работала по карманной части. Забастовала фабрика Кушнарева. Завтра всѣ бастуютъ. Предполагается забастовка на Екатерининской желѣзной дорогѣ.

Ростовъ на Дону. 11-го іюля. Сегодня арестовали массовку въ 500 человѣкъ за городомъ въ 4 часа ночи. Въ городѣ ждутъ безпорядковъ по этому случаю. Сегодня забастовали рабочіе Владикавказской желѣзной дороги. На станціи Тихорѣцкой сошли три паровоза, разобрали путь. Вагоны украшены красными флагами. Въ Ростовѣ послѣ завтра 12-го ждутъ всеобщей забастовки и еврейскаго погрома, провоцируемаго черной сотней.

Пишетъ изъ Воронежа. Жизнь вокругъ бурлитъ. Мобилизація прошла, правда, спокойно, но это спокойствіе больше внѣшнее. Большое значеніе [illegible] заключаютъ въ ближайшее время. Во многихъ мѣстахъ убѣгающіе [illegible] угоненіями, а въ Полтавской губ. предводитель дворянства раз[illegible] участки въ аренду на неслыханно выгодныхъ условіяхъ. Въ одномъ селѣ, гдѣ крестьяне не хотѣли идти въ уѣздъ, гор[illegible] отставали ихъ. Батюшка съ крестомъ въ рукахъ убѣждалъ [illegible] отсталыхъ и колеблющихся. Несмотря на все это, настроеніе [illegible] нервное. Въ Кіевѣ запасные побили ни за что околоточнаго и двухъ городовыхъ и часто отказываются отдавать честь офицерамъ. Дисциплина повсюду страшно пошатнулась. Въ Ташкентѣ вчера[illegible] іюня забунтовался весь саперный ташкентскій батальонъ: въ видахъ экономіи, новый полковникъ уменьшилъ порцію мяса и лишилъ батальонъ выдачи чая и сахара (привилегія мѣстныхъ войскъ, вызванная климатическими условіями).

Батальонъ забунтовался весь и противъ него выслали казаковъ, но такъ какъ саперы заявили, что они минировали лагери и, въ случаѣ нападенія, взорвутъ и себя и нападающихъ, то казаки отступили. Въ результатѣ полковникъ удовлетворилъ требованія батальона.

Въ Брестъ-Литовскѣ въ 119 саперномъ батальонѣ запасные не явились на строевыя ученія. Капитанъ третьей роты собралъ ихъ у воротъ въ казармахъ (днемъ они разбѣгались и собрать ихъ было нельзя) и началъ имъ читать нотацію. Запасные окружили его плотнымъ кольцомъ и заявили, что если онъ ихъ отецъ, а они его дѣти, то пусть онъ имъ сперва покажетъ, какъ онъ о нихъ печется, и тогда они, съ своей стороны, видя его старанія, постараются для него. Толпа солдатъ вела капитана самъ-десятъ до его квартиры, якобы качая его, а въ дѣйствительности шпиля и толкая. Капитанъ еле вырвался и больше не заводилъ уже рѣчи о дисциплинѣ и плохой службѣ.

Въ Елисаветградскомъ и Уманскомъ уѣздахъ во время крестьянскихъ безпорядковъ (они были, кстати, вызваны „Спілкой“), усмиряли драгуны-татаре, русскіе же колебались и многіе плакали. Пѣхота въ нѣсколькихъ мѣстахъ прямо говорила крестьянамъ: „мы во васъ стрѣлять не будемъ“.

Солдаты необыкновенно поражены полнымъ отсутствіемъ хлѣба [illegible] частнаго успѣха русскихъ войскъ. „Воевали мы съ туркой“, говорятъ они: „на что ужъ съ нимъ трудно было, а все таки, то онъ насъ побѣдитъ, то мы его, а тутъ хоть бы разъ побѣда была“, говоритъ бравый солдатъ, въ недоумѣніи разводя руками, а въ голосѣ звучитъ неподдѣльная обида. „Нѣтъ, видно, порядки у насъ плохіе“, заключаетъ онъ и затѣмъ идетъ критика, и самая безпощадная, всего строя. „Японецъ, онъ образованный, у каждаго солдата карта и компасъ, онъ лучше дѣло понимаетъ, чѣмъ нашъ офицеръ“.

Отношеніе къ „Потемкину“ самое опредѣленное — сочувствіе полное и, главное, говорятъ все откровенно, не стѣсняясь, что всякій слышитъ. Одинъ запасной унтеръ-офицеръ, *прослужившій уже годъ* и, слѣдовательно, имѣвшій время вновь втянуться въ психологію „служаки“, объяснялъ причины антисемитскихъ бунтовъ запасныхъ такъ, какъ будто онъ прочелъ „Простыя рѣчи“, а я увѣренъ, что онъ ничего подобнаго не читалъ. Однимъ словомъ, горючаго матеріала масса.

Сознаніе безправія и страстное желаніе освободиться проникаетъ рѣшительно повсюду. Такъ, въ захолустномъ мѣстечкѣ Новогеоргіевскѣ (Херс. губ.) жили тамъ люди смирно, молились за своего пристава (онъ былъ старый чудакъ, не бравшій взятокъ и „распустившій населеніе“). На бѣду онъ умеръ старикъ, и новое начальство начало подтягивать населеніе. Увы! времена ужъ не тѣ. Подъ Тройну горожане устроили бунтъ и маленько помяли бока его благородію. Съ перепугу приставъ лишился разсудка и его отвезли въ психіатрическую больницу въ Москву, а населеніе — и тутъ то любопытнѣе всего отразился духъ времени — сдѣлало постановленіе, что хотятъ имѣть приставомъ помощника его, человѣка, пользующагося хорошей репутаціей. Толпа требовала, чтобы помощникъ пристава, съ своей стороны, подалъ прошеніе о назначеніи его, согласно волѣ населенія, приставомъ. Теперь въ Новогеоргіевскѣ въ отместку за бунтъ подготовляется еврейскій погромъ.

Крестьянскія волненія не перестаютъ занимать общественное вниманіе. Любопытно, какъ въ нихъ переплетается сознаніе необходимости самимъ участвовать въ рѣшеніи своей судьбы и смутное пониманіе связи своего положенія съ общегосударственной политикой и положеніемъ другихъ классовъ (кромѣ помѣщиковъ, конечно), съ другой стороны. Крестьяне прекрасно понимаютъ необходимость участія ихъ делегатовъ въ Учредительномъ Собраніи и во многихъ мѣстахъ уже назначаютъ кандидатовъ. Они въ рядѣ мѣстъ протестуютъ противъ назначенія холерныхъ врачей и вообще противъ холерной комиссіи и мотивируютъ свой протестъ слѣдующимъ образомъ — деньги вамъ платитъ кто? управа? А управа ихъ съ кого получаетъ? съ населенія. Такъ почему же насъ не спрашиваютъ, нужны ли намъ холерные врачи? Деньги то мы платимъ, а распоряжаются другіе. Въ Тамбовской губерніи, въ силу этого, холерные врачи будутъ получать не повышенный окладъ, а обычное жалованье земскихъ врачей. Сознаніе, что крестьяне делегаты будутъ рѣшать всѣ общегосударственныя дѣла, у крестьянъ совершенно отсутствуетъ (я говорю о темной массѣ). Къ работѣ движенія относятся враждебно — получаютъ по 20 руб. въ мѣсяцъ, да съ жиру и бѣсятся — это сплошь и рядомъ от-

[illegible] приказъ въ 9 часовъ. Вчера, [illegible] (сравнительно съ прошлымъ, конечно) [illegible] арестованіе. Далѣе, [illegible] „заводятъ“ распространяютъ печатное слово. Борьба [illegible] почвѣ между интеллигенціей и духовенствомъ идетъ [illegible] отчаянная. Консерваторы начали мобилизовать свои [illegible] и считаю это весьма отраднымъ явленіемъ: въ концѣ концовъ это будятъ мысль, а такъ она, подъ вліяніемъ событій, [illegible] пойдетъ по правильному пути. Маленькій примѣръ изъ [illegible] губернскаго города. Составляется проектъ [illegible] сего адреса. Крестьяне рѣшили, что надо вторично [illegible] царю, и имъ предстоитъ рѣшать, нужно ли [illegible] Николаю или выбрать другого. Долго судили и [illegible] и рѣшили, что пусть еще три года понарствуетъ, [illegible] ему время исправиться, а потомъ можно будетъ и другого выбрать (они, между прочимъ, никакъ не могли сообразить, кого выставить кандидатомъ). Увѣренность въ томъ, что земля скоро будетъ крестьянская — самая полная. Нелегальщина пользуется успѣхомъ. Только очень часто крестьяне не понимаютъ, почему это такія разумныя мысли и требованія, какія выставляются въ брошюрахъ, сказываются въ нихъ съ „нелѣпыми“ требованіями „долой царя“. Одни рѣшаютъ, что это по глупости сдѣлано, а другіе задумываются, и отысканное противорѣчіе не даетъ покоя крестьянской головѣ.

Первый открытый народный митингъ въ Томскѣ.

5 іюля въ первый разъ въ г. Томскѣ, да, пожалуй, и во всей Сибири состоялся и прошелъ очень удачно *открытый* народный митингъ, устроенный мѣстнымъ соціалъ-демократическимъ комитетомъ при постановкѣ памятника товарищу Кононову, убитому 18 января на Томской демонстраціи. Средства для постановки памятника уже давно собирались товарищами убитаго. Мѣстный комитетъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы *перейти отъ массовокъ*, которыя онъ устраивалъ за послѣднее время почти еженедѣльно, *къ открытымъ народнымъ собраніямъ*. И 5 іюля это ему вполнѣ удалось.

За нѣсколько недѣль до митинга, комитетская типографія отпечатала листокъ группы типографщиковъ — товарищей убитаго — съ призывомъ почтить открытіе памятника народнымъ собраніемъ на могилѣ. Затѣмъ въ городскую думу были поданы заявленія отъ группы рабочихъ — товарищей убитаго, а также отъ общества томскихъ книгопечатниковъ съ требованіемъ принять всѣ зависящія отъ думы мѣры для предупрежденія вмѣшательства полиціи въ предстоящій митингъ. Мѣстная дума, однако, не внесла эти запросы на обсужденіе общаго собранія, чѣмъ доказала, что даже крайніе ея элементы могутъ возвыситься только до пустой болтовни по поводу „милостивыхъ“ словъ монарха (18 февраля).

Благодаря дѣятельной агитаціи и устройству нѣсколькихъ подготовительныхъ массовокъ, на каждой изъ которыхъ присутствовало 300 — 600 человѣкъ, городское населеніе, какъ рабочее, такъ и не рабочее, было широко оповѣщено о готовящемся собраніи. Наканунѣ, 4 іюля комитетъ выпустилъ 5000 [illegible] листковъ съ обозначеніемъ мѣста, дня и часа (7 ч. вечера) народ[illegible] собранія.

Къ назначенному [illegible] часу на кладбище потянулась масса разнообразнаго народа. [illegible] сходная толпа — по общимъ отличительнымъ характерно народа. [illegible] — по составу, окружила могилу нашего — не меньше какъ въ 2000 чел. [illegible] хоръ исполнилъ [illegible] товарища. Вначалѣ, прекрасно [illegible]. Затѣмъ товарищъ-предсѣдатель открылъ собраніе. Перед[illegible] мѣстный рабочій изъ организаціи Томскаго Комитета и прочелъ [illegible] біографію товарища Кононова. Послѣ него сказалъ рѣчь [illegible] ораторъ отъ комитета. Хоръ исполнилъ: „Смѣло, друзья, не [illegible]“. Позже выступали ораторы отъ учащихся, отъ [illegible] желѣзнодорожныхъ служащихъ и отъ имени революціонного студенчества. Въ перерывѣ было прочтено: „Дружно, [illegible] рищи, въ ногу.“

На могилу было возложено 15 вѣнковъ: 1) „Товарищу — борцу за освобожденіе рабочаго класса“. — Томскъ. Комитетъ Россійской Соціально-демократической Рабочей Партіи“. 2) „Не говори: онъ умеръ, онъ живетъ... І. Е. Кононову отъ общества книгопечатниковъ“. 3) „Слава борцу, павшему за свободу! Долгому Іосифу отъ товарищей книгопечатниковъ“. 4) „Жертвѣ самодержавнаго произвола, отъ группы рабочихъ депо станціи Томскъ“. 5) „Борцу за рабочее дѣло І. Е. Кононову отъ группы рабочихъ депо ст. Тайга“. 6) „Товарищу — борцу за свободу І. Е. Кононову, отъ томскихъ рабочихъ“. 7) „Борцу свободы І. Е. Кононову отъ работницъ г. Томска“. 8) „Рабочему-борцу, павшему за свободу, отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ“. 9) „Отважному борцу за свободу І. Е. Кононову, отъ группы добровольцевъ пожарныхъ“. 10) „Борцу за свободу, павшему жертвой произвола 18 января 1905 г., отъ товарищей фармацевтовъ“. 11) „Отъ учащихся“. 12) „Отъ революціонному студенчества“. 13) „Отъ столяровъ г. Томска“. 14) „Отъ врачей“ и 15) изъ живыхъ цвѣтовъ, неизвѣстно отъ кого. Всѣ вѣнки были съ красными лентами, кромѣ одного — отъ общества книгопечатниковъ съ трауроной лентой.

Въ концѣ собранія было поднято огромное красное знамя съ надписью: „Да здравствуетъ Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія!“ — то самое знамя, которое было на демонстраціи 18 января. Всѣмъ присутствующимъ торжественно была прочтена рабочая марсельеза.

Во время митинга была разбросана масса прокламацій Томск. Ком. двухъ родовъ: „Къ рабочимъ Сиб. и Забайкальской дорогъ“ и „Надъ могилой“.

Полиція не вмѣшивалась. И только, когда расходившаяся публика заполнила прилегающія къ кладбищу улицы, мимо нея продефилировали сотни казаковъ, полицейскихъ и много полицейскихъ, причемъ вся эта компанія удостоилась въ догонку отъ расходившагося народа, оглушительныхъ свистковъ. Впечатлѣніе, произведенное какъ на присутствующихъ, такъ и на весь городъ, огромное.

Томскъ. Наканунѣ митинга началась стачка типографіи Яковлева. 8-го іюля была за городомъ устроена массовка, которая была отчасти посвящена этой забастовкѣ. На массовкѣ присутствовало отъ 600 до 700 человѣкъ. Пришли забастовавшіе въ этотъ же день работницы изъ монополіи. На массовкѣ говорили о первомъ открытомъ народномъ митингѣ, о значеніи открытаго выступленія, о связи между экономической и политической борьбой и о хожденіи либераловъ къ царю. Право на загородныя собранія нами завоевано.

9-го было собраніе забастовавшихъ типографщиковъ совмѣстно съ забастовщиками изъ монополіи. Бастующіе типографщики разослали всѣмъ прочимъ типографіямъ приглашеніе поддержать ихъ забастовкой. Комитетъ предлагаетъ забастовщикамъ, выставивъ свои требованія, взять на себя иниціативу устройства политическаго митинга, какъ лучшаго средства привлечь общее сочувствіе и побудить администрацію воздѣйствовать на хозяевъ.

Сегодня, 11-го іюля, стачка разрослась почти во всеобщую. Газеты сегодня не вышли. Полиція почему то приказала закрыть магазины, что вызвало панику. Черезъ часъ-два нѣкоторые закрытые магазины снова начали отпираться. Ежедневно комитетъ устраиваетъ большія массовки.

Рабочіе подаютъ заявленіе въ думу и губернатору съ требованіемъ свободы собраній. [illegible]ать, что [illegible] анаціонное

Красноярскъ. 31 мая здѣсь произошла демонстрація. Наша же [illegible] шествовало засѣданіе общества врачей въ народ[illegible]. Публики (рабочихъ и интеллигентовъ) было около [illegible] Мѣстными радикалами былъ произнесенъ рядъ [illegible] готовскій говорилъ: о „союзахъ и партіяхъ, Мо[illegible] полномъ успѣхѣ [illegible] рательномъ правѣ и Карауловъ „Учредитель[illegible] къ революціонному [illegible] а несо-

его добиться". Это былъ, собственно говоря, интегралъ радикаловъ, который долженъ былъ пройти по опредѣленной программѣ, а списокъ ораторовъ былъ заранѣе установленъ. Послѣ послѣдней рѣчи предсѣдатель—докторъ Крутовскій—объявилъ засѣданіе закрытымъ. Тогда выступилъ съ рѣчью соц.-дем., говорившій на тему о народномъ возстаніи. По окончаніи его рѣчи были распространены листки Спб. союза Р. С. Д. Р. П.—„Коммюнисія Булыгина" и раздалось пѣніе „Варшавянки". Сигналъ къ революціонныхъ пѣсенъ, вся масса двинулась на улицу, гдѣ и были выкинуты знамена и всѣ двинулись съ пѣніемъ по главной улицѣ. Демонстранты, прошедши четыре квартала, остановились, чтобы слушать рѣчь, но въ это время раздалось нѣсколько выстрѣловъ (стрѣлялъ одинъ изъ демонстрантовъ въ воздухъ!), произведшихъ замѣшательство въ толпѣ (часть даже съ криками: „казакиі" бросилась въ разсыпную) и панику въ рядахъ полиціи. До этого момента полиція, заранѣе обезоруженная губернаторомъ, была, что называется, въ растерянномъ состояніи, и, недоумѣвая, что дѣлать, оглядывала демонстрантовъ; послѣ же выстрѣловъ во главѣ съ полиціймейстеромъ бросилась бѣжать. Демонстрація продолжалась еще съ четверть часа, а затѣмъ публика спокойно разошлась. Эта—первая въ Красноярскѣ—демонстрація произвела огромное впечатлѣніе на обывателей и внесла весьма большое оживленіе въ ряды рабочихъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Протоколъ совѣщанія 12-го іюля между представителями Организац. Ком. и Центральнаго Ком. Р. С. Д. Р. П.

Представитель Организ. Ком. заявилъ, что обсужденіе резолюцій 1-ой общерусской конференціи произошло уже въ значительной части организацій, связанныхъ съ Орган. Ком., и что настроеніе этой части по вопросу о партійномъ объединеніи выразилось при этомъ достаточно опредѣленно и оказалось достаточно однороднымъ, чтобы возможно было подвести ему приблизительные итоги. Сущность этихъ итоговъ сводится къ слѣдующему:

1) Между обѣими частями Рос. Соц. Дем. Раб. Парт. въ гораздо большей мѣрѣ желательно прямое и полное объединеніе, чѣмъ частичныя соглашенія, практическое осуществленіе которыхъ встрѣчаетъ значительныя затрудненія въ фактѣ существованія обособленныхъ организаціонныхъ аппаратовъ.

2) Объединеніе это не можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ достигнуто посредствомъ общаго съѣзда, такъ какъ организовать такой съѣздъ не представляется возможнымъ по причинамъ практическаго характера (принципіально же рѣшеніе вопросовъ партійной жизни посредствомъ съѣздовъ признается, конечно, возможнымъ.)

3) Такимъ образомъ, объединеніе должно быть достигнуто безъ съѣзда, путемъ достаточныхъ взаимныхъ уступокъ обѣихъ частей партіи.

4) Тотъ минимумъ уступокъ, который, по мнѣнію большинства участвовавшихъ высказался организацій, обусловилъ бы возможность немедленнаго объединенія, лежитъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ организаціонныхъ отношеній, такъ какъ тактическія „резолюціи „третьяго съѣзда", при всѣхъ различіяхъ съ постановленіями конференціи, какими противоположными въ этомъ смыслѣ не представляются.

5) Этотъ минимумъ сводится къ слѣдующимъ *обязательнымъ* реформамъ:

а) Для усиленія вліянія периферіи на партійныя дѣла, во всѣхъ мѣстныхъ организаціяхъ районныхъ комитетовъ должны быть даны рѣшающій голосъ по вопросамъ общей политики этихъ мѣстныхъ организацій.

б) Съ той же цѣлью всѣмъ организованнымъ рабочимъ должно быть дано право рѣшающаго голоса по отношенію ко всѣмъ случаямъ массового выступленія. Въ этихъ случаяхъ подавляющее большинство организованныхъ рабочихъ обязательно должно имѣть комитетовъ.

в) Для боле полнаго проявленія коллективной воли партіи въ промежуткахъ между съѣздами должны организовываться „центральныя конференціи" изъ представителей областныхъ комитетовъ или, пока это не осуществимо, изъ представителей отъ важнѣйшихъ мѣстныхъ комитетовъ и группъ комитетовъ. Директивами этихъ центральныхъ конференцій объявлять руководиться Центральный Комитетъ по отношенію къ общему плану важнѣйшихъ политическихъ кампаній.

г) Центральный Комитетъ включаетъ въ свой составъ представителей обѣихъ частей партіи.

д) Въ случаѣ объединенія обѣихъ частей партіи, органы „Искра" и „Пролетарій" должны оба функціонировать въ качествѣ официальныхъ органовъ партіи, свѣдобныхъ въ ея цѣлой той или иной тактической позиціи. Заголовокъ „Ц. О." либо снимается за обоими органами, либо снимается съ того и другого.

На основаніи этихъ минимальныхъ требованій, заявилъ представитель О. К. —уже многія организаціи, принимающія на первой конференц..., уполномочили О. К. вести предварительные переговоры объ объединеніи, чѣмъ отнюдь не включаются одновременные переговоры о конкретныхъ тактическихъ и техническихъ соглашеніяхъ.

Обсудивши заявленія представителя О. К., Центр. Ком. постановилъ отвѣтить на нихъ слѣдующее:

(Примѣчаніе. Пунктъ д. отложенъ обсужденіемъ до слѣдующаго совѣщанія въ виду желательности предварительно снестись по этому вопросу съ редакціями обоихъ органовъ).

Ни одинъ изъ 4—хъ пунктовъ минимальныхъ условій объединенія, изложенныхъ представителемъ О. К., не стоитъ въ *принципіальномъ* противорѣчіи съ основами организаціоннаго устава, выработаннаго третьимъ съѣздомъ; къ сожалѣнію, не всѣ эти условія осуществимы въ той мѣрѣ, въ какой они желательны.

Расширеніе вліянія периферіи желательно въ высшей степени, и предоставленіе рѣшающаго голоса районнымъ комитетамъ, а особенно всѣмъ организованнымъ рабочимъ, согласно пунктамъ а и б, можно только горячо привѣтствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по мѣстнымъ условіямъ это окажется безъ серьезнаго ущерба практическія осуществимо. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ это является только невыполнимымъ желаніемъ. Навязывать же эти реформы мѣстнымъ организаціямъ, которыя нашли бы неудобнымъ ввести ихъ, Ц. К. считаетъ себя, кромѣ того, рѣшительно не вправѣ, такъ какъ это противорѣчило бы той автономіи, которую съѣзды гарантировали мѣстнымъ организаціямъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ.

Центр. Ком. находитъ, что его работа была бы значительно облегчена, еслибъ онъ могъ получать тактическія директивы отъ Центральныхъ Конференцій, о которыхъ говорится въ пунктѣ в. Но онъ полагаетъ, что организація представительства партіи въ этихъ конференціяхъ встрѣчаетъ громадныя трудности—по существу, тѣже самыя, какія встрѣчаетъ организація партійныхъ съѣздовъ. Если со стороны технической и конспиративной трудности въ этомъ случаѣ меньше, то онѣ еще больше со стороны вопроса о правильности представительства различныхъ организацій и группъ организацій: трудность выбрать общаго представителя отъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ организацій, разногласія по вопросу о томъ, какія организаціи достаточно значительны, чтобы имѣть своихъ отдѣльныхъ представителей, и т. п. Не считая, поэтому, что на можемъ брать на себя обязательство инициативы по созыву ихъ конференцій, Центр. Ком. оказалъ бы, однако, возможное содѣйствіе всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи со стороны всѣхъ партійныхъ организацій.

Что касается пункта г., то по существу онъ вполнѣ пріемлемъ, ученіе вызоветъ пункта г., то по существу онъ вполнѣ пріемлемъ, ученіе вызоветъ лишь въ конкретному соглашенію обѣихъ сторонъ.

И къ пункту д. Мы думаемъ, что условія, выставленныя Организаціонно Комиссіей, представляются необходимыми для обезпеченія Органа, какъ цѣлаго, отъ всякихъ случайностей. Совмѣстная работа представителей обѣихъ сторонъ, всякая попытка ихъ возстановленія, если она не будетъ опираться на большую самостоятельность въ партійныхъ дѣлахъ нашей рабочей периферіи, если организаціонный фундаментъ партійной работы не станетъ шире. Очень жаль, поэтому, что на вопросъ объ этихъ именно гарантіяхъ прочности Ц. К. пока далъ чрезвычайно уклончивый отвѣтъ, едва ли совпадающій съ мнѣніемъ всей той массы „большевиковъ" которая и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Одессѣ, и въ Екатеринославѣ, и на съѣздахъ заграничныхъ группъ содѣйствія, одинаково требуетъ объединенія. Эта масса, большей частью, „периферійныхъ" работниковъ, которая сама поставила на очередь вопросъ о немедленномъ объединеніи, едва ли согласится съ той мыслью, что въ большинствѣ случаевъ предоставленіе „периферіи" рѣшающаго голоса въ партійныхъ дѣлахъ „невозможно." Напротивъ того, стоя передъ фактомъ ожесточенныхъ раздоровъ между верхушками обѣихъ фракцій, периферія пришла уже къ сознанію, что только черезъ *ея* посредство организаціонныя „тренія" могутъ достигнуть необходимой степени смягченія.

„Меньшинство", если не желаетъ повторять печальнаго опыта прошлогодняго соглашенія съ тогдашнимъ Ц. К., обязано добиваться прежде всего этой гарантіи прочнаго мира. Разъ эта гарантія будетъ внѣшася, то такіе вопросы, какъ вопросъ о составленіи партійнаго центра изъ представителей обѣихъ фракцій рѣшатся сами собой, и его не придется оговаривать, какъ особое условіе. Какъ многократно указывалось на нашей конференціи, всѣ вопросы о личныхъ комбинаціяхъ, будучи вводимы, какъ самостоятельное условіе соглашенія, представляютъ то неудобство, что даютъ неумнымъ людямъ поводъ сводить весь споръ къ вопросу о „кооптаціи" и „портфелях" и съ спокойной совѣстью уклоняться отъ существа спорнаго вопроса.

№ уже былъ сверстанъ, когда мы прочли въ № 11 „Пролетарія" „Открытое письмо къ Орг. Ком.", подписанное Ц. К. К. Къ этому письму мы еще вернемся.

КОНФЕРЕНЦІЯ СИБИРСКИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ

Намъ пишутъ: въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялась конференція сибирскихъ социалъ-демократическихъ работниковъ. Присутствовало болѣе 30 человѣкъ, изъ нихъ около 1/3 рабочіе. Продолжалась 7 дней.

Пока сообщаю только наиболѣе важныя резолюціи.

Резолюція о III съѣздѣ.

Выслушавъ докладъ своего делегата, отказавшагося принять участіе въ такъ называемомъ III съѣздѣ послѣ того, какъ имъ были узнаны всѣ обстоятельства созыва этого съѣзда, и выслушавъ доводы, направленные за и противъ этого съѣзда, общесибирская конференція не можетъ признать такъ называемаго III съѣзда партійнымъ съѣздомъ и считаетъ его съѣздомъ одной части партіи.

Исходя изъ такого отношенія къ съѣзду, конференція предлагаетъ сибирскимъ комитетамъ встать по отношенію какъ къ той, такъ и къ другой части Партіи въ одинаково *нейтральныя* отношенія (за — 16 голосовъ, противъ — 3, воздержалось — 7).

Резолюція о проектѣ общерусской организаціи предложенномъ конференціей партійныхъ работниковъ для объединенія Партіи.

Исходя изъ того: 1) что III съѣздъ ни съ точки зрѣнія формальной, ни тѣмъ болѣе по существу — не можетъ быть признанъ *партійнымъ* съѣздомъ.); 2) что планъ общерусской организаціи, предложенный конференціей съ цѣлью подготовки партійнаго единства и *партійнаго* съѣзда для оформленія уже достигнутаго объединенія, не противорѣчитъ взглядамъ на организаціонную работу, раздѣляемымъ нами, а является въ данный моментъ партійной и политической жизни наиболѣе практическимъ, исходя изъ всего этого, конференція высказываетъ *въ общемъ за него*, оставляя за собой право вносить коренные измѣненія и дополненія въ этотъ проектъ на предстоящей общерусской конференціи (за — 14 голосовъ, противъ — 4, воздержалось — 8).

Резолюція о 1-й общерусской конференціи внутри Россіи, подготовляемой Организаціонной Комиссіей.

Признавая огромное значеніе въ дѣлѣ объединенія Партіи за устройствомъ областныхъ и общерусскихъ конференцій, конференція Сибирскаго Союза выражаетъ пожеланіе, чтобы работы особенно первой конференціи, въ которой мы готовы принять участіе — главнымъ образомъ были направлены на рѣшеніе вопросовъ партійнаго объединенія.

Кромѣ того, общесибирская конференція самымъ рѣшительнымъ образомъ предъявляетъ требованіе къ Организаціонной Комиссіи въ томъ смыслѣ, чтобы ею были использованы всѣ зависящія отъ нея мѣры и средства для привлеченія къ участію въ предстоящей общерусской конференціи какъ центральныхъ учрежденій другой части Партіи, такъ и мѣстныхъ организацій, примыкающихъ къ III съѣзду (за — 19, противъ — 3, воздержалось — 4).

Резолюція о періодическихъ органахъ.

Ознакомившись съ резолюціями „съѣзда" о Центральномъ Органѣ и о „Взорвалъ", конференція сибирскихъ работниковъ не опредѣляя своего отношенія ни къ „Искрѣ" ни къ „Впередъ", въ то же время не можетъ признать ни „Искры", ни „Пролетарія", созданнаго „III съѣздомъ", центральнымъ органомъ Партіи, хотя бы потому, что въ настоящее время единой партійной организаціи не существуетъ (за — 19, противъ — 2, воздержалось — 6).

При параллельномъ разсматриваніи резолюцій съѣзда и конференціи, сибирская конференція примкнула къ большинству резолюцій конференціи партійныхъ работниковъ, за исключеніемъ резолюціи „о неоформленныхъ организаціяхъ", которая признана неясной, требующей разъясненія и противорѣчивой. Разногласія, особенно по нѣкоторымъ изъ резолюцій, хотя и признаны весьма существенными, но все же не таковыми, которыя могли бы оправдать расколъ.

Вопросъ объ отношеніи къ либераламъ и вопросъ о профессіональной борьбѣ возбудилъ особенно много дебатовъ. Однако за резолюцію конференціи о либералахъ подано 17 голосовъ, противъ — 5, воздержалось — 9. О профессіональной борьбѣ: за — 24, противъ — 2, воздержался 1. Послѣ разсмотрѣнія параллельныхъ резолюцій о вооруженномъ возстаніи и временномъ правительствѣ приняты слѣдующія резолюціи:

1. Признавая разногласія по вопросу о вооруженномъ возстаніи *существеннымъ* и *глубокимъ* общесибирская конференція тѣмъ не менѣе не находитъ ихъ достаточными для раздѣленія Партіи на двѣ фракціи (принята 29 голосами при одномъ воздержавшемся). Разсмотрѣвъ резолюцію съѣзда о вооруженномъ возстаніи и резолюцію конференціи о томъ же, вмѣстѣ съ проектомъ резолюціи конференціи о вооруженіи — общесибирская конференція *не раздѣляя* резолюціи съѣзда, присоединяется къ резолюціи и проэкту конференціи (24 гол. — за, 1 — воздержался и одинъ только за проэктъ отдѣльно).

2. Полагая, что вопросъ о Временномъ Правительствѣ является не столь существеннымъ для практической работы *ближайшаго времени* и пріобрѣтетъ важное значеніе лишь съ моментомъ окончательной побѣды революціи, общесибирская конференція, хотя и находитъ разногласія въ параллельныхъ резолюціяхъ съѣзда и конференціи *важными* и *глубокими*, не считаетъ ихъ, однако, достаточными основаніемъ для оправданія раскола въ Партіи (за — 28, при 2 воздержавшихся). Затѣмъ, сибирская конференція 25 голосами, при 5 воздержавшихся присоединилась къ резолюціи конференціи партійныхъ работниковъ по вопросу о Временномъ Правительствѣ.

Цѣлый рядъ другихъ резолюцій сообщу въ слѣдующій разъ.

Резолюція, принятая Рыбинской Группой.

1. Съѣздъ, созванный Б. К. Б. и Ц. К., не можетъ быть признанъ партійнымъ, и, какъ таковой, имѣть для всѣхъ членовъ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи обязательную силу и власть. По существу объединивъ въ себѣ представителей тѣхъ, два большевистскаго направленія нашей партіи, съѣздъ тѣмъ самымъ обратился въ конференцію сторонниковъ этого направленія и, слѣдовательно, не могъ присвоить себѣ всю совокупность опыта, познаній и воли. Формально созванный съ явнымъ нарушеніемъ Устава партіи безъ гарантій правильнаго и полнаго представительства, съѣздъ тѣмъ самымъ лишился даже формальнаго основанія для общеобязательности своихъ рѣшеній.

2. Признавая въ настоящее время крайнюю необходимость объединенія всѣхъ партійныхъ силъ, но, вынужденные, вслѣдствіе закрѣпленія съѣздомъ „большинства" раскола въ нашей партіи, ясно опредѣлить свое отношеніе къ обнаружившемся 2-мъ основнымъ теченіямъ въ партіи — Рыбинская Группа, большинствомъ голосовъ при одномъ воздержавшемся, постановила присоединиться къ тому направленію, которое выразило свое довѣріе „Искрѣ". Рѣшеніе свое о присоединеніи къ меньшинству Группа вынесла, руководясь тѣмъ, что, по ея мнѣнію, направленіе меньшинства по своимъ тактическимъ и организаціоннымъ взглядамъ больше, чѣмъ теченіе большинства, соотвѣтствуетъ интересамъ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, какъ партіи борющагося пролетаріата въ настоящій моментъ и дезорганизаціонному строя. Имѣя въ виду всю важность тѣхъ практическихъ слѣдствій, какія вытекали для Рыбинской организаціи отъ того или иного рѣшенія вставшихъ вопросовъ, Рыбинская Группа, состоявшая при Сѣверномъ Комитетѣ, организовала два собранія всѣхъ мѣстныхъ членовъ партіи, работающихъ подъ руководствомъ Группы. На первомъ собраніи, посвященномъ вопросу о существѣ партійныхъ разногласій и о партійности съѣзда большинства, всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, голосовавшаго противъ, не признали съѣздъ партійнымъ. На второмъ собраніи были разсмотрѣны резолюціи съѣзда большинства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, группа предложила на обсужденіе 2 свои выше приведенныя резолюціи. Собраніе, большинствомъ голосовъ противъ 1 при 3 воздержавшихся, признало объ резолюціи, выразивъ Рыбинской Группѣ свое довѣріе.

Поправка: Въ передовой статьѣ № 106 „Искры" была два раза упомянута ст. „Къ современному положенію", причемъ оба раза по ошибкѣ былъ указанъ № 103 „Искры", а не № 101, какъ слѣдовало бы.

Были изданы: Одесской Группы: 1) „Съ народомъ, солдаты!" (листокъ „Искры" — измѣнено заглавіе — въ 4000 экземпл.); 2) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (объ іюльскихъ дняхъ — 10.000); 3) Рабочій и солдатъ (8000); 4) Ко всѣмъ гражданамъ (объ истязаніяхъ въ участкахъ — 5000); 5) Отчетъ Группы за май и іюнь (печ.); 6) Самодержавіе на военномъ положеніи (8000 экземпл.). Тифлисскаго Комитета: Заявленіе меньшинства или III съѣзда съ послѣсловіемъ (печ.). Томскаго Комитета: 1) Надъ могилой (по поводу постановки памятника на могилѣ Кононова); 2) Всеобщая стачка желѣзнодор. рабочихъ (3000 экз.); 3) По поводу стачки печатниковъ (3500 экз.); 4) отчетъ за іюль; 5) Призывъ на демонстрацію; 6) Резолюція служащихъ управ. фельдш.; 7) Къ гражданамъ (всѣ — печатн.). Иркутскаго Ком.: „Летучій листокъ" (№№ 3 и 4). Сибирскаго Союза: „Съ кѣмъ идти крестьянамъ?" (перепеч. изъ „Соц.-дем."). Юзовской группы Донецкаго Ком.: „Товарищи, кровавое зарево охватило." (печ. — 2500 экз.). Маріупольск. гр. Донецк. Ком.: 1) „Къ рабочимъ и ремесленникамъ Маріуполя" (печ. — 2000); 2) Къ рабочимъ трубопрокатн. и мартенов. цехов Никол.-Маріупольск. завода (гект.—100); 3) Къ рабочимъ зав. Совферъ (гект.). Горловск. гр.: Требованія стачечниковъ. Донского Ком.: 1) Отчетъ за май (гект.); 2) „Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право" (8000 экз.). Варшавск. Ком. Военно-Революц. организація: 1) Къ обществу (печ. — 1000); 2) „Подымайтесь, солдаты!" (листокъ „Искры", печ. — 10.000); 3) Къ солдатамъ, отправляемымъ на войну (2000 экз.). Смоленскимъ Комитетомъ: „Подымайтесь, солдаты!" (10.000). Нижегородск. гр.: 1) О п громѣ 9 іюля (гектогр.); 2) Ложь губернатора Унтербергера (гектогр.). Сормовск. рабоч. организація: 9 іюля (1000); Нижегородск. Ком.: „Они столковались" (листокъ Ц. К. — 6000). Кубанск. Ком.: Ко всѣмъ рабочимъ и служащимъ Владикавк. маст. (призывъ къ всеобщ. стачкѣ — 5000). Путиловской группы соц.-дем.: „Къ жителямъ Путиловскаго уѣзда" (по поводу увольненія реакціонными земствомъ либеральныхъ врачей — гектогр.). Объединенной организаціи соц.-дем. комитетовъ въ Николаевѣ: О голодовкѣ въ тюрьмѣ (гект.). Кіевск. Ком.: „Къ юбилею мастера Гапса" (гект. отъ заводск. района). Крымск. Союза: 1) „Солдатская памятка" (2-е изданіе — 14.000); 2) „Султанъ всероссійскій" (листъ „И" — 5000). Севастопольск. организація: „Матросская памятка" (4000). Керченск. организація: По поводу демонстраціи въ думѣ (800 экз.). Елизаветград. Ком.: „Султанъ всероссійскій" (печ.)

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Бѣжалъ и прибылъ заграницу изъ Олонецк. губ. Ч. **Петрашевичъ** (было загр. организація Искры). Бѣжалъ изъ Якутской области **Вайнштейнъ** (по дѣлу транспорта Искры 1902 г.). Изъ Иркутской тюрьмы бѣжала **Ревекка Рубичикъ**, по „Романовскому" дѣлу (была приговорена къ 12 гг. каторги) Ида Олекминска бѣжала **Краснянская** (осужд. по дѣлу Южной Группы, въ Одессѣ, въ 1903 г.). Витебскъ. Арестована 17 лѣтняя дѣвушка Маня Минцъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Хохлу. Не вполнѣ поняли ваше письмо. Но что могли, отвѣтили. **Чайкѣ.** Ваше письмо Загорнда разобрали только якну; очень плоха пишя. По поводу всѣ адреса. **Газу.** Искру выслали по всѣмъ адресамъ. **Бельгійцу.** Пришлите адресъ для испосредственныхъ сношеній. **Агафону.** Пишемъ часто, пришлите еще одинъ адресъ. **Нордбергу.** Краткое письмо получено, почему нѣтъ подробностей? **Уралъ.** Открытку получили. Ждемъ новыхъ адресовъ. [illegible] „Искры" въ резервѣ" и „Пропагандиста". Не пойдетъ.

Типо[illegible] Партіи. Rue de la Conlescarpière, 27. Genève.